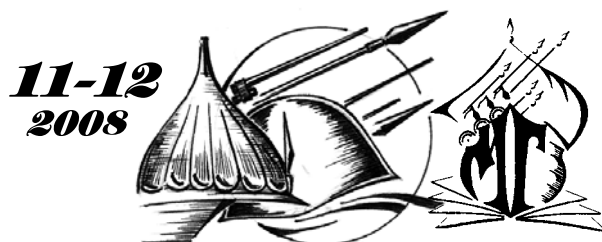

Россия, Русь! Храни себя, храни!

Союз писателей России

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Основан в 1922 году

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Анатолий САМАРИН. Деморализация и криминализация	3
Наталья НАРОЧНИЦКАЯ. Стратегия западного мышления	119
Михаил АНТОНОВ. Россия XXI века: путь к мировому лидерству. Продолжение	144
Олег ПЛАТОНОВ. Русское сопротивление грядущему антихристу. Продолжение	181
Семен ШУРТАКОВ. Извечное противостояние?	192

ПОЭЗИЯ

Вячеслав КИКТЕНКО. Лодочка плывет. Стихи	21
Геннадий ФРОЛОВ. Ноша. Стихи	24
Ольга ДЬЯКОВА. В шали на ветру. Стихи	27
Анатолий АВРУТИН. Белое на белом. Стихи	29
Стихи поэтов России	32

ПРОЗА

Виктор МАНУЙЛОВ. **Иду на вы.** Сказание 41

ДОСЬЕ «МГ»

Юрий КРУГЛОВ, Татьяна ВЛАДИМИРОВА. **Деяние,
близкое к святотатству** 215

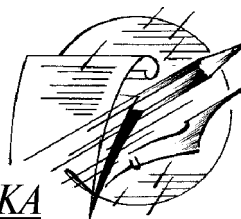

Анатолий САМАРИН,
кандидат философских наук

ДЕМОРАЛИЗАЦИЯ И КРИМИНАЛИЗАЦИЯ

Из-за продолжающегося раздела и передела собственности страны все явственнее разрушаются государство и общество, что ведет к обогащению малой части населения за счет обеднения его большей части и деградации всего государства, которое из единого производственного комплекса самообеспечения превратилось в конгломерат хищнических структур, разоряющих страну и ее население.

В России сегодня бедные озабочены борьбой за выживание, обеспеченные — за дальнейшее личное обогащение, а судьба населения, страны, государства в целом, похоже, почти никого не волнует. Население страны лишается всех необходимых для существования программ государственной поддержки стратегических сфер выживания, продовольственной безопасности, стратегических коммуникаций, жилищно-коммунального хозяйства, медицины, образования и т.д. Население убывает количественно и деградирует качественно, становится менее здоровым и образованным, нарастает криминальный менталитет, обостряется индивидуализм, рушатся общественные связи и общие интересы, в том числе защиты государства, что явно угрожает его безопасности.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

В массе обедневшее и обнищавшее население вынуждено искать любые, в том числе противозаконные способы самообеспечения насущными благами и товарами первой необходимости. Бизнесмены пользуются также противоправными методами умножения своих капиталов. Криминал прогрессирует и в структурах власти: коррупция достигает масштабов бюджета всей страны. Все чаще проявляется рейдерство — силовой передел собственности на приватизированные предприятия, что является частью гражданской войны. Преступность в стране продолжает расти, и нет никаких тенденций и оснований для ее сокращения.

Нынешнее российское пенсионное законодательство не предоставляет гражданам пенсионного, предпенсионного и даже активного среднего возраста никаких гарантий получения в старости пенсионных выплат, достаточных хотя бы даже только для физического выживания в условиях неограниченного роста «свободных» цен и тарифов, что принуждает граждан либо к эмиграции, либо к потере квалификации при переходе на менее квалифицированную работу, но связанную с побочными доходами, либо к накоплению «на черный день» средств, добываемых любыми путями, вплоть до явно криминальных.

В обществе нарастает агрессивная конфронтация до взаимоуничтожения, прогрессирует внедрение в общественное сознание наркотически опьяняющей алчности вместо трезвого разума, соблазнов вместо аналитики, легкомыслия вместо объективности, развлечений вместо познания; не случайно появилась даже формула «капитализм — это власть олигархов плюс идиотизация всей страны».

Отношения между людьми деградируют и ограничиваются расчетом «выгодно — невыгодно». На фоне обнищания общей массы населения и явно несправедливого обогащения его узкой прослойки происходит катастрофическое нарастание взаимной жестокости, ненависти, антагонизма и вражды: это неслыханные примеры «дедовщины» в армии, избиения в школах, детдомах, драки и убийства на улицах, издевательства и глумления в административных и даже правоохранительных органах, в быту, в различных организациях; в не так давно мирной и вполне доброжелательной среде общения теперь устанавливаются отношения к своим соотечественникам как к ненавистным врагам.

Фактически натуральная пропаганда жестокости, издевательства и глумления идет постоянно на многих телеканалах, насыщенных криминальными программами и сериалами, боевиками, триллерами и другими т.н. «остросюжетными» фильмами, внедряющими населению в сознание и подсознание маргинальные стереотипы и нормы мышления, поведения и образа жизни. К тому же происходит своеобразная автонаркотизация людей адреналином, устойчивая зависимость от которой склоняет их к получению удовольствия не только от частого просмотра таких передач, но более того — к реализации «экстремальных» ситуаций в реальной жизни.

В деградирующем обществе провоцируются и поощряются худшие свойства и способности людей, в то время как лучшие и достойные не находят нужного применения и поощрения и поэтому атрофируются и гибнут. Происходит как бы «естественный отбор» в сторону деградации гуманизма в отношениях, деструкции творческих, созидательных, интеллектуальных, конструктивных способностей человека; выживают натуры жестокие, злые, жадные, подлые, хитрые, наглые — эти свойства словно заразная болезнь постепенно распространяются на все население, что усиливает внутреннюю конфронтацию и ослабляет государство.

Эти прогрессирующие в России сегодня тенденции явно навязаны извне — для самоуничтожения населения, которому изначально не присущи в массе аморальность и криминальные наклонности, бессовестность, злые намерения и злодеяния. Рыночные отношения — «все продам и все куплю (или обману и украду)» — извращают менталитет, деформируют здоровую психику общественного человека в сторону алчного индивидуализма, когда человек стремится жить не совместно с обществом, но главным образом — за счет общества, путем обмана, мошенничества, воровства, грабежа и прочих преступлений.

Торговля в принципе включает в себе возможность посягательства на чужую собственность — на товар, на деньги или на их эквивалент. Но именно ту же цель — захват чужой собственности — имеет война. При торговых операциях далеко не всегда прибыль получают обе стороны, чаще одна за счет ущерба другой — путем обмана или принуждения обстоятельствами, а т.н. «коммерческая тайна» призвана защищать эти обманы. Фактически все рыночные отношения — это явная или скрытая

война: между конкурентами-производителями, или между торговцами-конкурентами, или между торговцами и покупателями.

Негативные последствия такой войны не замечаемы при **избытке** продукции или услуг, но в условиях дефицита — реального или искусственно создаваемого — конфликты участников могут вести к разным коллизиям вплоть до реальных войн между государствами. Рынок при дефиците — это явная разновидность войны, и именно войну внутри России, фактически — гражданскую войну, спровоцировала навязанная извне рыночная реформа.

Принципы рыночной экономики способствуют деморализации и криминализации общества: так, если на месте книжного магазина процветает винно-водочная торговля, то прибыль в бюджет больше, но вместо образования и просвещения населения прогрессирует его спаивание, алкоголизация, деградация, криминализация. То есть денежная прибыль — это явно ложный критерий успеха в развитии государства, когда бюджет во многом пополняется за счет непроизводственной сферы и явно вредного предпринимательства.

Следствием рыночных реформ явилась также и разрушающая государство массовая коррупция — как результат введения рыночных принципов не только в экономику, но и в общественную жизнь, когда поведение человека или группы людей определяют не доводы разума и не соображения пользы, но только получение личного дохода без учета последствий для окружающих. Коррупционирована практически вся страна — от рядовых граждан, отдающих голоса на выборах за грошовые подачки, до депутатов и чиновников вплоть до самых верхних уровней власти. За взятки различных масштабов в стране можно купить практически почти все — от оружия разных калибров до привилегий бизнесу, разоряющему страну, и до введения законов, уничтожающих коренное население и дающих власть в России иностранному капиталу и его спецслужбам. Есть основания считать, что переворот 1990—1991 годов также был проплачен и куплен из-за рубежа, как т.н. «революция роз» в Грузии и «оранжевая революция» на Украине.

Идеологи и практики рыночных реформ в России в качестве одного из главных достижений демократии преподносят отказ государства от принципов патернализма («отеческой заботы», покровительства, протекционизма)

в отношении населения страны, декларируя это как «обретение свободы граждан от опеки государства». «Каждый должен рассчитывать только на себя» — этот девиз безответственности личности перед обществом и общества перед личностью выдается как якобы основа «либерализации» общественных и экономических отношений, фактически вводящей в обществе вместо принципа конструктивной взаимопомощи некую разновидность «закона джунглей».

Отказ от патернализма — еще один негативный фактор, привнесенный извне в Россию и явно способствующий саморазрушению государства в кризисной ситуации. Можно, понятно, отказываться хотя бы частично от государственной поддержки и контроля — только при полном благополучии ситуации. Но отказ государственных структур в критический момент истории от поддержки самых насущных для населения и государства в целом стратегических направлений уже привел в реформируемой России поистине к катастрофическим последствиям.

В сельском хозяйстве — это истребление коллективных хозяйств, которым не стали полноценной заменой фермерские хозяйства и кооперативы: производство продовольствия в стране снизилось более чем вдвое и продолжает в массе деградировать, вымирание сельского населения идет гораздо быстрее, чем в городах, пропадают знания и традиции, дисквалифицируются или мигрируют в города специалисты, зарастают бурьяном и лесом огромные пространства земель. При том, что государственная поддержка аграрного сектора в развитых странах достигает десятков миллиардов долларов ежегодно, а в США порядка ста миллиардов, однако в России с ее климатом рискованного земледелия эта господдержка минимальна или фактически отсутствует вовсе.

В здравоохранении — мизерные зарплаты медикам и минимальное финансирование лечебных учреждений привели к развалу больниц и клиник, к деградации персонала, к его оттоку в иные сферы деятельности, к росту многочисленных заболеваний, включая эпидемии туберкулеза, гепатита, наркомании, СПИДа, а также сердечно-сосудистые, онкологические, эндокринные и прочие болезни. Обедневшее население в массе не в состоянии оплачивать лечение в частных больницах и потому обречено на ускоренное и мучительное вымирание из-за недоленных, хронических и тяжелых болезней.

В социальном обеспечении — разрушена система профсоюзной поддержки населения, приватизированы многочисленные санатории и дома отдыха, которые из бывшего эффективного института оздоровления населения превратились в доходные дома для частных владельцев. Социальные пособия и пенсии стали меньше уровня реального прожиточного минимума и не обеспечивают инвалидам и ветеранам хотя бы минимально приемлемого качества жизни. В то же время вопреки ст. 19 Конституции РФ чиновники по специальному законодательству о госслужащих обеспечили себя выплатами, пособиями и пенсиями подчас стократно более высокими, чем у прочего населения.

В области культуры — отсутствие должной поддержки привело к эмиграции или преждевременной кончине многих представителей культурной сферы, в частности, музыкантов классического направления; к деградации и уничтожению множества домов и дворцов культуры, клубов, просветительских центров, библиотек, концертных циклов, радиопрограмм и телепередач культурного направления, на смену которым в массовом масштабе введены подчас откровенно пошлые развлекательные представления низкого качества, способствующие снижению общего интеллектуального уровня населения, его норм и стандартов культуры, чем провоцируется и поощряется натуральное одичание, бескультурие и безнравственность.

В сфере охраны и поддержки материнства и детства ввиду отсутствия вопреки ст. 7 Конституции реальной и должной поддержки этой сферы произошел полный крах положительных демографических показателей, мы теперь имеем катастрофическое снижение рождаемости и рост числа больных детей. Как в годы Гражданской войны, миллионы подростков стали беспризорниками, не получают школьного образования и должного воспитания, вовлекаются в криминальную среду, что становится дополнительными деструктивными факторами в обществе.

В образовании — чудовищная подмена перед референдумом 1993 года статьи Проекта Конституции о бесплатном **среднем** образовании на статью о бесплатном **общем** образовании привела к обоснованию сокращения финансирования и должной поддержки школы со стороны государства, а это стало причиной дефицита кадров, коррупции, снижения качества обучения и подрыва прести-

---

жа этой сферы, материального и нравственного разорения образовательных учреждений, а в итоге — феноменальный подрыв системы образования и общий рост невежества.

В трудоустройстве — фактическая отмена в Конституции права на труд (в наличии имеется статья только о праве на условия труда) сняла с органов государственной власти обязанность полезного трудоустройства граждан, а значит, и обеспечения хотя бы минимальными средствами существования, а для квалифицированных специалистов возможности максимально эффективно и с пользой для общества и государства использовать свои способности и квалификацию. Это привело к эмиграции и дисквалификации специалистов, а также к использованию гражданами своих способностей в теневых или даже в криминальных сферах экономики, что явно не идет на пользу государству.

В науке — вся фундаментальная наука и большая часть прикладной может прогрессировать лишь при таком масштабном финансировании, которое способно обеспечить только богатое государство. Никакой бизнес, которому прибыль от вложений нужна быстрая и существенная, не обеспечит широкомасштабных научных исследований, что в состоянии реально продвинуть вперед знания о мире, о человеке и о потенциалах человека в мире. Финансирование в основном лишь некоторые прикладные исследования, которые могут только обеспечить некий технологический прорыв в рыночной конкуренции. Следствием нищеты нынешней российской науки является массовая работа ученых и научных коллективов за иностранные деньги для выгоды иностранных грантодателей, а вовсе не для пользы России, или же массовая эмиграция специалистов с теми же последствиями — то есть в ущерб России и ее безопасности.

В военно-промышленном комплексе — нагляднее всего снижение опеки государства приводит к неполноценному использованию производственных мощностей, интеллектуальных ресурсов и перспективных технологий, к деградации ВПК и к применению в нем иностранных технологий с возможными тайными программами подрыва обороноспособности, например. Все это не ведет к укреплению безопасности государства.

В обороне и армии отсутствие патерналистских тенденций ведет не только к снижению материальных, технологических возможностей армии, флота, ракетных и

космических комплексов, но еще и к катастрофическому подрыву позитивных психологических факторов у военнослужащих, вынужденных рисковать жизнью, защищая не свое Отечество, но фактически безразличные к судьбам людей государственные или предпринимательские структуры, получившие власть над населением страны и использующие армию в своих личных интересах, нежели в интересах защиты страны, народа и государства в целом. Жуткие случаи «дедовщины», в частности, подтверждают факт моральной деградации армии, лишенной осмысленной цели — с риском для жизни служения Отечеству и своему народу. Использование контрактников (они же «наемники») не меняет ситуации деморализации в армии: наемник по рыночным принципам воюет на той стороне, что больше платит.

В энергетике — отсутствие протекционизма к отечественным производственным структурам и населению привело к росту внутренних цен на энергию разных видов почти до уровня мировых цен, что явно негативно сказалось на рентабельности многих российских предприятий, привело к их разорению, к общему росту цен и снижению уровня жизни населения. Полной нелепостью и абсурдом является ситуация, когда в стране с гигантскими энергоресурсами цены на них становятся практически такими же, как в странах, где таких ресурсов нет, а энергозатраты гораздо меньше из-за более мягкого климата. Отсутствие протекционизма к своему народу, к своему производственному комплексу означает явный протекционизм к иностранцам в ущерб независимости и безопасности российского государства. Особенно ярко это проявляется в энергетике.

В жилищно-коммунальной сфере прекращение строительства и обслуживания жилищно-коммунального хозяйства хотя бы частично за счет государственных средств в условиях крайнего дефицита жилья и катастрофически изношенной коммунальной инфраструктуры ведет к явному патернализму вовсе не для населения, а для тех частных предпринимательских образований, которые в этой ситуации извлекают сверхдоходы на строительстве и содержании жилья, являющегося одной из самых жизненно насущных человеческих потребностей — подобно одежде, например. Поскольку население является составной частью государства в целом, то отсутствие должной поддержки и покровительства населению в этой сфере со

стороны структур государственного управления и власти практически эквивалентно недостаточному финансированию армии, что никак не укрепляет государство и не способствует его безопасности.

В молодежной политике отсутствие государственной поддержки в воспитании молодого поколения фактически является антигосударственной политикой, что просто самоубийственно, поскольку молодежь в перспективе — это то население, которое является составной частью государства в целом. Вся молодежь сейчас практически безпризорна и, подобно прочему населению, брошена на произвол судьбы без каких-либо патерналистских тенденций. Но отсутствие поддержки позитивным явлениям означает протекцию негативным — сорняки, как правило, гораздо сильнее культурных растений. Поэтому рост в молодежной среде алкоголизма и наркомании, нигилизма и преступности, маргинальных и деструктивных тенденций — все это следствие безответственной и самоубийственной политики государства в отношении молодежи как будущего этого государства.

В законодательстве — все более проявляется патернализм вовсе не к населению, но к фактически обирающим население и разоряющим государство бизнес-структурам. Путем лоббирования и введения все новых и новых т.н. «непопулярных» законов население все более лишается поддержки и покровительства государственных органов; причем при явном и необоснованном протекционизме в отношении бизнес-структур происходит поощрение более негативных и даже разрушительных тенденций, формально легитимных, но фактически противоправных: тем самым нарастает протекционизм к явлениям разорения страны в ущерб основному населению и безопасности государства.

Разве можно надеяться на патриотизм населения в условиях столь беспощадного и антинародного отношения структур государственной власти к коренному населению страны? Кому и зачем нужно такое государство, которое превращает территорию страны в некий стадион для рыночной азартной игры, итогом которой может стать захват иностранцами и самого «поля стадиона», и всей его инженерной инфраструктуры? Если в стране не опекаются свои граждане, а протекционизм законодательства и гос. органов направлен лишь на того, кто больше налогов платит (безразлично — от пользы или от вреда), то это не государство, а фактически площадка для азартных игр типа казино.

Откуда же возникнет в народе патриотизм, если отсутствует протекционизм государства к своему народу, к своему отечественному производству, к полезному предпринимательству, к носителям позитивного и здорового менталитета, к науке, даже к своему ВПК и армии? Отсутствует система государственного поощрения одних направлений деятельности, полезных, и осуждения других — явно вредных, хотя и приносящих налоги в бюджет. В явном ущербе образование граждан, физическая и общая культура, здравоохранение — в результате население деградирует в сторону физического нездоровья, необразованности, невоспитанности, бескультурья, что очевидно подрывает безопасность государства.

Никак не располагает к патриотизму ситуация фактического истребления коренного населения, взамен которому происходит массовый въезд в страну всевозможных иммигрантов; она слишком похожа на действия некоего оккупационного режима, установленного в стране при действенной поддержке иностранных советников и спецслужб в целях развала и уничтожения Российского государства и превращения территории России в подвластную этим силам зону добычи и производства реальных ценностей на благо иных стран, то есть в колонию хозяев «мирового рынка», управляемую высокооплачиваемыми наместниками и наемниками, чем компрометируется государственная власть вообще и создается подрыв идеологии поддержки населением такого государства.

Никак не способствует патриотизму населения применение силовых структур против акций населения по защите своих прав и даже против мирных демонстраций. Антипатриотичны и антигосударственны одновременно действия гос. структур в условиях развала стратегических систем жизнеобеспечения страны — ЖКХ, в частности. Не устраняются корневые причины деградации общества и государства. Не только в медицине, но и в государственных масштабах перестает действовать принцип «не навреди», означающий «принеси пользу», а ущемление и умаление пользы означает нарастание вреда. Вредительство из фактов локальных и чрезвычайных переросло в явление массовое и обыденное.

Если рассматривать население страны как неотъемлемую составную часть того, что называется государством в целом, то придется признать, что состояние здоровья на-

---

селения, его образования и общей культуры, а также условий жизнедеятельности, жизнеобеспечение населения, включая жилищно-коммунальные вопросы, являются вовсе не частным делом «хозяйствующих субъектов», а стратегической проблемой государственного масштаба, от которой в большой степени зависит безопасность государства.

Жилищно-коммунальное хозяйство страны как самая мощная и разветвленная система коммуникаций жизнеобеспечения населения страны и ее стратегических объектов представляет собою в настоящее время самый уязвимый и самый объемный стратегический объект в России, подвергшийся за полтора десятилетия рыночных реформ самому масштабному подрыву, который угрожает безопасности как отдельных районов, так и в совокупности всего государства. Ситуацию усугубляют принятые в последние годы законы, в частности, новый Жилищный кодекс, а также Земельный кодекс.

С начала 90-х годов практически повсеместно не велись в должном объеме необходимые ремонтные и профилактические работы систем водо-, энерго- и теплоснабжения населенных пунктов, жилых микрорайонов и огромного количества отдельных многоквартирных домов. Параллельно шел процесс повышения процентной доли оплаты населением жилищно-коммунальных услуг вплоть до 100 процентов, что, с одной стороны, — постепенно освобождало бюджеты от необходимых доплат снабжающим и ремонтным организациям, обслуживающим жилищно-коммунальное хозяйство, а с другой стороны — все более снимало ответственность административных органов разного уровня за состояние жилищно-коммунальной сферы, сводя все проблемы в ней к так называемым «конфликтам хозяйствующих субъектов».

Между тем, система ЖКХ для России с ее достаточно суровыми природными условиями представляет собою столь же стратегически важную для жизнеобеспечения и безопасности государства структуру, как системы связи, транспорта или обороны страны, включая армию. С учетом этого большая часть ее была построена и обслуживалась ранее с поддержкой государства. Но в настоящее время степень износа жилищно-коммунальных коммуникаций и фондов оценивается в масштабах от 70 до 90 процентов, участились разнообразные аварии в этой сфере, и вся она, за исключением малого процента новостроек,

---

находится фактически в предаварийном состоянии, что чревато возможными катаклизмами в масштабах всей страны с потерями населения или существенным ущербом для состояния его здоровья.

Однако существующее законодательство, в частности, принятый Жилищный кодекс, — возлагает все расходы и всю ответственность за состояние жилищно-коммунального хозяйства исключительно на население, освобождая практически от всех этих забот и от ответственности государственные структуры и административные органы разных уровней, что совершенно недопустимо в условиях крайней бедности основной массы населения, неустойчивой экономики и прогрессирующей инфляции. Нелепость подобной ситуации можно сравнить, например, с переводом на самообеспечение армии, которая призвана защищать население и государство от военной агрессии, так же как жилищно-коммунальный сектор защищает население от агрессивных и неблагоприятных природных факторов.

Согласно новому Жилищному кодексу возникают, в частности, нелепые ситуации коллективной ответственности жителей многоквартирного дома за неплатежи кого-то из соседей, что ущемляет права добросовестных плательщиков и вызывает дополнительные обострения отношений в обществе, и без того доведенном до состояния взаимной агрессивности его членов и групп. Естественно, такие ситуации не идут на благо общей психологической обстановке в стране, находящейся при проведении рыночных реформ и продолжающегося передела собственности фактически в состоянии некоего подобия гражданской войны.

Более того, вместо государственных или муниципальных структур управления жилым фондом вводятся частные управляющие компании, которые в условиях дефицита квалифицированных кадров никак не улучшат в массе качество содержания и ремонта жилья, однако будут неограниченно наращивать тарифы за свои услуги соответственно рыночному принципу «свободных цен». В перспективе очень вероятны дальнейший развал систем ЖКХ, протесты граждан и массовые волнения, а также, как следствие, нарушения работы предприятий и систем жизнеобеспечения и безопасности государства.

То, что происходит в России уже второе десятилетие, невозможно характеризовать иначе как прогрессирующая

деградация. Страна и ее экономика продолжают пребывать в процессе разоряющих ее реформ, причем выгоду от этого разорения получают именно те, кто ее разоряет. Произведена и продолжается под видом «приватизации» натуральная диверсия, поскольку введено право собственника поступать как вздумается со своей собственностью в **своих** интересах, а вовсе не в интересах населения страны и государства в целом.

Бездумное, стихийное, шальное введение принципов и правил рыночной экономики в России работает против ее народа и безопасности государства. В стране введены ложные критерии успеха и благополучия, а идеология и принципы рыночных реформ — феноменальный обман народа. Рынок — лишь способ перераспределения ценностей, а не технология успешного их производства. Госсектор уничтожен. Успех работы предприятий оценивается не пользой своей стране, а выгодой от продажи за границу.

Внедрена система ложных ориентиров, в частности, заявлено, что критерий благополучия экономики — уровень инфляции, а вовсе не сумма реальных ценностей и благосостояния в стране, не уровень жизни населения и безопасности государства. Макроэкономика в стране сводится в основном к способам взаимоотношения и взаимоперехода денег и ценностей среди фирм и населения и уплаты в бюджет налогов с этих операций.

В стране фактически реализована макроэкономика разорения и грабежа — налоги все изымаются в конечном счете с народа плюс идет активная распродажа природных ресурсов. Поощряется ростовщичество — прогресс банковской сферы намного активнее иных сфер экономики. Рост спекулятивного фондового рынка, капитализации фирм, то есть рост стоимости акций — также фактор инфляции рубля. Рубль не обеспечен собственными средствами жизнеобеспечения, их приходится ввозить из-за границы, продавая энергетические ресурсы страны. Импорт продовольствия в Россию — это десятки миллиардов долларов ежегодно, уходящих из страны.

Министр финансов делает странные (неадекватные) заявления, будто в следующем году экономика поднимется уже к дореформенному уровню, а к 2050 году Россия станет одной из богатейших стран мира. На основе чего такие прогнозы? Тот же Кудрин считает, будто незапланированный рост инфляции идет из-за перерасхода бюджета

та на оборону и социальные программы; так что же — их урезать, а не поощрять экономический рост?

При падении уровня производства в несколько раз обогащение небольшого слоя граждан идет путем изъятия средств остальной части населения за счет «свободных цен» и присвоения государственных ресурсов. Введенные в стране «свободные цены» пошли вовсе не на развитие производства, а на накопление денег и прохождение во власть.

Власть в стране не принадлежит народу, фактически реализована вовсе не демократия, а реальная власть олигархов и чиновников как их прислуги. Законодательство в стране организовано для выгоды капиталу и олигархам, в конечном итоге — мировому капиталу и мировым олигархам, а местные олигархи играют роль наместников мирового капитала за свои доходы с разоряемой страны.

В процессе авантюры проводимых «рыночных реформ» всю Россию фактически купили задешево и задешево продали: куплено население — мелкими подачками и враньем в том числе о демократии, куплены местные бизнесмены — своими мнимыми успехами, куплены ветви власти и олигархи, ставшие наместниками мирового капитала в России.

Правоохранительные органы охраняют не права народа, а права бизнеса и власть бизнеса, законы в стране — правила игры ради удобства бизнеса и власти, служащей бизнесу. В то же время армия самоубийственна, поскольку нет ориентира — кого защищать и против кого воевать. Нет идеологии патриотизма, а без нее армия — сборище наемников или биороботов.

Продолжается сокращение народонаселения, его активной части, обнищание пожилых; нерациональное использование человеческого потенциала, неэффективные технологии экономики, рост прибылей у фирм и лиц, не приносящих реальной пользы. Так называемые «национальные проекты» или «национальные программы» — явно недостаточная и пока практически иллюзорная попытка восстановления поддержки сельского хозяйства и жилищного строительства. Качество медицины и образования далеко отстало от норм советского времени.

Предполагаются также трудности с обеспечением пенсионных выплат, поскольку происходит рост числа пожилого населения и сокращение активного, однако не учитывается то, что и сейчас большая часть активного населения занята отнюдь не в производительных сферах.

Реализуется способ самоуничтожения страны — фактически гражданская война, война за передел собственности, конфронтация вместо здоровой конкуренции, взаимный агрессивный антагонизм в обществе, взаимонависть обогатившихся и обедневших, грабителей и ограбленных.

Среди населения все более распространяются разные виды оружия. Народ деградирует и дичает, нарастает апатия, бездушие и взаимное озлобление. Растет преступность и не устраняются корневые причины ее роста. Страна погрязла в судебных разбирательствах и криминальных разборках. Общая психологическая обстановка — неуверенность, страх, заботы, стрессы.

Нет четкого понимания — какие сферы могут быть прибыльными, а какие затратными. Критерий пользы заменен формальным критерием денежной прибыли. Финансовая арифметика вытеснила напрочь понимание происходящего в стране и мире. Вместо разумного подхода применяются денежные аукционы. Игнорируется факт, что совместное мирное производство гораздо эффективнее вечной взаимной войны, сотрудничество эффективнее конфронтации и что непроизводительные затраты больше в конкурентной среде.

Все проблемы производства необходимых ценностей и даже получения их избытка могут эффективно решаться не путем конкуренции и конфронтации, но разумным применением научных разработок и высокопродуктивных технологий на пользу стране, населению и государству. Франция обеспечила себя энергией на 70 процентов за счет таких технологий.

Под видом экономических реформ второе десятилетие реализуется навязанный иностранными советниками и спецслужбами план самоуничтожения России, который был бы уже полностью реализован еще 10 лет назад, если бы не гигантский экспорт энергоресурсов (прежде всего нефти и газа) и высокие мировые цены на них.

Россию было невозможно завоевать силой, но оказалось легче ее попросту купить. За годы «рыночных реформ» страна подверглась катастрофическому разорению, расхищению и распродаже ее ценностей, производственных мощностей и природных ресурсов в пользу иностранных структур, во вред самой России и ее населению, в явный и гигантский ущерб национальной, государствен-

---

ной безопасности. Масштабы этого инспирированного вредительства, разорения и захвата страны сравнимы с последствиями полнообъемной разрушительной войны. Этот процесс продолжается и сегодня; а от полного разорения и захвата страны пока спасают всего лишь два фактора: высокие мировые цены на распродаваемые Россией природные ресурсы, что является случайным и ненадежным фактором, и наличие ядерного оружия, которое может оказаться бесполезным в условиях его технологической деградации или применения противником иных видов оружия — бактериологического или психологического, например.

Вместо **эффективной** экономики внедряется рыночная, хотя эффективная и рыночная — не одно и то же, возможна эффективность и при плановой экономике или при разумной комбинации плановой с элементами рыночной; важен результат — то есть **польза** для государства и его населения. Шальное введение принципов рыночной экономики в России в качестве самоцели — только ради формального определения ее как «страны с рыночной экономикой», принесло государству и народу явный вред: разорение страны и населения, вторжение иностранного капитала, фирм и спецслужб, утрату благополучия, независимости и безопасности большей части граждан и государства в целом.

Разрушительные для страны реформы явились результатом удачного применения именно психологического (идеологического) оружия, когда буквально одурманенное пропагандой реформ в 90-х годах население как бы «демократическим образом» выбрало руководство, также успешно одурманенное навязанными извне экономическими теориями, сработавшими на благо иных стран и во вред самой России, на ущерб для независимости и безопасности Российского государства. (Немалая часть этого «руководства» оказалась не столько идеологически одурманена, сколько сознательно перешла в услужение иным державам и международной финансовой олигархии. — Ред.)

Разрушительная психологическая (идеологическая) фактически диверсионная обработка населения и руководства России продолжается и сегодня, когда и у деградирующего населения, и у вводимого в заблуждение относительно ситуации в стране и дальнейших прогнозов руководства страны, видимо, буквально потерялся инстинкт самосохранения, что мешает проведению принципиаль-

---

ных перемен в экономической политике, направленных на безопасность государства, на благо России и ее народа. В стране фактически идет пропаганда корысти и алчности, легкомыслия и жестокости, гедонизма и маргинала; в обществе нарастает безразличие к судьбе страны, взаимовражда, ненависть и агрессия, прогрессирует преступность, чем усугубляется процесс самоуничтожения государства.

Ввиду продолжающегося катастрофического снижения численности народонаселения страну заселяют выходцы из разных стран, например, из Китая, что в перспективе ведет к уничтожению россиян как коренной популяции, к полному захвату России различными иностранцами и к ликвидации Государства Российского путем распада на отдельные анклавы.

Вступление России в ВТО — шаг к очередному усилению влияния диктата иных стран на существование России, выгодное именно этим иным странам и ущербное для россиян, однако этот шаг настойчиво лоббируется структурами, связанными с экспортом, то есть с вывозом из России прежде всего ресурсов, необходимых в самой России. Расхитители российских ценностей стремятся получить все более выгодные для себя условия дальнейшего расхищения России, подрывая ее безопасность как независимого государства.

Вместо логичной и благой цели, имеющей в виду стабильность и безопасность государства, обеспечение благосостояния и независимости страны, повышение уровня и качества жизни ее коренного населения, его образования, культуры, медицинского обслуживания, жилищных условий цель нынешнего руководства страны, направляемого олигархами, декларируется как «обеспечение конкурентоспособности России в мировом рынке», то есть возможности любыми путями и средствами добиться того, чтобы как можно более успешно и далее распродавать в иные страны максимум добытых и произведенных в стране ценностей вместо использования их в России, в российской экономике и на благо российского народа.

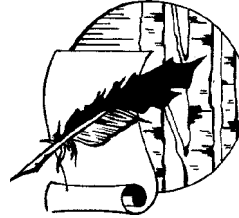
Экономика, вопреки позитивным отчетам правительства, слаба и нестабильна. Инфляция превышает рост ВВП, а это устойчивый сигнал о неблагополучии. Производство так и не достигло даже половины уровня кризисных (!!!) 1990-х годов. Фактически страна живет в состоянии хронической чрезвычайной ситуации, на грани вполне

возможного экономического краха, который может наступить внезапно в любой момент — даже только лишь из-за панических слухов. Рыночная экономика не обеспечила страну и ее население ни собственными продуктами питания, ни прочими жизненно важными товарами и услугами. Деградировали даже те системы жизнеобеспечения, что были построены и удовлетворительно существовали при плановой экономике. Страна паразитирует на своих природных ресурсах, выступая в мировом сообществе в роли нищего, которому подают иные страны взамен на его саморазорение для их блага.

Деидеологизация, то есть отказ от разума в пользу хищнических инстинктов, а фактически — разрушение конструктивных основ технологии существования государства и менталитета его населения, а также фактическое внедрение деструктивной идеологии алчности, личной и клановой наживы любыми путями, даже и в ущерб обществу и государству явилась одним из главных средств уничтожения как Советского Союза, так и далее Российского государства. В условиях нынешнего прогрессирующего экономического и культурного кризиса восстановление и развитие страны как мощного и независимого государства вряд ли возможно без восстановления идеологии разума и конструктивизма, без опоры на идеи и принципы совместного созидания, а не разобщения и разрушения.

Для сохранения и прогресса России надо срочно переходить от принципа государства «хищнического капитализма» к принципам государства прагматического социализма. Необходимо восстанавливать хотя бы частично в хозяйстве и экономике стратегический госсектор, который должен и может работать эффективно для **пользы** государства и народа, а не для максимальных прибылей частных компаний. Иначе страну может ожидать полный крах в ближайшие несколько лет.

Вячеслав КИКТЕНКО

ЛОДОЧКА ПЛЫВЕТ

* * *

Мне снился каравай, до боли грудь щемящий,
Быть может, он хотел,
Чтоб вспомнил я... кого?
Мне снился круглый хлеб...
Он был еще дымящий...
И золотилась корочка его.

Тревожен этот сон, и радостен, я знаю,
Должно быть, он в ночи давно меня искал, —
Я выпекаю хлеб!..
Но я не понимаю.
Но я ведь никогда его не выпекал.

А он стоял светло, как золотая башня,
Он испускал лучи от мощного лица.
А там, за ним, в дыму — угадывалась пашня,
И города вдали, и села без конца.

А стол был как земля, и хлеб стоял на блюде,
Как солнце, как зерно, взошедшее сквозь мрак,
Я чувствовал, кругом за ним стояли люди,
Но я не видел их — не понимаю как.

А он еще сиял, дымился на престоле...
И смолото зерно.
И я его испек.
Я видел — и моя
В нем золотилась доля!
Которая? — еще
Увидеть я не мог.

---

* * *

Звездой белой выстрелит в лицо
Черешня в деревянном переулке.
В резном доме, как в сказочной шкатулке,
Дверное закачается кольцо,
И древний кот, забывший о прогулке,
Возляжет мрачным сфинксом на крыльцо.

Здесь все — его. Он не уступит дома.
Он пяди не отдаст, покуда жив,
Недоурчав и недоворожив, —
Последний житель пушкинского тома.

Он охраняет призраки и тени,
Зрачком всех любопытствующих жжет,
Он охраняет ветхие ступени,
Он пригород волшебный стережет,
И, кажется ему — убережет
Сказанья до последней запятой...

Он — осени угрюмый понятой,
А с гор уже весна сошла на речку,
Подкралась к деревянному крылечку,
И пустоцветом — пулей холостой —
В лицо пальнула...
И дала осечку.
И — разлетелась пылью золотой...

* * *

Сколько слов для двоих в языке,
А дорога одна на двоих...
Запетляю по тихой реке
Откровений нечастых твоих.

Славно в лодочке плыть-уплыть,
Про хорошую жизнь напевать,
И тихонько грустя над рекою,
Нехорошую жизнь забывать.

Ты из вечно тоскующих слов
Выбираешь такие слова,

Что опять я с тобою готов
Волноваться и плыть в рукава.

Славно в лодочке плыть-уплыть,
Про хорошую жизнь напевать,
И тихонько грустя над рекою,
Нехорошую жизнь забывать.

Там у берега тропка одна,
Ой, темна, в чернолесье зовет!..
Но светло окликает волна.
Да и лодочка славно плывет.

НА ДВА ГОЛОСА

— Рассказать тебе, милая, сказку?
— Расскажи, милый мой, Расскажи,
И былую обиду, и ласку,
Все одним узелком завяжи...

— Ты прислушайся, милая: звон золотой!
То родник наш студеный из юности бьет...
Пересохла река, темен берег пустой,
А душа — родниковая жилка — поет.

— Милый мой, за какую утрату
Подарили нам юность души?
— Рассказать тебе, милая, правду?
— Расскажи, милый мой, Расскажи.

— Оглянись, оглянись, вот он, путь наш былой,
Наша жизнь почернела от бед и невзгод,
Все, что пело в крови, прогорело золой...
А душа — родниковая жилка — поет.

— Милый мой, очарованной вестью,
Как бывало, печаль заглуши!..
— Рассказать тебе, милая, песню?
— Расскажи, милый мой, Расскажи!

— Как по круче студеной водичка текла,
Как царапалась жизнь сквозь бездушье и лед...
И разбита вся плоть, и в разломах скала,
А душа — родниковая жилка — поет!..

---

* * *

У нее глаза с двойным дном.
На одном дне у нее
День.
И так сияет она этим
Днем,
Что на другом дне залегла
Тень.
А там, в глубине, —
Гроза!..
Но это таят глаза.

* * *

Сирень за пыльным перегонном
Ломилась в окна с двух сторон,
И выползал с протяжным стоном
Состав на старенький перрон,
Где два дружка, устав до черта
От ласк дорожных, обнялись
С попутчицами, и девчонки,
Прощаясь, в чем-то им клялись,
Старухи продавали раков,
Совали в руки, торопя,
Крылечки высохших барачков
Купались в роскоши репья.
Отодвигалось все, пылило...
Но и доньше, почему? —
Не знаю... — все стоит, как было:
В сухом, сиреневом дыму.

Геннадий ФРОЛОВ

НОША

* * *

Время не может, увы, ничему научить,
Если б могло, то давно бы уже научило.
Вот среди сосен закатные гаснут лучи,
Тьма подступает, и стужей из тьмы засквозило.

Что ж я стою на ветру, что ж пытаюсь облечь
Мысль свою в слово, как будто бы в слове есть сила!..
Вечность родная не может души уберечь,
Если б могла, то и в мир бы ее не пустила.

* * *

Путь не дальний, да грязь глубока,
Почва тяжкая — рыжий суглинок.
Как старухи, бредут облака.
С полевых бесприютных поминок.
Пьяный ветер забился в повесть,
От дождя потемнели заборы.
Бог не дай никому умереть
Здесь в глухую октябрьскую пору!
Это ж сколько мучений родне!
Грузовик не проедет — на пегой
Разве что — и в объезд по стерне,
Да и то не пройдешь за телегой.
Нет, не дай бог, не дай никому —
Даже Каину, даже Иуде —
Без того нынче в каждом доме
Затаились притихшие люди.
Не поверишь, что в часе езды
Блеск асфальта и грохот трамваев,
Видя жалкие эти сады
Да осевшие крыши сараев.
Нет! Уж лучше не думать! Молчи!
Недалеко уже и до цели —
До ворчания русской печи,
До ее огневой канители.
Хорошо еще торфа привез!
То-то славно мне будет порою,
Как ударит ноябрьский мороз
И земля загремит под ногою.
То-то будет в душе благодать
От нестрашного сердцу испуга,
Как начнет к Рождеству задувать
По полям сумасбродная выюга!

* * *

Бледные сумерки марта,
Черная сажа ворон.
Тихо качнулся плацкартный
Тесно набитый вагон.

Тихо вздохнула соседка,
Вынув из сумки роман.
Пристанционная ветка
Зябка укрылась в туман.
И потянулись во мраке,
Смутно чернея вдаль,
Лесопосадки, овраги, —
Скудость весенней земли.
Скудость бесснежной равнины,
Мерзлые кучи песка,
Избы, сараи, овины,
Воля, и страх, и тоска.
Будка за насыпью белой,
Капли на мутном окне —
Все, что пока не стемнело,
Видеть опущено мне...

* * *

Прощай! Не маши торопливо рукою! —
Ведь если былое вернуть,
То эта печаль обернется такою
Тоскою, что не продохнуть.

Пора! Уходи! Не гляди виновато
На то, что сгорело дотла.
Ведь если за радость не будет расплаты,
То это не радость была.

Пусть, только теряя, себя обретают
Навстречу летящие дни.
Но если и горести нас исцеляют,
То так ли уж горьки они?

Опять поредели предзимние кроны,
Опять почернели сады.
Не нам устанавливать в мире законы,
Исполним же те, что даны.

К чему называть — непосильною! — ношу,
С которою должно идти.
Никто никогда не отмерит нам больше
Того, что мы сможем снести!

Ольга ДЬЯКОВА

В ШАЛИ НА ВЕТРУ

ГРОЗА

Пока мы каялись в молитвах,
Гром гневно землю сотрясал.
Гремел ли он о прежних битвах,
А может, будущее клял?

Живительный, внезапный ливень
Оплакал всех и отмолил.
И лужи заблестели синью
Небесных грозовых чернил.

Над полустанком, полем, рощей
Проносится тяжелый гул.
О чем он разъяренно ропщет,
Огонь катая между скул?

* * *

Над водой туман курится,
Словно в речке — кипятилок.
В камышах умолкла птица,
Лес ликующий умолк.

Спят раскидистые вязы,
Но не дремлют косари.
Утро раздает алмазы —
Час остался до зари.

* * *

Песок обманывает сосны,
Перетекая меж корней.
И берег, становясь откосным,
Не даст опоры прежних дней.

Но к солнцу каждую иглою,
Губительный любя песок,
Сосна над бездной голубою
Последний делает бросок.

---

* * *

Когда землей владеют сумерки
И ветер голос рвет грудной,
Я думаю о тех, что умерли
За берега страны родной.

Они шли пешими и конными,
Садилась в глубь стальных коней.
За них молились пред иконами,
Вбивали Имя в твердь камней.

Да, Победителем рождаются,
Он тот, кто все отдаст земле.
Переметнувшийся — раскается,
Увидев церковь на холме.

* * *

Я по черному лаку судьбы
Тонкой кистью рассветов пройду.
Лягут трещины мира, как льды —
По неровным краям доберусь.

И в небесную пропасть нырну,
Брошусь наземь и крикну: «Спаси!»
Мне поможет постичь глубину
Жемчуг риз на иконах Руси.

* * *

Отменяю все встречи,
Поцелуй, объятья,
Шепот сбивчивой речи,
Электричество платья.

Но по мрамору тела
Твоего, на просторе,
Быстрой птицей взлетела
И увидела море.

* * *

Бабья дорога — от печи до порога.
Мало отрады, горюшка много.
Спросится больше, чем учат заветы,
Короток век, как на севере лето.

Бабья дорога — с крыльца до острога
Иль с большака, да в проезжие дроги.
Это не край еще белому свету,
Русские женщины в зиму одеты.

* * *

Небесами осененная,
В легкой шали на ветру
Осень, как приговоренная,
Шла к последнему костру.

* * *

Я себе запрещаю
В зеркала смотреть.
Жизнь меня пропускает
В мясорубке лет.

Вновь зима настигает
Сотни белых шкур.
Кто ж меня поджигает,
Как бикфордов шнур?

Равнодушное время
Колелет свечу.
Я ни вправо, ни влево
Смотреть не хочу.

Неизбежность отмерит
Мой час по шкале.
Но воздастся по вере
Еще на земле.

Анатолий АВРУТИН

БЕЛОЕ НА БЕЛОМ

* * *

Опять грядет зима... И в холоде берез,
Невидное пока, родится содроганье.

Тот свет, что нес в зрачках, но все же не донес, —
Лишь отблеск...

Непокой...

Лишь редкое мерцанье.

Опять недолог день... Бредешь меж тьмы и тьмы.
Подмерзшая листва железит по брусчатке.
Подпертые стволы облезлы и хромы,
А мокрые дома бесформенны и шатки.

В сквозной дали аллея туманен каждый звук —
Пузырится, кружит в мельканье ошалелом.
И лишь одна душа, предвестница разлук,
Тиха и не видна,
как белое на белом...

КОЛЕСО

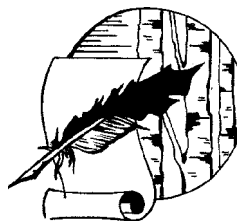
Нет свидетельства. Нет... Не выдано,
Хоть был мысли полет высок.
Мир не знает, кто первым выдумал
Звонкогрудое колесо.
Покатилось оно отчаянно
Через бури, через снега.
И на обод свой нескончаемый
Все наматывает века,
Все дороги торит с усердием,
И не видно конца пути...
Мне б не славы и не бессмертия —
Колесо бы изобрести!

* * *

Всего-то брошенный окурок...
Клочок бумаги... Странный гул.
Из хлама, пересохших чурок
Нежданный пламень шуганул.

В его гудении упрямом
Таилось строгое: «Не тронь!
Ведь хлам тот был всего лишь хламом,
А так он — вспыхнувший огонь...»

*СТИХИ ПОЭТОВ
РОССИИ*

Николай КРАСИЛЬНИКОВ

* * *

Вопросы извечные, братцы:
«Что делать?» и «Кто виноват?»
Россия в себе разобраться
Не может столетья подряд.

Век новый из старого века
Стартует на «сверхзвуковой».
Но снова «фонарь и аптека»,
Как встарь, как в глуши вековой.

И снова со старых погостов
Доносят ветра как набат
Два горьких российских вопроса:
«Что делать?» и «Кто виноват?»

БЕН ЛАДЕН

Где же ты, таинственный Бен Ладен?
Сбилась с ног разведка разных стран.
То ли дышишь ты уже на ладан,
То ли куришь сладостный кальян

Где-нибудь в пещере Гиндукуша,
Или в эмиратах среди жен.
Нет, никто покой твой не нарушит —
Ни шпион, ни черный скорпион.

Спутники, избороздив широты,
Местопребыванья не найдут.

Не достанут бомбой самолеты
Твой последний каменный редут.

И тогда возникнет, не иначе,
Мучивший вопрос уже не раз —
Ну а был ли, в самом деле, «мальчик»,
Тот, что всю Америку потряс?..

Московская обл.

Татьяна МАКСИМЕНКО

* * *

Там русский дух..
А.С. Пушкин

Русы, россы, россияне...
Остров в море-окияне.
То не остров — рыба-Кит!
А на нем — то храм, то скит.
Соболя в лесах кедровых,
Девки в праздничных обновах,
Пряник в лавке расписной,
Воздух, пахнувший весной!

Пляски с шуткой-прибауткой:
С тещей — зять, а лебедь с уткой!
Пляшут так, что пыль столбом!
Пляшет, прикасаясь лбом,
Гармонист к своей гармошке...
Пляшут круглые матрешки
И квадратные деды,
Сбив сосульки с бороды.
Пляшут кони, — что за диво —
Месяц путается в гривах!

Щука к проруби плывет,
Дурака к себе зовет...
В камышах крадется рысь...

Царь с коленей кошку: «Брысь!»
Он на шахматной доске

В бой коня ведет в тоске.
А луна скользит, как бритва...
Дольше жизни длится битва!
Меркнут в залах зеркала...
Не звонят колокола.
Спит Емеля на печи.
Кузнецы куют мечи
В ритме сердца: стук да стук!..

Тяжкий кованый сундук
Обхватил во сне Кощей...
Мхом покрылся мир вещей.
Русский дух, как прежде, бродит,
Входит в лес и не находит
Выхода... И рубит лес:
Щепки, щепки до небес!

Степь придвинулась: грознее
Ходят волны перед нею.
А когда схлестнутся в схватке
Долгорукие ребята,
Станет ясно: их мечи
Словно солнце, горячи,
Ослепляют вражьи взоры!

На бесчестье и позоры
Обрекают наглецов:
В кулаке — земля отцов,
Берегут ее, как око!
А над ними, недалеко
В синеве орел парит,
Черный, как метеорит!

Московская обл.

Петр ДЕГТЯРЕВ

ГРОЗА

Дорогое в дорогом,
За рекою в гроздьях гром,
И багровые плоты
Чешуей горят плотвы...

В мелководии, у плеса
Ветлы сушат веток весла,
Разрази его багром —
За Окою бродит гром...

Переулочком рулада
Бесскворечного скворца —
Много в небе винограда —
Духа, Сына и Отца.

Московская обл.

Александр ОСЫКОВ

СЕГОДНЯ

Бомж
в холодном метро
спит, прижав к груди
грязного, тошего котенка...

Народный депутат,
позабывший вытереть сальные губы
после скромного обеда в «Пекине»,
рассуждает о судьбах России...

Чеченка,
оплакивающая мужа,
надевает пояс шахида
и идет минировать
здание московского театра...

Американский пилот,
с нежностью вспоминающий
о маленьком сыне и жене,
бомбит Багдад...

А Николай Васильевич Гоголь,
пролетающий над землей,
горестно повторяет:
— Скучно на этом свете, господа...

---

* * *

Я снова в прошлое смотрю —
Как будто с теми говорю,
Кого на этом свете нет...
В иных мирах я вижу свет
Таких далеких, близких глаз,
К себе зовущих всякий раз,
Когда с минувшим говорю —
Как в день грядущий я смотрю...

Ведь прошлого, по сути, нет —
Оно лишь будущего след...

г. Белгород

Виолетта БАША

* * *

То зряча, то слепа, в неведомых чертогах,
На крошечке судьбы, на острие эпох
Грустит твоя душа, не внимлющая Богу,
Страдая от того, что ей не внимлет Бог.

Не внимлет ей, и что ж? Пути Господни скрыты.
Дано ведь нам испить из Божьего ручья.
Но хмель нам подает слуга рогатой свиты,
И в споре Света с Тьмой, как водится, — ничья.

И мечется душа, над выбором тоскует,
Всё ближе небеса, и пламя горячей,
И снова, как допрежь, Бог с дьяволом воюют,
И снова этот спор закончится ничьей.

Что выберешь, душа? Ведь скоро уж, подруга,
За праздник бытия предъявят нам счета.
Бог по делам воздаст, черт — по былым заслугам.
А выбор невелик: вот — хмель, и вот — вода.

г. Москва

Дмитрий КОЗИНСКИЙ

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ

Он стоял на ничейной земле
и смотрел пробудившимся взором
на копавшихся в теплой золе
ребятишек, глазевших с укором.
Пепелище стонало бедой,
голосило от боли в пространство,
а поодаль — своей чередой
продолжалось похмельное пьянство:
не желали трезветь мужики,
сами этот пожар учинили.
Лишь добро, распахав в рюкзаки,
неизвестно куда увозили:
ведь Россеюшка так велика!
Может быть, приютит, пожалеет...

К горизонту спешат облака.
Солнце светит.
Да только не греет.

г. Москва

Людмила ШЕРШНЕВА

* * *

Яркий круг настольной лампы,
В доме тишина.
В белизне оконной рамы
Звездочка видна,
Да струится синий-синий
Предвечерний свет —
Так бывает лишь в России:
Синева и снег.
Мандаринов запах нежный,
Хвои аромат,
Весь в огнях
И звездах снежных
За окошком сад...
Словно вышит синим шелком

Белый небосвод.
В доме — сказка.
В доме — елка.
В мире — Новый год.

г. Меллас

Татьяна СКОРОХОДОВА

ПРО ОСЕНЬ

Все темней. Все реже в небе просинь.
Светлых дней от смерти не спасти.
И стихи тоскливые про осень
В этот вечер у меня в чести.

Отчего-то в мире пахнет ночью.
Ну конечно, восемь на часах!
Мир размок, и в мире все непрочно...
Озорник какой-то в небесах

С тучи сизой свесив в небо ножки,
Хохоча и сидя на краю,
Льет колючий и холодный дождик
Из ведра на голову мою.

Чай остыл. Пишу (одни пробелы),
Что сегодня к берегам Земли
Из зимы — хрустальные на белом —
Первые причалят корабли.

г. Москва

Юрий ЛОПУСОВ

* * *

Осенний лес прощается с теплом,
Поля ветрами и дождем омыты.
И на душе и чисто, и светло,
Как после Богом принятой молитвы.

Родник мне шепчет:

«Наклонись, попей...»

Вода с лица смывает тень кручины.
За мой рукав цепляется репей,
Как человек за жизнь перед кончиной.

Гляжу я вдаль с высоких берегов,
И мыслю: для чего живу на свете?
Я не прошу у Бога ничего,
Лишь только б знать, что будет после смерти.

Судьба моя с ольховым посошком
Бредет по свету, как перо по свитку,
И тянет сквозь игольное ушко
Пустых забот и дней печальных нитку.

* * *

Мне тихий шелест стал ночами сниться.
Иль дуб шумит листвой на склоне дня,
Иль Бог тихонько шелестит страницей,
Склонясь лицом над Книгой Бытия?

В той Книге есть моей судьбы страница.
Что мне сулит Господь? Какой удел?
Быть может, завтра час пробьет явиться
На Суд небесный, не закончив дел?

А может быть, сама любовь, как птица,
Крылом коснется сердца моего...
Мне тихий шелест стал ночами сниться,
В нем скрыта тайна Бога самого.

г. Москва

Александр ЗИМИН

О, СНЕЖНАЯ РУСЬ!

Узнаю я в метели стенавшей
И печаль, и российский задор.
Сыпет снег в зев глубокий, овражный,
Заметает сугробами двор.

Все окутано мглою белесой,
Страшен бурей овеянный путь.
Бьется ветер разгульным повесой
В избяную, древесную грудь.
В этом бешеном вьюги вращенье
Вряд ли выстоит пришлый мужик,
Но в неведомом мне озлобленье
Слышу бури неистовый крик.
Не унять разъяренной метели,
Лишь под белой пурги простыней
Там, где гнутся и сосны и ели,
Слышен песни мотив озорной.
Синий дым, извиваясь по крышам,
Ускользает. О, снежная Русь!
Я погостам твоим и долинам
С неустанной любовью молюсь.
За терпенье молюсь и отвагу,
Чем богата ты с давних времен.
Отчего ж по холмам, буеракам
Белой вьюги разносится стон?

г. Октябрьский, Башкортостан

Вениамин ПОБЕЖИМОВ

* * *

Перевернув страницу лета,
Читаю осени главу —
Уж сколько лет я книгой этой
Все начитаться не могу.

Потом пойдут зимы страницы,
И вновь весенняя глава...
А книга стала тоньше спицы,
И вся седая голова...

г. Оренбург

Виктор МАНУЙЛОВ

ИДУ НА ВЫ!

СКАЗАНИЕ

Иде Святославъ на козары; слышавше же козари, изидоша противу с князем своим Каганом, и съступишися битися, и бывши брани, одоле Святослав козароми град их и Белу Вежю взя.

Повесть временных лет

1. Вечерело. Солнце недвижимо висело над покрытым лесом невысокими холмами, подернутыми голубой дымкой. В его лучах золотились и рдели леса низинного левобережья, желтели сжатые поля, сверкала под свежим ветром стремнина реки, а по ней, хватая ветер полной грудью червлёных парусов, подвигались встреч течению четыре ладьи и мерно, в помощь ветру, поднимались и опускались двуручные весла. В прозрачном воздухе далеко разносились перестук кузнечных молотов на Подоле, мычанье коров, бредущих с пастбища, крики рыбаков, тянущих сети по отмелям левобережья, перекличка крепостной стражи и мерный перезвон колоколов церкви Николая Чудотворца, воздвигнутой ещё при князе Аскольде, созывающий христиан на вечернюю молитву.

Сорокашестилетняя княгиня Ольга, княжна племен словенских, сгрудившихся вокруг Пскова, вдова погибшего в Древлянской земле князя Киевского Игоря Олеговича стояла у высокого стрельча-

ПРОЗА

того окна, откуда видны голубые церковные купола, слушала перезвон колоколов, шептала молитву, не вникая в ее смысл: голова была занята совсем другими мыслями. Едва звон затих, она перекрестилась троекратно, прикрыла окно, вернулась к столу и, ни на кого не глядя, села на широкую лавку, подобрав подол длинного белого платья с высоким цесарским воротом, расшитое голубыми и синими шелками — под цвет глаз княгини. Ее светлые волосы, еще не тронутые сединой, заплетены в толстую косу, уложенную на голове короной; лицо чистое, белое, слегка подрумяненное. Княгиня Ольга еще хороша собой, стройна и величава, но годы суровых испытаний сделали ее лицо неподвижным и надменным, взгляд голубых глаз строгим и пристальным.

Все это время в думной палате княжеских хором висела давящая тишина, и пятеро мужей, восседавших на лавках за большим дубовым столом, накрытом синей аксамитной скатертью, делали вид, что ничего не происходит.

2. Пока звучали церковные колокола и княгиня, стоя у окна, творила свои молитвы, сын ее, двадцатисемилетний князь Киевский Святослав Игоревич, считавший приверженность матери цесарскому богу Иисусу Христу женской блажью, которую приходится терпеть до поры до времени, как и ее единоверцев в Киеве и княжеской дружине, и церкви Николы и Ильи, и цесарского патриарха, который всюду сует свой нос, у окна противоположного разглядывал таинственные письма на красиво изогнутом клинке кинжала из дамасской стали, с рукоятью из слоновой кости, отделанной серебром, украшенной жемчугом и сапфирами. Был князь Киевский среднего роста, широк в плечах и груди, с черными кустистыми бровями над светло-синими, как у матери, глазами, вздернутым слегка носом, вислыми черными усами и длинным оселедцем, спадающим на ухо, в мочке которого посверкивает серьга; на нем тоже белая с синей оторочкой рубаха, подпоясанная широким кожаным поясом.

По правую руку от княгини восседали на лавке самые близкие к князю и княгине люди. Первым — воевода Свенельд. Ему под шестьдесят, но он крепок телом и могуч; его лицо, испещренное морщинами и иссеченное шрамами, точно вырублено топором из мореного дуба; седые длинные волосы перехвачены ремешком с вытисненными на нем магическими знаками, призванными

уберечь от меча и злых духов, в ухе серебряное кольцо.

Рядом с воеводой сидит кормилец и воспитатель Святослава, другой старый воин-норманн, Асмуд, лицом, телом и одеждой схожий со Свенельдом, разве что на шею ожерелье из клыков вепря, медведя и волка, да в кольцо в ухе тоже нанизаны клыки, числом три, размером помене.

Оба норманна сидят прямо, точно проглотили посох странника, в их неподвижных взорах нельзя прочесть ничего, кроме смиренного ожидания.

Третьим по правую руку от княгини сидит воевода Претич, славянин по имени Василий, то есть крещеный, как и княгиня Ольга (в крещении Елена). И родители его христиане, и деда, и прадеды — уже, почитай, сто лет. Претич молод, ему едва перевалило за двадцать пять, черты лица его мягки, как мягки его русые волосы, постриженные в кружок, в светлых глазах лучится плохо скрываемое нетерпение, белая рубаха бугрится могучими мышцами. Несмотря на молодость, он уже опытный ратоборец и воевода, ходил на болгар и угров, сражался с ливами и ляхами. Князь ценит Претича, но держит на вторых ролях — и все из-за веры, хотя они и росли вместе, и в Невограде сидели вместе, спасаясь от жестокой власти Хазарского царя.

Эти трое вместе с князем, едва он достиг совершеннолетия, с набранным на севере войском спустились вниз по Днепру, взяли Киев, свергли сидящего в детинце наместника царя иудейского, перебили его воев, освободили от дани хазарской Южную Русь. И каганбек Хазарский пока терпит это своеволие Руси, не до нее ему, других забот хватает выше крыши: тут и одно за другим восстания подвластных народов, и посягательство арабов на иудейскую Хазарию, и интриги Царьграда. Надо сперва укрепить тылы, а уж потом двинуть на Русь свое войско.

Напротив, по другую сторону стола, сидят двое. На них шелковые полосатые халаты, зеленые тюрбаны, сколотые золотыми брошами с бирюзой, с торчащими из них бурьми орлиными перьями. Смуглые лица их тоже неподвижны, черные миндалевидные глаза устремлены поверх голов сидящих перед ними русов. Это хорезмийцы, бежавшие из Итиля, столицы Хазарского каганата, из-под власти царя иудейского, уже, почитай, лет тридцать тому назад. В Киев они прибыли вместе со своими гаремами, детьми, ближайшими родственниками, приближенными людьми, воинами и ремесленниками-рабами. В ту пору

они были молоды, как и сама княгиня, а теперь лица их покрыты морщинами, в усах и бороде седина.

В столице Руси хорезмийцев немало. Многие проживают здесь так давно, что и не упомнишь, когда первый из них постучался в ворота Киева. За минувшие годы они перемешались со славянами и русами, иные приняли христианство, иные стали поклоняться Перуну и Хорсу, им выделили землю, они построились и обосновались, и киевские ремесленники многие умения переняли от пришельцев в кузнечном, гончарном, строительном, ювелирном и других ремеслах, ибо в царстве Хорезмийском, помнившем Великого Искандера, ремесла и науки имели многовековую давность, обогащенную китайским, индийским, персидским и греческим искусствами. Хорезмийцам в Киеве никто не мешал чтить своего бога Аллаха, жить по своим обычаям, но при этом не нарушать обычаев и верований приютивших их русов.

3. Святослав с лязгом вогнал кинжал в узорчатые ножны, положил его на дубовый поставец, вернулся к столу, остановился возле высокого греческого стула с резной спинкой и, заглядывая в неподвижные глаза хорезмийца, спросил:

— А ты не ошибся, почтенный Исфендиар?

— Нет, мой повелитель, — да продлятся дни твои на многие годы! — ответил хорезмиец вставая и, приложив правую руку к груди, слегка наклонил голову. — Верные люди передали, что как только войско каганбека Козарского подавит восстание карабулгар и ясов, так тотчас же будет послано против Киева. Царь иудейский поклялся на своей священной книге, что снова приведет в покорность Киевский каганат и заставит платить дань больше прежнего... К тому же... — да простит мой повелитель мое многословие и позволит добавить к сказанному: ...к тому же в козарских крепостях по реке Танаис и другим рекам до самых низовий Днепра стены и башни приводятся в порядок, гарнизоны усердно обучаются воинскому искусству, и не только мужи, но и жены их, и юные девы; там куют оружие, во множестве великом наконецники для стрел и метательных копий. К этому следует добавить, что в Итиле, при дворе царя иудейского, чеканят поддельные дирхемы, которыми царь будет расплачиваться со своими воями за предстоящий поход на Русь.

С этими словами хорезмиец выложил на стол несколько серебряных монет.

— Обрати внимание, мой повелитель. Вот эти монеты настоящие, а эти — поддельные, ложные. Они сделаны грубо, знающий человек всегда это заметит. На них, вдобавок ко всему, есть тайный знак... — вот эта маленькая змейка на чалме хорезмшаха. Она сделана для того, чтобы иудеи не брали этих монет у диких, потому что в них мало серебра и они не имеют настоящей цены...

Хорезмиец помолчал, давая князю и всем остальным приглядеться к монетам, затем спросил:

— Мой повелитель, — да продлят боги твою жизнь на многие годы! — позволит высказать догадку своему верному слуге? — и снова приложил к груди руку, унизанную перстнями, и низко наклонил голову.

— Говори, почтенный Исфендиар, — отрывисто бросил Святослав, сел и, выложив на стол могучие руки, сцепил пальцы, на которых не было никаких украшений.

— Я знаю нрав царей иудейских, — продолжил хорезмиец. — Ибо не единожды они поступали подобным же образом: дать оседлым собрать урожай хлеба и разной овощи, откормить коней и другой скот и только затем собрать войско и послать его в поход. К осени будущего года надо ждать козар у стен Киева. Если они одолеют, они вырежут многих от мала до велика, ибо извечно такова их кара за непослушание и сопротивление, которое они накладывают на другие народы. А что будет дальше, ты знаешь сам, мой повелитель: они заставят тебя идти со своим войском на ромеев, как заставляли твоих незабвенных предков...

— Что предлагает почтенный Исфендиар? — спросил Святослав, жестом предлагая хорезмийцу сесть.

— Надо предупредить козар, мой повелитель. Много бед они принесли окрестным народам, а не только Руси. Ты всегда можешь найти среди племен, подвластных царю иудейскому, такие, которые пойдут с тобой на козар. Торки, печенеги, угры, болгары, косоги и ясы платят кровью за службу свою царям иудейским. Но нельзя идти на Итиль через степи козарские: здесь нет прохода твоим дружинам, мой повелитель. Десятки и сотни больших и малых крепостей встанут на пути твоих воев. Нужно искать другие пути... Я все сказал, мой повелитель. — Исфендиар снова склонил свою благородную голову, увенчанную зеленым тюрбаном.

— У нас еще есть время подумать, — произнес Святослав, ни к кому не обращаясь. Затем, оглядев стол, доба-

---

вил: — Надо собирать вече. Говорить будем об угрозе нападения козар, о необходимости готовить ополчение, о ремонте крепостных стен и башен. Пусть посадский люд даст на все это деньги. Обо всем остальном порешим после.

4. Миновало несколько дней. И вот после полудня, под звон вечевого колокола, на майдан, расположенный в детинце напротив княжеских хором, в которых совсем недавно сидел наместник Хазарского царя, потекла со всех концов Киева княжеская дружина, они же суть лучшие, первейшие люди города: посадские, сотенные, тысяцкие, старшина ремесленных цехов, купцы-толстосумы, члены боярских родов. Они степенно, соблюдая старшинство, выстраивались напротив резного княжеского крыльца, по бокам которого высятся золоченые деревянные изваяния богов: Сварога, Перуна, Хорса, Дажьбога, Стрибога, Велеса и других.

Между тем вечевой колокол оторвал от дела, у кого оно имелось, и множество черного люда, которому, случись какая напасть, пришлось бы становиться в ряды ополчения и волочиться за князем или его воеводами в дали дальние, биться с языцами ведомыми и неведомыми. У подъемного моста через ров, что напротив дубовых ворот детинца, окованных стальными полосами, росла беспокойная толпа киевлян, но стража никого из черни к мосту не допускала, и люди, провожая взглядами лучших людей города, делились между собой догадками:

— Слышно, опять дикие печенеги идут на Киев...

— Куда им! Не пустят... Летось побили их знатно, едва унесли ноги. Черные булгары, поди, или угры...

— А все козары мутят, злобятся, что Русь перестала платить им выход...

— Давно надо дать им укорот, а то привыкли загребать жар чужими руками...

— Сила у ихнего каганбека шибко большая — не сладить самим-то. Почитай, вся степь в его руках, все дикие языци служат ему за страхом великим. Цесарцы — и те на поклон ходили в Итиль к царю иудейскому. Где уж нам...

Смутные и тревожные времена чудились черному люду под осенним солнцем. Одни, принявшие христианство от отцов своих, а те от своих отцов еще при князе Аскольде, крестились на церковь Николая Чудотворца, стоящую на возвышенности, другие обращали взоры к Хорс-Солнцу,

---

светившему с прозрачного осеннего неба, к священной дубовой роще и расположенному в ней капищу.

Замолк на вечевой башне медноголосый колокол, закрылись тяжелые ворота детинца, и толпа замолкла тоже, будто отсюда, от моста через ров, можно услышать, про что глаголет на майдане лучшим людям города молодой князь, добро или худо ожидает Русь в грядущие времена.

5. И в этой тишине вдруг раздались переборы струн гуслей звончатых, и мерный голос раздумчиво повел сказ о делах минувших лет, когда Русь не знала равных себе в воинской доблести и славе, сыны ее ходили походами не только к Царьграду, но и за море Хазарское, до самых пределов земли, где обитают народы неведомые, звери невиданные. И потянулся черный люд на звучание струн, окружил сказителя плотной стеною. А сказитель, человек преклонных лет, седой аки лунь, с крестом афонским на серебряной цепочке за воротом рубахи, и, видать, из бывших княжих дружинников: лицо в шрамах, на мир смотрит одним глазом, на деснице трех перстов нет, двумя перебирает струны, однако сказывает-поет сильным еще, без надлома, голосом:

*...А в те поры во граде во Кieve,
На столе златом да на княжеском
Восседа-сидел князь Олег вещой,
Приидоша из стран полуночных
Со дружиной своею хороброю.
Он пиры пировал да охотился
На зверье и птиц в поле чистым
Да в урѣмах глухих, потаенных,
Никому не давая выхода:
Ни козарам, ни уграм, ни цесарцам...
Тут пришла на Русь слава громкая,
Слава громкая, будто гром гремуч,
Что из тех земель из Жидовских,
От соленого моря Козарского,
От Итиль-реки и от град-Итиль,
Да ко стольному граду ко Киеву,
Сам Козарской царь наряжается,
А и хвалится-похваляется,
Хочет Киев-град за щитом побрать,
Домы-теремы да на дым пустить,
А русской народ во полон имать,*

---

*Во полон имать да купцам продать,
Чтоб и слуху о нем не осталось,
Чтоб и имя его позабылося
Средь языцех окрест обитающих...*

Долго не расходился народ, слушая сказки о днях минувших, как защищали могучие богатыри Русь от недругов. Но то когда было? О-ё-ёй когда! Было и былшем попросло. А нынче... Нынче нет уж тех богатырей, нет и князя Олега Вещего. А есть молодой князь Святослав, и как все повернется, никому неизвестно. Разве что богам одним. Но боги молчат... молчат боги-то.

6. Вече длилось недолго. О том, что хазары рано или поздно снова постараются вернуть себе право хозяйничать на южно-русских землях, собирать дань с ее народов, — об этом знали давно, почитай, лет восемь, с тех самых пор, как наместник Хазарского царя был поднят на копье пред стенами Киевского детинца. До той поры сама княгиня Ольга обитала не в Киеве, а в Вышгороде, в двадцати верстах к северу, за крепкими стенами, с дружиной немалою. В Вышгороде и оружие ковали, и гонцов рассылали по всей Руси, и дань собирали с подвластных племен: одну треть Ольге, две трети — хазарам. Да и князь Игорь, муж Ольгин, погиб двадцать три года назад потому, что потребовали хазары большей дани, чем давала Русь в прошлые годы. Видать, мало им стало русской крови, пролитой в бессмысленном сражении под Царьградом в 941 году после Рождества Христова, а затем гибели князя Олега с большей частью войска на берегах Хазарского моря. Лишь часть из воев вернулась на Русь, ведомая воеводой Свенельдом.

С тех пор и оскудела Русь на богатырей, порастеряла их в чужих землях. Но за минувшие годы, пока на севере мужал князь Святослав, Русь понемногу крепла под водительством княгини Ольги. Заставила она — кого силой, кого увещеванием — платить дань окрестные племена и княжества, с кесарем ромеев заключила договор, в коем обе стороны обещались помогать друг другу войском и чем можно, если в том возникнет нужда: «...да воюеть на тех странах, и та страна не покоряется вам, и тогда, аще просит вои князь Русский да воюеть, да дам ему, елеко будет тебе». Но за двадцать лет, минувших со дня подписания договора, много воды Днепр унес в море

Понтийское, некогда называвшееся Русским, много чего поменялось в мире. Русские дружины не раз ходили помогать цесарцам в их битвах с соседями, цесарцы расплачивались за это золотом, своих же воев на Русь не посылали.

— Вот уж скоро десять лет, как Русь не платит выхода царю Козарскому, — говорил князь Святослав, стоя на верхней приступке крыльца, сунув обе руки за кожаный пояс. — За сии годы Русь окрепла, расширила свои границы, взяла под свою руку многие племена, освободив их от дани козарской. И с вас, посадских, и со смердов мы не брали лишнего, а только то, что потребно для сильной дружины. Теперь, слышно, царь Козарский собирается походом на Русь. Своими силами нам противу козар не выстоять. Посему надумал я отправить послов в земли чуди и мери, булгар и угров и других языцев, коих царь Козарский нещадно обирает поборами и натравливает друг на друга, и склонить их к содействию. А еще отправить послов в Царьград к базилевсу ромеев, чтобы прислал воев своих и оружие, как то записано в договоре между Царьградом и Киевом. Постановите, други мои, бысть по сему и дайте денег на пользу общую. Тогда боги наши сменят гнев на милость и низвергнут супротивников наших, аки низвергает хладный ветер желтый лист на волглую землю. И вече постановило: бысть по сему!

7. Осень в году 6472-м от сотворения мира выдалась сухая, без дождей. Там и сям вышагивали ратаи, налегая на чапиги орала, готовя землю под осенний сев, а земля так закаменела, что едва поддавалась железному наконечнику орала, оставлявшему на ее теле лишь неглубокие борозды. Не будет дождя — не будет и смысла кидать в сухую землю драгоценные зерна. Но жрецы вторую неделю творят свои заклинания, пляшут вокруг костров, бьют в бубны, приносят жертвы, протирая руки в истовой молитве к Сварог-Небу, где обитают Перун и Дажьбог, которым подвластны ветры буйные и тучи черные, несущие не только молоньи светлые и грома громкие, но и благодатные дожди. Как знать, может, и выпросят что...

Пыльная лента дороги тянется средь лесов и полей, оврагов и холмов, мимо пашен и сторожевых засек. Подует ветер со степей хазарских, закружит в танце пыльный вихрь на тоненькой ножке, подхватит сухие листья и рассеет их вместе с пылью по полям и рощам, кинет в

лицо ратаю, налегающему на чапиги, до блеска отполированные его руками, споткнется ратай, вытрет рукавом потное лицо, протрет глаза, пошагает дальше.

Ратай, прозвищем Светозар, могучий смерд с бычьей шеей, истый поляница да и только, окликнул погоньча, мальчонку лет десяти-двенадцати, тот остановил волов, сунул за пояс ременный кнут. Из-под куста калины, украшенного узорчатыми карминно-фиолетовыми листьями и алыми гроздьями ягод, извлечен жбан с квасом. Сперва к нему припал Светозар, попил, плеснул немного на пашню — дар Дажьбогу, покровителю земледельцев, отерся рукавом холстиной рубахи, передал жбан сыну.

— Кто-то скачет, тятка, — произнес юный отрок, показывая на дорогу. — Шибко скачет, поспешает, знать.

Светозар посмотрел вдаль из-под руки. Действительно, вдали, от кромки леса, набухал палевый комочек пыли, оставляя за собой уплывающую в сторону белесую пелену. И другие ратаи перестали погонять своих волов, примолкли в тревожном ожидании и тоже смотрели в ту сторону.

— Не дай, великий Хорс, — печенези, — пробормотал Светозар, поправляя на поясе широкий нож в кожаных ножнах. — До засеки добечь не успеешь.

Всадник, между тем, приблизился настолько, что стал виден бунчук на конце копыя и желтый лоскут, трепещущий на ветру, и все успокоились: гонец мчит к Киеву с важной для князя вестью. А возникла бы опасность набега, лоскут на копые был бы червленым, да и сторожевые посты выкинули бы сигнальные дымы.

— Цо-об! — вскричал ратай густым басом, и ему вторил мальчишеский дискант:

— Цо-бе-еее!

Работа продолжилась. Тем более что севернее того места, куда закатывалось на отдых Хорс-Солнце, с полудня начали громоздиться высокие облака, сияя белыми верхушками. Похоже, жрецы старались не зря: Сварог, бог Неба, внял их молениям и пробудил Перуна-Громовержца и Дажьбога, разленившихся от долгого безделья.

8. В княжеских палатах суматоха: рабы и рабыни, прибираясь, мечутся из одной палаты в другую, с важными лицами снуют отроки и отроковицы. Княгиня Ольга, только что вернувшаяся с богослужения из Никольской церкви, сидит на своей половине, слушает прискакавшего ве-

---

стника от пограничных торков, кочующих по реке Рось: в Киев едет великое посольство каганбека Хазарского, царя иудейского.

— А с ним воев, матушка-княгиня, не мене тысячи, а телег — сто, а верблюдов — два ста, а рабов, черных лицом и телом, опять же два ста, а самого посла царя Хазарского несут в шатре из китайской поволоки, музыканты едут на ослах и дуют в дудки, бьют в бубны, бренчат на лютнях. Через два дня будут в Киеве, матушка-княгиня, — говорил и низко кланялся бритоголовый торк, и кожаные штаны его, и зипун — все мехом внутрь, скрипели и шуршали после каждого поклона, распространяя вонь немытого тела.

Но княгиня Ольга и бровью не повела, зная, что торкам боги их запретили мыться, чтобы дух предков не покидал их ни днем, ни ночью. Она благосклонно выслушала вестника и велела одарить его саблей булатною и портами новыми, накормить, выводить его коня и отпустить восвояси.

Хотя время еще есть для подобающей встречи посольства, а более для того, чтобы скрыть приготовления к предстоящему походу, однако за князем Святославом, с утра ушедшим на Днепр тянуть неводом белорыбицу, послали отрока. Послано и за ближайшими боярами-советниками, и за хорезмийцами Исфендиаром и Ростемом, мудрейшими из близких княгине людей. С ними она почти двадцать лет назад, после гибели мужа, ездила в Константинополь к кесарю ромеев Константину Багрянородному. Искушенные в посольских делах, хорезмийцы много пользы принесли Руси своими советами, их подписи, в числе других, стоят под договором между Русью и империей ромеев.

В ту пору была у княгини задумка обручить своего малолетнего сына с младшей дочерью кесаря Анной, чтобы сделать союз с Византией более прочным, но кесарь не дал согласия: для него Русь — страна варваров, которую можно использовать в своих целях, но не более того. Что ж, время покажет, кто был прав. Но вряд ли Царьград найдет себе более преданных друзей и союзников. Тем более что делить Киеву с Царьградом нечего, а враги у них общие: козары, желающие покорности Руси, измаильтяне, несущие на остриях своих сабель и копий чуждую веру.

Так зачем едет в Киев посольство каганбека Хазарского? Что как пронюхали в Итиле о подготовке похода ру-

---

сов на Хазарию? Не иначе как остались в Киеве соглад-
таи царя иудейского.

И княгиня прижала руки к груди: так вдруг заныло сердце, растревожилось и за сына своего, и за внуков. Вспомнились все унижения, которые претерпела она под властью хазарской, сидя в Вышгороде, опасаясь кинжала потаенного, вина отравленного или еще какой пакости. Легко ли теперь, после более чем столетия зависимости от Итиля, после неудачных попыток избавиться от нее, поверить, что на сей раз судьба распорядится иначе. А иначе — это лишь полный разгром Хазарского каганата, свержение хазарского ига, истребление или изгнание иудеев из Хазарии.

9. Сказывал княгине патриарх константинопольский, что нечто подобное случилось однажды на юге Аравийского полуострова, что лежит на самом краю земли, окруженный с одной стороны сыпучими песками Великой пустыни, с другой — Великим же морем. Здесь в IV—V веках после Рождества Христова образовалось Химьяритское христианское царство. Царство процветало, вело торговлю со всеми странами Востока, оросительные системы помогали собирать по два-три урожая в год. В 517 году власть там коварством захватили иудеи. Они убили всех священников, которых сумели найти, сожгли церкви или превратили их в синагоги, а знатных мужей химьяритских принуждали отречься от Христа, признать его обыкновенным человеком, самозванцем, покушавшимся на власть царей иудейских, а не богом. Но никто не отрекся — и мужи те были убиты тоже. Тогда привели их жен, малолетних сыновей и дочерей, велели отречься, но те упорствовали, их стали избивать, пока изо рта и ушей не пошла кровь, а затем отрубили головы. Промышляли об этих зверствах христиане-кушиты, живущие по соседству. Их царь собрал войско и ниспроверг захватчиков.

То же самое хотели совершить иудеи и в Хорезме, составив заговор против хорезмшаха, но не удалось им сотворить зло свое непотребное. И бежали они в Хазарию, где жил народ добродушный и гостеприимный. Помня печальный опыт своих соплеменников в Аравии и свой собственный, в Хазарии иудеи поначалу повели себя совсем не так, как в Химьяритском царстве и в Хорезме. И даже тогда, когда захватили власть, не сразу стали при-

---

теснять христиан, коих в Хазарии было немало. Но потом распоясались, и многие христиане нашли смерть от руки их.

— Смотри, дочь моя, — предостерег патриарх в завершение своего рассказа, — примешь христианство и навлечешь на себя гнев царя иудейского. Не легкое это дело — возжигать правду Христову, Спасителя нашего, в темных душах человеческих.

— Я вынесу, отец мой, все, что мне написано на роду, — произнесла Ольга, гордо вскинув голову. — А смерти я не боюсь. И постараюсь, по мере сил моих слабых, чтобы Русь приняла веру Христову, потому что светла она и чиста и направляет людей на путь истины.

— Да поможет Господь тебе свершить твои благие помыслы, дочь моя, — произнес патриарх и осенил княгиню большим нательным крестом.

10. Еще не пришли с захода солнца осенние дожди и не наполнили обмелевший за лето Днепр свежей водою. Зато выступили из воды длинные песчаные косы, отделив от русла широкие заводи, обильные рыбой и перелетной птицей.

С утра князь Святослав таился с отроками своей молодой дружины в тальниковых зарослях, подстерегая гусей, лебедей и всякую иную птицу, выцеливая ее по древку длинной стрелы больших охотничьих луков. Не столь набив, сколь распугав осторожных птиц, принялись за ловлю рыбы, выметывая с челнов заводные сети. Рыбалка — дело шумное, веселое, артельное, в ней своя страсть и свой нор. И Святослав с удовольствием отдавался этой страсти.

Над Днепром далеко разносится напевный голос старшины рыбарей:

— И-эх, у-ухнем! Да еще раз ухне-ем! Да подда-али! Да поднажа-али! Кому уху есть, тому и счет весть! Кому о-окунь, кому шу-ука! Князю — стерлядь, нам — наука! Эх, да поднажа-али! А ну-ка, ну-ка, ну-ка, ну-ка!

Артельщики упираются в теплый податливый песок босыми ногами, тянут сеть, напрягая жилы. С ними и князь Святослав. Порты князя закатаны выше колен, тело голое, бугрится налитыми мышцами, оселедец, намокший от пота, липнет ко лбу.

От высокого правого берега отвалил легкий челн-долбленка и ходко пошел поперек реки, рассекая волну ост-

---

рым носом. Вот ткнулся в белый песок, с челна соскочил русоволосый отрок в красном кафтане, опоясанном кушаком, с коротким мечом у бедра. Найдя глазами князя, отрок поспешил к нему, остановился в двух шагах.

— Княже! Матушка-княгиня зовет тебя в палаты: гонец примчал с порубежья, сказывал, будто козары едут великим посольством, — сообщил он с поспешностью, стащив с головы круглую, с отворотами, шапку.

— Когда будут? — спросил Святослав, не переставая тянуть вместе с другими рыбаками заводной конец невода.

— Дня через два, сказывают, — переступил отрок с ноги на ногу и оглянулся на правый берег, на стены и башни города, точно княгиня могла видеть и слышать его разговор с князем.

— Ништо, успеется. Помогай давай! Чего стоишь?

Отрок с удовольствием ухватился обеими руками за толстую пеньковую веревку и потянул вместе со всеми тяжелую сеть, медленно и неохотно выползающую на песчаный берег. Уже показалась мотня, а в ней вода бурлит от множества спин и хвостов, больших и малых, над нею с заполосными криками мечутся чайки, кидаются вниз, выхватывают рыбешку, дерутся.

11. Три иудея вошли в стольную палату княжеских хором и остановились при входе, привыкая к полумраку.

Свет из слюдяных окон и горящие свечи в бронзовых шандалах скупо освещают палату, в дальнем конце которой на золоченом стуле сидит князь киевский Святослав... в белых портах и рубахе, подпоясанной красным кушаком. По бокам от него стоят два отрока в собольих шапках, в парчовых кафтанах и штанах, в красных сапожках на высоких каблуках. В руках держат обнаженные мечи.

Вдоль стен, на широких лавках, покрытых аксамитом, сидят лучшие люди Киева и представители близлежащих племен, по случаю оказавшиеся в стольном граде, одетые весьма просто. Среди них выделяются хорезмийцы своими шелковыми халатами и чалмами, союзные Руси бородатые, но бритоголовые торки в греческих долгополых кафтанах из синей шерсти, широких штанах и красных сапогах, лесные финны в накидках из волчьих шкур, могучие воеводы варяжских дружин в кожаных безрукавках с медными бляхами на груди, длинные белокурые волосы их перехвачены ремешками с вытисненными на них магическими знаками. Да и то сказать: не на праздник со-

---

брались, а для разговора с послами врага своего, каганбека Хазарского, царя иудейского.

Послы приблизились к князю Святославу и остановились в пяти шагах — там, где обрывалась красная ковравая дорожка и лежал широкий персидский малиновый ковер. Впереди выступал седобородый иудей с длинными завитыми пейсами. На нем парчовый халат, затканый золотом, перетянутый шелковым поясом с золотыми подвесками, на шее массивная золотая цепь, на голове плоская шапочка, расшитая золотой нитью. На полшага от него отставали двое иудеев помоложе, с черными нестриженными бородами, в парче, затканной серебром.

— Приветствуем тебя, каган-урус, — произнес посол по-русски, сильно грассируя, точно во рту держал горячий уголь, и слегка склонил голову.

— Говори, с чем пожаловал, — велел Святослав, не отвечая на приветствие: ответил бы, если бы по чину обратились, а то будто к слуге своему.

Иудей заложил руки за пояс, надменно вскинул голову.

— Я, Эфраил, сын Манасии, сын Каафы, сын Левия Тогармского, советник и посол великого каганбека Хазарского, — да продлятся его годы на многие времена! — заговорил посол размеренным голосом. — Мой могучий повелитель, царь Тогармский, каганбек Хазарский, послал меня к тебе, кагану Киевскому, сказать следующее. Мой повелитель и священный народ его, избранный богом из всех народов Ойкумены, простер свою власть на многие окрестные народы во все стороны света на четыре месяца пути. На юге, у моря Хазарского, живут в укрепленных городах и селениях девять народов, которым нет счета, и все они платят дань моему царю и дают своих воинов для войны. Далее, в сторону моря Румского, на горах живут пятнадцать многочисленных народов в укрепленных стенами городах, и все они платят дань моему царю и дают воинов для войны. Далее на запад живут в степи, не защищенные стенами, тринадцать народов. Они так многочисленны, словно песок на берегу моря, и все они платят дань моему царю и дают воинов для войны. На севере также живут многочисленные и сильные народы, страны которых простираются на многие месяцы пути, и все они платят дань моему царю и дают ему воинов для войны. Наконец, на востоке живет много разных народов, количество которых неисчислимо, и все они платят дань и дают воинов для войны моему повелителю.

Посол замолчал, переводя дух, отер рукавом халата губы, продолжил:

— Твой отец, каган Киевский Ингварь, твой дед каган Хельги, и прочие каганы Киевские, — да будет нерушим их вечный покой! — тоже платили дань моему царю и давали воинов для войны. Потому что знали, что противиться воле каганбека Хазарского невозможно. Мы долго ждали, что и ты, их потомок, внемлешь голосу разума и поклонись мудрейшему и могущественному владыке всех окрестных земель. Но ты был ослеплен золотом и лестью ромеев, посуливших тебе помощь в борьбе с моим царем и подвластными ему народами. До моего великого царя дошли слухи, что ты готовишься идти войной на его могущественное царство. Опомнись! Кто выступает против моего царя, тот выступает против Всевышнего Бога, выбравшего наш народ в поводыри для всех народов Ойкумены. Огню и мечу будут преданы твои города и селения, и небо вздрогнет от божьей кары, которая постигнет тебя и твои народы в самое ближайшее время, если ты не опомнишься! — воскликнул посол громовым голосом и воздел вверх обе руки, пальцы которых были унизаны золотом и разноцветными камнями.

— Ты пришел нас пугать? — спросил Святослав спокойным голосом, не меняя позы.

— Я пришел к тебе от имени моего мудрого царя и повелителя, — да не ослабнет его могучая мышца, держащая меч! — чтобы предупредить тебя, — продолжил посол назидательно. — Ты еще молод и не знаешь жизни, ее извечных законов. Это извиняет тебя в глазах моего царя и повелителя. Иначе он не послал бы меня к тебе, а послал бы большое войско. Ты надеешься на помощь ромеев? Их помощь — обман. Их цель — уловить тебя и твои народы в сети их мерзкой веры, которая провозглашает богом Иешуа из Назарета, которому прозвище Христос, — пусть никогда он не найдет себе покоя на том свете! Этот Иешуа был всего лишь презренным рабом царя Иудейского, гнусным обманом объявившего себя царем Израиля и соблазнившего легковерную чернь, которую мы зовем ам-хаарис — люди земли, которые есть пыль, прах и песок. Ты хочешь поклоняться смерду, презренному рабу, — да сотрется имя его и память о нем! — отвергнув своих богов, которым поклонялись твои предки? Только люди, не имеющие разума, могут поклоняться обыкновенному смертному, который был рас-

---

пят на кресте за свои богомерзкие речи и вождления. Зато, отдавшись под покровительство моего великого повелителя, — да будет благословен он! — повелителя окрестных народов и в недалеком будущем повелителя народов, до которых достигнет его могучая мышца, ты будешь благоденствовать, жить в мире и покое. Ты можешь стать одним из воевод моего повелителя, перед тобой откроются все пути и дороги в любой конец Ойкумены. Это ли не есть лучшая доля для тех, кто готов служить моему повелителю, каганбеку Хазарскому! Выбери, у тебя есть еще время, но с каждым днем промедления его остается все меньше и меньше. И горе тебе, если ты опоздаешь! Мой царь и повелитель приведет-таки под стены твоих городов неисчислимое войско, и пошады не будет никому.

Князь Святослав встал. Глаза его сверкали отражением горящих свечей. Сдерживая голос, он заговорил:

— Передай своему царю, презренный козарин, что ни я, ни подвластные Киеву народы не хотят жить под его игом. Передай ему, что мы не боимся его угроз. Передай, чтобы он напрасно не утруждал свои жирные тела: я сам приду к нему со своим войском и разобью шатры у стен его столицы. А теперь уходи. Если через три дня тебя застанут в наших пределах, царю Козарскому приведут твою надменную голову.

— Я все передам моему повелителю, каган урусов, — произнес раб Эфраил, надменно опустив уголки губ. — Отныне никто не даст и одного дирхема за твою голову. А моя голова во власти Всевышнего.

Посол повернулся и медленно пошагал к двери, не глядя по сторонам. В стольном зале стояла тишина, нарушаемая лишь шорохом шагов по ковровой дорожке.

Отворилась и затворилась дверь, и головы присутствующих повернулись в сторону князя Святослава.

12. — Ну что, други мои верные? Что скажете? — спросил князь, вновь усевшись на золоченый стул.

Вскочил молодой воевода Василий Претич.

— Князь! Разве не видно, что они нас запугивают? Если бы они имели силы, они применили бы силу. Но сейчас по всей Козарии полыхают восстания покоренных Козарским царем народов. Возможно, к зиме каганбеку удастся их подавить и привести к покорности восставшие племена. Но это не значит, что они смиряются со своей

рабской долей. Надо идти на козар не мешкая и взять на щит их столицу Итиль. Я все сказал.

— Что скажут другие? — спросил Святослав, оглядывая своих ближайших советников, сидящих вдоль стен, сложенных из цельных стволов северной сосны.

Встал варяжский воевода, выставил вперед левую ногу, руку положил на рукоять меча.

— Черному народу все равно, кто им правит: князь киевский или царь итильский. Дружине все равно, с кем ратоборствовать. Для нее главное — добыча. Итиль, называют, богатый город. В нем много золота и дорогих поволоков из Китая и Персии. Там можно взять сотни рабов и молодых девок для услаждения. Я предлагаю идти на Итиль не мешкая, — закончил варяг и сел.

В приоткрытые окна палаты вдруг ворвались крики и хохот, звоны колокольцев и насмешливое дуденье скомо-рошских рожков, и весь этот шум покатился вниз, к Днепру, сопровождая посольство кагана итильского.

Встал мудрый Исфендиар.

— Мой повелитель! — начал он. — Именно этого и ждут от нас козары: что мы соберемся и пойдём на них, усыпленные лживыми речами хитрого иудея. Идти сейчас — идти на погибель. Я говорил уже, что козарские крепости готовы встретить русское войско и не пропустить его к Итилю. Лазутчики доносят, что позади крепостей, что стоят на самом прямом и удобном пути к Итилю, в двух переходах кочуют орды карабулгар, а южнее — дикие печенеги. На восставших ясов царь итильский натравил гурганцев, дейлемитов и другие племена, обитающие по южным берегам моря Козарского, сам пошел туда со своей гвардией. К зиме восстание — да поможет бог мужественных ясов выстоять им против врагов своих! — будет, я думаю, подавлено. Карабулгары, едва восстав, убоялись мести царя иудейского, изъявили ему свою покорность. Слухи о том, что восстали и другие народы, не подтверждаются. Слухи эти распускают итильские лазутчики. Твой покорный слуга, мой повелитель, — склонил голову Исфендиар, — да будут счастливы твои годы! — думает, что царь иудейский хочет, чтобы ты выступил в поход немедленно. И тогда твое войско попадет в ловушку и будет разбито, а Русь приведена в покорность — до Варяжского моря включительно. Рахдонитам-иудеям нужен весь путь по реке Итиль до Варяжского моря, чтобы иметь беспопыльный выход в империю герман. Идти

сейчас в поход на козаров нельзя. Так я думаю, мой повелитель, да сопутствует тебе удача во всех твоих делах! — еще ниже склонил голову в зеленой чалме мудрый Исфендиар.

— Кто еще хочет сказать? — Князь пристально оглядел собравшихся — никто не шевельнулся. — Что ж, на этом и покончим. Я благодарю всех за советы. О моем решении вы узнаете в ближайшие дни. А теперь прошу в трапезную вкушать вина греческого, медов стоялых от кривичей, пирогов княжеских... как и положено на Руси быть.

13. Последний дружинник покинул княжеские хоромы, пошатываясь от выпитого вина и медов. Святослав, проводив гостей, прошел в думную палату, сел на лавку возле открытого окна, из которого видны и сам Днепр, и широко раскинувшиеся Заднепровские дали. Сквозь разноцветные греческие стекла просачивался свет заходящего солнца, ложился на суровое лицо князя многоцветьем пятен, делая его еще более суровым. Трудные мысли не давали покоя Святославу последние дни. Легко выставить за порог посольство каганбека Хазарского, но хватит ли сил и умения одолеть его в открытой сече? Эвон сколько насчитал посол разных племен и языцев, которые платят дань и выставляют своих воев по первому же требованию Итиля. Конечно, как всегда приврал хитрый иудей, но и без того силы у хазарского царя действительно большие. Другое дело, что верность ему держится на страхе, но едва этот страх перестанет действовать, перестанет действовать и сила итильских владык.

Бесшумно отворилась боковая дверь, послышался шорох платья, и в палату вошла жена князя, Малуша, робко приблизилась к мужу, остановилась сбоку в надежде, что он обратит на нее свое внимание.

Святослав повернулся к жене, протянул руку. Она шагнула к нему, затрепетав от счастья, прижала к своей мягкой груди его обритуую голову.

Детские годы Малуши и ее брата Добрыни прошли рядом с ним, сыном княгини Ольги, погубившей их отца, князя деревянского Мала, на положении то ли приемных дочери и сына, то ли рабов. Потом Святослава отослали на далекий север, в неведомый город Невоград, а Малуша осталась при княгине, мечтая о том времени, когда Святослав вернется, чтобы хотя бы издали видеть его, слышать его голос — ей и этого было довольно.

Миновали долгие годы, Святослав вернулся, возмужалый, совсем не похожий на того безусого отрока, каким она его помнила. Впрочем, и сам Святослав с изумлением глянул на Малушу при встрече: так она похорошела за годы разлуки. И не знали они, что княгиня Ольга давно решила их судьбу, но когда об этом решении было оповещено, оба встретили его как должное и неизбежное. Однако, даже став женой Святослава и родив ему трех сыновей и двух дочерей, Малуша продолжала испытывать такое чувство, будто заняла чужое место, и вот-вот придет та, которая станет настоящей княжной киевской. Может, все оттого, что рядом находится свекровь, княгиня Ольга, властная, решительная, способная на любой поступок, даже самый жестокий, ради сохранения власти и единства подвластных ей земель и племен.

— Я глупая, — шептала Малуша, глядя обритуемую голову Святослава своими мягкими ладонями, от которых пахло молоком и детьми, — но если тебе нужна моя жизнь, я готова отдать ее хоть сейчас, лишь бы тебе было хорошо и покойно.

— Мне с тобой и так хорошо и покойно, а боле ничего от тебя и не надобно, — ответил Святослав, прижимая к себе все еще стройный стан Малуши.

— А ты не ходи с ратью-то в дальние земли, — шептала Малуша, целуя голову мужа. — А то убьют тебя, не дай Бог. Пушай воевода Свенельд идет. Ему что? Ему лишь бы ратоборствовать, лишь бы убивать кого. А у них, убиенных-то на поле брани, матери есть, жены, детишки малые. Каково им-то, сирым, без кормильца? А я тебе еще рожу... сына.

Скрипнула дверь, и в палату вплыла княгиня Ольга.

Малуша с испугом отшатнулась от Святослава, вспыхнула маковым цветом, точно застали ее за чем-то непристойным, с испугом глянула на неподвижное лицо княгини и, едва разжалась объятия князя, выскользнула из палаты.

14. Княгиня Ольга молча подошла к сыну, села напротив, прямая и величественная.

— Тебе предстоят суровые испытания, сын мой, — заговорила она, встретившись с ожидающим взглядом синих глаз Святослава. — И кто знает, что ждет тебя впереди. Послушай совета своей матери, которая прожила долгую жизнь. Я много дум передумала, со многими людьми

встречалась, всегда внимательно их слушала и ни одного мудрого совета не отвергла, если он шел на пользу нашему роду и нашей отчине. И тебе, мой сын, я хочу дать совет. Выслушай меня.

— Я слушаю тебя, мать, давшая мне жизнь, — склонил свою голову князь Святослав, и прядь волос из темени пала ему на лоб.

Княгиня кивнула головой в знак признательности и заговорила, стараясь придать своим словам теплоту и убежденность:

— Ты знаешь, что я и многие киевляне с радостью и благодарностью восприяли благодетельную веру ромейскую. Ты не можешь отрицать, что из твоей дружины христиане наиболее верные и искусные воины и слуги. Твой отец собирался креститься, но смерть помешала ему сделать этот шаг, и я боюсь, что сейчас он мучится в аду за свое промедление. Если и ты утвердишься в вере истинной Иисуса Христа, принявшего за нас смертные муки, то и все вой твои, все племена и языки земли русской мало-помалу примут эту веру и тем самым укрепят и распространят власть кагана киевского. Настал тот час, когда ты, сын мой единственный, должен сделать решительный шаг по пути божьей благодати и повести за собой всю Русь.

— Пустой то разговор, матушка, — произнес Святослав, вставая и недовольно морща лоб. — У каждого народа должна быть своя вера и свои боги. Вера христианская уродство есть. Сколько она существует, а святые отцы-латиняне и цесарцы никак не могут промеж себя договориться, как молиться своему Христу. Разве дело в том, как молиться? Каждый молится так, как понимает. Боги примут любую молитву, если она идет от души. К тому же, иудей прав: цесарцы блюдут лишь свою выгоду, желая уловить другие народы в свои сети. Если я приму твою веру, дружина моя сему смеетиси начнут.

— Мне очень жаль, сын мой, — с печалью в голосе произнесла княгиня Ольга, — что ты не слышишь моих увещаний. Но поверь моему слову: пройдут годы, и Русь станет христианнейшей из всех иных языцев и стран. Я, скорее всего, не доживу до сего времени, но так будет. Потому что единая вера в единого бога соединяет народы в одно целое...

— Ах, матушка, так ли это? — воскликнул Святослав. — Вон у исмаильтян один бог — Аллах, а все они передра-

---

лись меж собою, и нет среди них никакого единства! То же самое и хрестьянство. Все решают не боги, а люди. Боги лишь помогают им в их делах, если их очень сильно попросишь, либо устраивают всякие козни и пакости. У сильного народа — сильный бог, у слабого — слабый. Наши боги помогли нам создать и укрепить нашу отчину, они соединяют племена и языцы так же крепко, как соединяют нас реки, по которым плавают наши ладьи. А еще потому, что над нами одно небо, одно солнце, и хотя с иными племенами мы говорим на разных языках, мы понимаем друг друга, потому что понимают друг друга наши боги. И не будем больше об этом.

— Хорошо, не будем, — отступилась княгиня, зная упрямый нрав своего сына. Сейчас она жалела, что отправила его на север, в первоград Руси Невоград, она же Ладога, где он утвердился в вере языческой, а ведь мальцом, когда с посольством Киевским был в Царьграде, с изумлением смотрел на великолепие церквей христианских и даже робко крестил себя, глядя, как крестятся другие. Но минувшего не вернешь, и Ольга, подавив вздох, согласилась: — Воля божья да будет; аще Бог хочет помиловать рода моего и земле Русские, да возложит им на сердце обратиться к Богу, яко же мне Бог дарова.

Святослав безучастно смотрел в сторону и нетерпеливо тербил кушак, ожидая, пока мать переговорит с Богом ромеев.

И княгиня Ольга, помолчав, перешла к делу:

— Что ж, давай поговорим о делах. Что ты надумал: ждать за стенами Киева войско Козарского царя или идти походом на Итиль?

— Идти, матушка. Но идти не через степи, а вёрхом: через земли кривичей и муромы. Там, на Оке, построить ладьи, по Оке спуститься в Итиль, собирая по пути конное войско из кочевых народов, обитающих вдоль Итиля и его притоков. На этом пути козары нас не ждут. Надо пустить слух, что мы идем на север собирать дань, а боле всего — из страха перед козарами.

— Я думаю, что ты решил правильно. Но готовиться надо быстро, иначе каганбек прознает и двинет навстречу твоему войску печенегов, угров и черных булгар, которые сегодня стерегут тебя на берегах Танаиса.

— Я знаю, матушка. Он и так знает больше, чем мы предполагали. К весне мое войско должно быть готово и, как только сойдет лед, двинется на козар по большой

воде, — ответил Святослав. — Нынче же пойду с малой дружиной на Оку. Ты же, матушка, собери воев, откуда можешь, и пошли их ко мне. Они должны поспеть до половодья.

С этими словами Святослав подошел к матери.

— Я сделаю все, как ты велел, — произнесла княгиня Ольга смиренно и поцеловала сына в лоб.

— Я знаю, — кивнул головой Святослав, повернулся и пошел из палаты.

— Да поможет тебе Бог, сын мой, — прошептала княгиня, крестя широкую спину сына.

15. В начале ноября от киевских причалов на Днепре отвалили десятки ладей с воинами, пришедшими со Святославом в Киев с севера. Тут были и варяги, и словене, и кривичи, и вятичи, и полочане, и меря, и весь, и воины других племен, населявших Северную Русь. Никто не знал, куда князь Святослав повел свое войско, на зиму глядя. Весной к ним должны присоединиться отряды киевлян, дреговичей, полян, северян, древлян, родимичей, волынян и торков. При этом не только пеших, но и конных.

С теремной башни княгиня Ольга смотрела на хмурый Днепр, по которому ходили, догоняя друг друга, плескучие волны, и серое небо низко весело над ним, грозя непогодой. Но ветер дул с низовий, и паруса, взметнувшись вверх, схватили его полной грудью, и даже отсюда, с высоты, было видно, как запенилась вода под острыми носами ладей, как потянулись следом водяные усы.

— Боже, великий и праведный, — шептала княгиня Ольга, крестя выруливающие на стрежень ладьи, — помоги моему сыну свершить великое дело и одолеть супостатов, которые аки клещи присосались к нашей вотчине, и нет им ни насыщения, ни устали. Укрепи воев сына моего духом крепким и силой телесной, дабы смогли они одолеть все преграды и все козни недругов Руси. И прости их, Господи, за то, что не уверовали в тебя, ибо не ведают путей своих и не знают, куда пристанет их ладья, когда пробьет их последний час.

16. Солнце вынырнуло из соленых волн моря Хазарского и повисло над выжженной степью, над непроходимыми лесными чащобами, опутанными колючими лианами, окаймляющими бурный Терек, как узорчатые ножны окаймляют булатный клинок. Солнце повисло над его

протоками и ериками, над поседевшими камышовыми разливами, прибежищем кабанов и шакалов; оно осветило далекие горы и близкие побуревшие холмы, а на этих холмах огромное скопище людей, шатров, верблюдов и косяки лошадей, шиплющих чахлую траву у подножий холмов, дымки костров и утренний туман, стыдливо уползающий под покровы леса.

Перед этим скопищем простерлась плоская однообразная равнина — Хазарские степи, которые когда-то назывались Аланскими или Иронскими, как называют себя сами аланы. И была когда-то могучая держава алан, распространявшая свою власть от моря Аланского и реки Яика до Дуная и дальше, от моря Понтийского до густых и неприветливых северных лесов, в которых обитали редкие племена неведомых народов. Мечей аланских боялись не только ближние народы, но и сами римляне во времена своего могущества. Но потом с востока пришли полчища гуннов, и все богатыри аланские пали в битвах с пришельцами, а оставшиеся в живых либо покорились им, либо ушли на запад. Те, что не ушли, продолжали вести полуседлый образ жизни, большая часть селилась в укрепленных селениях и городках, выращивая пшеницу, ячмень, просо и всякий овощ, платила необременительную дань пришельцам. Затем... затем, по прошествии многих лет, с востока пришли хазары. Их отличали длинные черные волосы, заплетенные в косы, узкие щелки хищных глаз на плоских, широких и безволосых лицах. Возник Хазарский каганат, и аланы, покорившись новой силе, стали его данниками. В начале IX в. аланы приняли христианство из Царьграда, а в Хазарии в это же самое время утвердились иудеи и наложили тяжелую руку на окрестные народы.

И тотчас же начались восстания. Первыми поднялись угры. Каганбек хазарский договорился с печенегами и булгарами и их мечами сломил сопротивление угров, большинство которых ушло на запад. Затем восстали печенеги, кочевавшие между Днепром и Танаисом. Царь Вениамин, призвав на помощь алан, жестоко покарал восставших. Часть из них, племя торков, подалась под покровительство Руси и поселилась по реке Рось. Прошло какое-то время — Хазарский каганат наложил свою лапу и на Русь. Случилось это при князе Киевском Аскольде, принявшем титул кагана, чтобы сравняться с итильскими владыками, не имея для этого ни воли, ни умения. Олег Ве-

---

ший сверг Аскольда и восстановил независимость Руси. Но после его кончины хазары прошли огнем и мечом по южнорусским княжествам и снова принудили Русь платить дань, в том числе и кровью своих воинов. И вот теперь, и уже не впервой, восстали аланы, которых толкнули на этот шаг и непомерная дань, взимаемая Итилем, и грабежи мусульманских отрядов, вырывающихся через Дербентский проход с юга, и притеснения православия со стороны иудеев.

Восставшие аланы перебили наместников Хазарского кагана в своих городах, сборщиков дани и вообще всех, кто считал подданство Хазарии чуть ли не благом, и, собрав все силы, которые имелись, встали на холмах, ибо разведчики донесли, что сам царь Хазарский ведет свои войска для расправы с восставшими. Левое крыло войска упиралось в крутую скалу, на вершине которой стояла небольшая каменная крепость; правое крыло подпирал бурливый поток, возникший в результате осенних дождей, выпавших в горах. Лагерь огородили заостренными кольями, наклоненными в сторону степи, единственную дорогу, ведущую в предгорья, перегородили завалом.

— Не нужно было поддаваться на уговоры царя иудейского и выступать на его стороне против булгар, печенегов и угров, — говорил поседевший в сражениях сотник окружавшим его воинам, тщательно пеленая рукоять своей секиры тонкими полосками сыромятной кожи. — Если бы мы тогда выступили с ними заодно, стали бы свободными и не платили дань никому, спокойно молились бы в своих церквах, не позволяли бы исмаильтянам грабить наши селения и уводить в рабство наших жен и детей.

— Кто ж знал, что так получится, — вздыхал его товарищ, расправляя вислые усы. — Хотели отомстить уграм за прошлые обиды, польстились на большую добычу — все оттого.

В огромном медном казане над костром булькало вариво, выскакивали пузыри, расталкивая толстый слой бараньего жира. Воины, собравшиеся вокруг костра в ожидании трапезы, молча смотрели на огонь.

— Главное в битве — не дрогнуть, устоять, — продолжил сотник свои рассуждения, имея в виду молодых воинов, еще ни разу не бывавших в сражениях. — Дрогнул, побежал — смерть. Настигнут, зарубят. Устоял, внушил врагу страх своей стойкостью, жизнь себе сберег и своему товарищу, а если погиб, то не зря. Лучше погибнуть в

битве, чем быть зарубленным во время бегства. Имейте в виду: кто побежит, сам зарублю своими руками, а позор трусу будет передаваться из поколения в поколение — до окончания века.

— Да где же они, эти чертовы хазары? — тихо воскликнул один из молодых воинов, с опаской оглядывая безмятежный горизонт. — Третий день стоим, а их все нету и нету.

— Придут, куда они денутся, — успокоил молодого воина сотник. — А после трапезы еще раз повторим расположение в строю и кто как будет отражать нападение. Всегда надо помнить, что ты не один, первым делом должен помогать своему товарищу, подбадривать себя и других громким криком, не ломать строй, слушать команды сотника и десятников. Почему ромеи еще в стародавние времена малым числом побеждали множество? А потому, что каждый воин знал свое место в строю, хорошо владел всяким оружием и быстро исполнял команды. Я несколько лет служил в войске ромеев и знаю, что говорю. Когда-то и мы, ироны, владели искусством боя, и не было нам равных. А вы, молодые, забыли славу предков, больше увлекаетесь игрищами, плясками, мало обучаетесь воинскому делу. Поэтому и боитесь хазар.

— Мы не боимся! — воскликнул молодой воин, гордо вскинув голову. — Я лучше умру, чем покажу спину нашим врагам.

— Все бояться, — качнул седой головой сотник. — Но не все умеют преодолевать свой страх. Верно говорили древние: «Знание военного дела питает смелость в бою». А я от себя добавлю: и уверенность в своих товарищах по оружию.

17. — Скачут! — с испугом воскликнул кто-то, и все повернули головы в сторону степи: там, на самом краю, где небо сходится с землей, быстро росло облачко бурой пыли.

— Ну, значит, идут, — произнес сотник намеренно равнодушно, проверяя лишний раз ременные пелена на рукояти секиры. — Доставайте поживее из казана баранину, делите и ешьте.

— Так еще не сварилась, — заметил кто-то.

— Ничего: в животе доварится.

И по всему лагерю аланского войска всё зашевелилось, пришло в движение. Уже гнали табуны коней в узкий

проход в завалах между двумя холмами, гасили водой костры, убирали походные шатры, запрягали в телеги лошадей, торопливо ели обжигающее мясо с просяными лепешками, запивая из глиняных кружек жирным бульоном. Со всех сторон слышались команды десятников, сотников и тысяцких, звон боевых доспехов и оружия, ржание лошадей, нестройное пение священников, шагающих меж кострищ в длиннополых черных рясах и окуривающих воинов ладаном.

— ...покровителем в битве с нехристями-нечестивцами, врагами рода человеческого и Господа нашего Иисуса Христа-ааа. Да укрепит Боже праведный вашу руку, воспламенит ваши сердца любовью к своим домам, детям вашим, отцам и матерям вашим! Да поможет Бог наш победить врагов и укрепить веру христианскую во веки веко-ов. Ами-инь.

Клубок пыли приблизился настолько, что стали видны три всадника, припавшие к гривам своих коней. Вот всадники пропылили к шатру воеводы, соскочили на землю, и один из них заплетающимся шагом затрусил к шатру, откинул полог и пропал за ним.

А ближе к полудню на горизонте стало вспухать новое облако пыли, в сто крат большее, поднимаясь вверх и расплываясь во все стороны. И слева и справа то же самое, и вот уже все пространство затянуто пылью, хотя еще не видно никого из тех, кто взбил эту пыль копытами своих коней.

Над холмами затрубили рога, забили большие и малые барабаны, сзывая воинов в строй. Вспыхивали на солнце наконечники копий, помятые в битвах шишаки, щиты и латы. Но большинство воинов имели лишь кожаные да войлочные панцири, такие же шлемы и деревянные щиты. Стар и млад встали плечом к плечу, с тревогой и опаской вглядываясь в приближающееся бурое облако.

18. Иноходец белой масти бежал ровно, гордо неся сухую голову на лебединой шее с подстриженной седой гривой. Вспыхивали на солнце сапфиры и аметисты, изумруды и рубины, в изобилии рассыпанные по золоченой сбруе. Каганбек Хазарский, закованный в золоченые латы, наплечья, поручья и поножи, в золоченом же шлеме с павлиньим пером, в белом с синей каймой плаще, сидел прямо и смотрел перед собой тоже прямо, шуря слегка раскосые глаза, доставшиеся ему от предков хазар, от хо-

---

резмийцев, от вавилонцев... — много всякой крови было намешано в его жилах, так что ничего в его облике не осталось от колена израилева, что покинуло Иудею много сотен лет назад и двинулось на восток, подгоняемое воинами вавилонского царя Навуходоносора, и уж совсем ничего от тех семи десятков израильтян, которые в незапамятные времена, спасаясь от голода, пришли в Египет и отдались фараону в добровольное рабство.

Вслед за каганбеком ехали двое его старших сыновей, девятнадцати и двадцати лет. Тоже на иноходцах, почти в таких же сверкающих доспехах, в таких же белых плащах, — знак принадлежности к царствующему дому, — только синие полосы были вдвое уже.

Впереди, на расстоянии в тысячу шагов, пылили передовые конные отряды карабулгар и печенегов. По левую руку и по правую, а также сзади, на таком же расстоянии двигалась гвардия из наемников-хорезмийцев. В пыли, поднимаемой копытами коней, вспыхнет на солнце то яркий халат, то дорогое оружие и доспехи, вынырнет и вновь исчезнет густая щетина копий, бунчуков и знамен.

Каганбек с сыновьями ехал посередине этого каре в гордом одиночестве, если не считать четверых полугольных рабов, которые в полусотне шагов впереди везли на шестах золоченый щит царя хазарского и его бунчук из конского хвоста, павлиньих перьев и шелковых лент, да личной стражи, отставшей на полет стрелы. Со всех сторон каганбека и его спутников обнимал тяжкий гул тысяч конских копыт, которого они давно не замечали.

Никто и ничто не нарушало покой каганбека, его размышлений, никто не таранился на него жадными и любопытными глазами, никто не мог пустить в него стрелу, метнуть нож или дротик. Только воеводы из иудеев же имели право нарушать его покой, если неожиданные обстоятельства потребовали бы вмешательства царя и верховного главнокомандующего. Но не может быть никаких неожиданностей, если продуман каждый шаг и предусмотрены даже самые невероятные неожиданности, если воеводы до тонкостей знают свое дело.

Однако не все решается одним днем, не все мысли проникают за пределы незнаемого, не дано смертному встать вровень с Всевышним, который один все видит и знает, оставляя рабам своим лишь догадываться о Его воле и предназначениях. И не всем, а лишь избранным, и более

всего тому, кто волею Всемогущего стал царем Израиля в царстве Хазарском.

Каганбеку Хазарскому, царю иудейскому было над чем подумать. Больше всего его беспокоило возмужание Руси, ее сближение с ненавистной империей ромеев. Только силой можно вновь подчинить себе Русь, жестокой расправой с ее князьями принудить к покорности, строительством крепостей на ее западных границах отрезать Русь от остального мира и овладеть ее землями до Варяжского моря. Если Всевышний снизойдет до молитв его раба, укрепит силу мышцы царя иудейского, то в следующем году...

19. Что-то сзади сказал старший сын младшему, тот засмеялся и прервал мысль каганбека.

И тут на фоне синих гор с белыми мазками первого снега, над которыми в беспредельной дали сверкал алмазом двуверший шатер Эльбруса, он разглядел бурую грядку холмов. Гряда эта медленно поднималась, точно пена из преисподней, и каганбек с тревогой поглядывал вперед: где-то там ожидает его войско мятежников, которое он должен разгромить и жестокими карами привести в покорность восставший народ.

Уставший конь похрапывал, роняя с удила желтую пену, однообразно стучали копыта по жесткой земле, не знавшей ничего, кроме диких табунов сайгаков и диких же низкорослых лошадей. Мимо проплывали высохшие кусты перекати-поля, клонился под ветром серебристый ковыль, пахло нагретой землей и полынью. Время тянулось медленно, но каганбек умел ждать и терпеть. Уже тень стала короче и переместилась к конскому хвосту, когда впереди показался всадник в боевом облачении, в пурпурном плаще начальника передового отряда, и приблизился к каганбеку.

— Они стоят на холмах, мой повелитель, — да продлится твое величие на многие годы! — воскликнул он.

— Прекрасно, — взмахнул павлиньим пером каганбек. — Останавливаемся в двух милях от них, разбиваем лагерь: воинам надо отдохнуть перед битвой. Мой шатер поставить на холме, чтобы было хорошо видно все, что вокруг. Прикажи, чтобы конные отряды карабулгар и печенегов постоянно беспокоили мятежников своими наскоками, не давая им ни сна, ни отдыха. Пошли гонцов к дейлемитам: пусть атакуют. Пусть убивают всех мужчин,

---

кого встретят на пути, жгут селения и все, что может гореть. Женщин и детей гнать в лагерь: завтра они пойдут впереди войска. Ловить священников — и тоже в лагерь. Церкви жечь нещадно, — ровным голосом приказывал каганбег, не сдерживая летучий шаг иноходца.

— Слушаюсь, мой повелитель! Да дарует Всемогущий победу твоему войску над презренными рабами!

20. Войско алан стояло на холмах под палящим солнцем уже несколько часов. Конные отряды черных болгар и печенегов, точно вихрь в чистом поле, налетали то в одном месте, то в другом, засыпали стрелами ряды воинов и уносились назад.

Вдали хазарское войско разбивало походный лагерь: каждый воин вбивал или вкапывал в землю заостренный кол, который всегда возил с собой, вешал на кол свой щит. Вскоре весь хазарский лагерь был опоясан сплошным частоколом, в котором оставались лишь небольшие промежутки, устроенные подобно воротам. На невысоком холме возник ровный круг полосатых шатров иудейских князей, в центре которого возвысился над всеми остальными белый шатер каганбека. Шатры были окружены, казалось, беспорядочно движущейся массой людей, лошадей и верблюдов, затем движение прекратилось, и к небу потянулись дымы походных костров.

И на холмах аланы, видя, что битва откладывается, тоже какое-то время укрепляли свой лагерь дополнительными ограждениями, и в нем постепенно все затихло, лишь дымы от костров тянулись к небу, точно земля, протягивая к нему свои руки, молила о пощаде.

Внизу, где уже сгущался вечерний сумрак, конница алан сцепилась с карабулгарами. Слышался визг грызущихся лошадей, звон стали, крики дерущихся. Булгары не выдержали, пошли наутек, аланы кинулись было за ними, но начальник конного отряда алан остановил их, опасаясь засады. Подбирали своих, убитых и раненых; чужих добивали и раздевали.

Пришло известие, что конные отряды дейлемитов и гурганцев прорвались в горы, убивают, жгут, грабят, насилуют. Войско заволновалось, но сотники прикрикнули — и ропот стих. Воины оглядывались на горы, где там и сям поднимались дымы пожаров, крепче сжимали рукоятки мечей и сабель.

Так, в мелких стычках, в ожидании и тревоге, прошел весь оставшийся день.

Вот и солнце, которое одинаково светило и тем и другим, провалилось за дальние хребты. Еще какое-то время его лучи широким веером освещали белесое небо, затем веер потух, кровавая заря легла на плечи гор и медленно погасла, освобождая небо бессчетному воинству звезд и тонкому серпику месяца, похожего на кривой кинжал дейлемита, и стали видны в густой темноте мерцающие сполохи далеких и близких пожаров да Эльбрус светился красным светом, вглядываясь из-под багрового облака, нависшего над ним, в темные дали.

21. Утро началось с призывного рева труб, грохота боевых барабанов. Дожевывая с лепешками козий сыр, запивая его из баклаг родниковой водой, воины молча строились на заранее отведенных местах, подгоняли амуницию.

Вдали, — сверху хорошо было видно, — вытекая из лагеря бесконечным потоком, сверкая доспехами, строилось войско хазар, хотя представителей этого народа отыскать там было бы не так просто, а все больше наемники из Хорезма да отряды степняков. Оттуда доносились звуки труб и рокот барабанов, приглушенные расстоянием, а в поднятой пыли скоро не стало видно ничего, но через какое-то время пыль стала постепенно приближаться, звучание труб и барабанов усилилось, и вот, едва войско достигло подножия холмов, оно встало, утренний ветер отнес пыль в сторону, и аланы увидели плотные ряды конницы, лес копий, бунчуки и знамена, а за ними еще и еще.

И вся эта масса стояла и не двигалась, точно чего-то ждала. Завыли трубы — и в просветы между отдельными отрядами потекли тоненькими струйками женщины и дети и стали растекаться влево и вправо, подгоняемые бичами и окриками пеших воинов. Это продолжалось ужасно долго, но едва пленники заняли отведенное им место, вся эта масса коней и всадников на них стала подниматься вверх по скатам холмов.

22. Хазарское войско медленно приближалось к укрепленному лагерю повстанцев. Перед конными воинами двумя плотными рядами шли женщины и дети с петлями на шее, соединенные, казалось, одной бесконечной веревкой. Иные женщины несли на руках грудных младен-

---

цев; тех, которые постарше, вели за руки. Среди пестрых толп выделялись черные фигуры монахов и священников.

Вой и причитания надвигались на застывшие в оцепенении ряды повстанцев.

Взлетали плети и опускались на плечи женщин.

Надвинув на глаза шеломы и прикрывшись круглыми щитами, согнувшись в седлах, опустив руки с саблями и копьями, сдерживая храпящих от возбуждения лошадей, выглядывая поверх их голов, надвигались вслед за ними печенеги и карабулгары.

И повстанцы дрогнули.

Без команды, почти одновременно, едва живой щит приблизился к заостренным кольям, первые ряды пали на колени и бросили на землю оружие. За ними пало на колени и все войско.

И тут случилось неожиданное: конные отряды алан, всю ночь отбивавшиеся от дейлемитов и гурганцев в тылу своего войска, в горных проходах и в тесных улочках селений, наконец одолели нападающих и, переправившись через речку, стремительно ударили во фланг наступающих. И тогда те, по сигнальному звуку труб, топча и рубя идущих впереди женщин и детей, ринулись на стоящее на коленях аланской войско, но увязли в живом щите и среди заостренных кольев, дали аланам опомниться, подобрать свое оружие и с воплями броситься на врагов...

И началась сеча зла и жестока.

И падал на землю молодой алан, пораженный копьем, а рядом с ним захлебывался кровью печенег с разорванным горлом, и в последнем смертном усилии прижимала к груди холодеющими руками свое дитя молодая аланка.

И нападающие начали пятиться под яростным напором повстанцев. Даже молодые воины алан, впервые участвующие в сражении, не уступали ветеранам. Они проскальзывали под брюхо лошадей, кинжалами вспарывали им животы, затем добивали падающих всадников. И часто обезумевшие от боли лошади поворачивали назад, ломая ряды, вставали на дыбы, молотя передними копытами людей и лошадей. Все перепуталось, смешалось и медленно катилось вниз с криками, воплями, хрипами, лягом сабель и мечей.

— Они дерутся, как львы, мой господин! Они не думают о смерти! — воскликнул начальник правого крыла раб Иехуда, князь иудейский, подскакав к шатру каганбека.

— Что же твои воины?

— За деньги так не дерутся, мой господин. Пора вводить гвардию!

— Рано, — мрачно бросил каганбек. — Медленно отходи назад, пусть бунтовщики обнажат свои фланги и хорошенько увязнут в нашем войске. Чем больше погибнет тех и других, тем меньше придется платить. Продержись еще немного.

Солнце не успело пройти по небосводу и десятой части положенного пути, как примчался в разодранном воеводском плаще раб Манасия, начальник левого крыла.

— Еще немного, и мы побежим, мой господин! — вскричал он, соскочив с покрытого пеной коня. — Гвардию! Гвардию, мой господин, иначе будет поздно!

— Да, пожалуй, ты прав, — кивнул головой каганбек и поднял руку. Тотчас же к нему подъехал старший сын, Вениамин.

— Передай аль Машиду мое повеление: пусть выступает.

Вениамин с места пустил коня в намет, за ним его свита. Он пересек лагерь и несколько минут скакал по ровной степи, пока не выскочил на гребень, за которым простиралась широкая лощина. Там, внизу, густо стояли, отделенные друг от друга небольшими промежутками, тысячные отряды хорезмийской гвардии, сияя доспехами и наконечниками копий.

— Смерть врагам каганбека! — вскричал Вениамин и показал рукой, сжимающей витуя плеть, себе за спину.

И тотчас же пришли в движение сомкнутые тысячи, дрогнула земля и загудела под копытами коней; одна за другой выплескивались из лощины, как варево из кипящего казана, конные сотни, все убыстряя и убыстряя свой бег, на ходу выстраиваясь в широкую линию.

— Алла-ааа! — взлетел над полем битвы крик, вырвавшийся одновременно из тысяч глоток, похожий на рев несущегося по ущелью потока.

— А-ааа! — с ужасом откликнулись холмы и горы.

Хорезмийцы ударили правым своим крылом в спину конным отрядам алан, атакующим с фланга, большая часть, загибая фронт, вымахала на холмы и, топча убитых и раненых, врезалась с тыла в ряды пеших воинов...

Началась рубка.

23. Солнце едва перевалило за полдень, а битва уже закончилась. К концу дня перед шатрами победителей стояла на коленях с обнаженными головами ничтожная

часть оставшегося войска алан. Князья аланских племен и старейшины стояли чуть впереди рядовых воинов. В стороне грудились десятка два священников и монахов в черных клобуках. Вокруг теснилась хорезмийская гвардия.

Напротив белого шатра высокий помост, накрытый персидскими коврами. Сам каганбек хазарский сидит посредине на золоченом стуле; волосы его распущены, поверх них золотой венец с драгоценными камнями; лицо обрамлено аккуратно подстриженной бородкой, тонкая нить усов очерчивает надменно поджатые губы; взгляд черных глаз неподвижен, руки лежат на коленях, на пальцах вспыхивают разноцветными огнями многочисленные перстни.

За спиной каганбека рослая стража с обнаженными саблями, по бокам сыновья с золотыми венцами на головах, но поскромнее.

Завыли трубы, и все замерло в почтительном ожидании.

На верхнюю ступеньку помоста поднялся глашатай в коричневом халате и, поворачиваясь то в одну, то в другую сторону, принялся выкрикивать нараспев на аланском языке:

— Великий каганбек, — да продлит Всевышний его драгоценные годы! — сердце которого преисполнено гнева на ваш неблагодарный народ, готов и в этот раз простить своих рабов и не разорять ваши города и селения. Но при одном условии: вы, князья и старшина аланская, как и весь ваш народ, заблудший, аки стадо скотов среди густого леса, должны отречься от веры христианской, которую вы приняли от презренных ромеев, вернуться к вере своих отцов и впредь выступать со своим войском туда, куда укажет вам наш высокородный повелитель, — да укрепится его власть и воля на все стороны света! В случае же, если вы откажетесь исполнить эти условия, ваши города и селения будут разграблены и сожжены, дети, юноши и юные девы, не знавшие мужчин, уведены в рабство, остальные преданы смерти. Запустение придет в ваши селения и города, и следа вашего не останется на этой земле. Решайте! В вашем распоряжении время, отпущенное этими песочными часами. — И глашатай перевернул стеклянные колбы — песок из верхней посыпался в нижнюю.

Такое условие явилось неожиданностью для князей и

старейшин аланских. Они молча смотрели друг на друга, не решаясь произнести страшное слово, которое от них ждали победители.

— Так не может продолжаться долго, — заговорил князь Арслан, многочисленный род которого занимал пространство в верховьях Терека и его притоков, имел девять укрепленных городков и множество селений. — Надо соглашаться, чтобы спасти наш народ. Я уверен, что Господь простит нам наше вынужденное отступничество, ибо мы не исторгнем светлый лик его из наших сердец.

Остальные молча покивали головами.

Князь Арслан повернулся к каганбеку и сказал:

— Мы согласны выполнить твои условия, победитель.

И тогда...

И тогда к кучке священников кинулись полуобнаженные рабы с кольцами в носу и железными ошейниками, сорвали с них рясы и порты и поволокли к десятку больших деревянных крестов, лежащих на земле. Священников распяли на них и стали загонять в руки и ноги большие гвозди.

Крики ужаса и стоны смешались с громкими молениями, стуком молотков.

Гвардия хохотала.

— Что же этот ваш всемогущий Иса не помогает вам? — кричали со всех сторон.

— Что это за бог, который не защищает свою паству?

Кресты подняли и укрепили.

— Смертию смерть поправ, яко же Иисус Христос, спаситель наш, принял муки смертные, тако же и мы, грешные, муки примаем, — хрипел на кресте пожилой священник, вращая налитыми кровью глазами. — Да падет на головы врагов наших проклятие, да сгинут их кости и не останется следа от их племени, да отвергнут их люди, яко Господь отверг их племя, уподобив псам бродячим, не ведающим своей земли! Да свершится... О-оооо, Господи! Больно-то ка-ак, правосла-авный-яяя!

И с других крестов раздавались хриплые моления и проклятия:

— Явися еси днесь вселенной и свет твой Господи знаменася на нас в разуме молящих тя пришед еси и явися еси свет непреступный укрепи души наши и сократи страдание...

— ...в кротости страдания приемля безбожных мучителей благословля прости их еси бо не ведают что творят...

Какой-то молодой воин не выдержал, выхватил копье из груди лежащего оружия, бросился к кресту и вонзил его в грудь старика-священника, и тот, испустив дух, обвис на гвоздях. Но воина схватили тут же, сорвали одежду и, подняв, прибили к кресту с обратной стороны.

— Теперь снимайте ваши нательные кресты и бросайте в пыль перед распятиями! — последовала новая команда. — Ибо в пыль превратится вера нечестивая, измышленная презренными рабами!

И князья, и старейшины, и простые воины поднялись с колен и длинной цепью потянулись к распятиям, снимая на ходу нательные крестики, целуя их со слезами и бросая на истоптанную ногами и копытами землю, в густую пыль, в навоз, и вскоре на поверхности виднелись лишь нательные веревочки да дешевые деревянные крестики, потому что золотые, серебряные и бронзовые утонули в пыли, оставив на ней невнятные следы, похожие на птичьи.

24. По первому снегу войско князя Святослава перетащило свои ладьи с Днепра на реку Угру, по Угре спустилось в Оку, а по Оке до того места, где в нее впадает река Моска. Дорога была торная, по ней не раз русы выходили на Итиль и шли в низовья — кто торговать, а кто разбойничать на речных просторах. Сюда еще весной князь Святослав отправил ладейных дел мастеров и плотников, чтобы рубили лес, ставили зимники для войска, строили ладьи и большие плоскодонные суда — ошивы, которые не жаль потом будет бросить или использовать на дрова для костров. Воеводою во главе тысячи воев князь назначил молодого Добрыню Мала, брата своей жены Малуши. Добрыня должен был охранять место строительства флота, заготавливать съестное, потребное для большого войска.

Место было глухое, деревни кривичей встречались редко, купцы в эти края почти не заглядывали, лазутчики кагана Хазарского до этих мест если и добирались, то пути отсюда не имели: всех, кто появлялся поблизости, приводили в лагерь и назад не отпускали, чтобы в Итиле не прознали и не забеспокоились.

Зима выдалась снежная, морозная. Многое пришлось претерпеть, дожидаясь весны. Но все когда-то кончается, вершась по извечному кругу. По утренним заморозкам пришло к Святославу большое пешее и конное войско,

---

набранное матерью-княгиней в южных пределах Руси — на золото, присланное из Царьграда. В свое время, то есть в середине апреля, сошел снег, тронулся лед, низины превратились в озера, и почти тысяча ладей и ошив вышли на стремнину Оки, подняли паруса, и попутный весенний ветер погнал их по течению, туда, где Ока впадает в Итиль.

25. Князь Святослав стоял на носу передовой ладьи в белой рубахе и портах и, поставив ногу в красном сапоге на свернутую в круг толстую пеньковую веревку, вглядывался в безбрежную даль, шурясь от яркого утреннего солнца. Свежий ветер, напоенный горьковатыми запахами распускающихся почек и цветущей вербы, трепал его оселедец и полы рубахи, рябил стремнину широко разливающейся реки. За его спиной мерно звучал барабан, отсчитывая ритм для гребцов, и дружно ударяли о воду весла.

Князь оглянулся назад, и сердце его дрогнуло от радости: сколько хватало глаз, виднелись высокие мачты, паруса и скрывались за поворотом. Такого войска он еще не водил, теперь главное — нагрянуть неожиданно и тогда... Но вперед лучше не заглядывать: боги коварны и мстительны, могут радость превратить в печаль, торжество в унижение, победу в поражение. Лучше, чтобы они не знали о его планах, занимались своими божескими делами и не лезли в его, княжеские. А когда он добудет победу, он их, богов, отблагодарит по-княжески: принесет в жертву Перуну пленных исмаильтян и иудеев, ну и что там еще — по воле жрецов и волхвов. Пусть утешатся.

26. Дымили костры, в казанах варилась уха, рыбный дух мешался с дымом. Неподалеку от княжеского шатра звучали гусли, и сильный голос вел нараспев сказание о прошлых битвах и могучих богатырях.

Князь Святослав, задумавшийся было о том, что ждет его войско впереди, прислушался, и слова сказителя удивительным образом стали ложиться на душу, совпадая с размышлениями князя, точно сказитель подслушал его думы и решил облегчить их прошлым опытом.

*...Как съезжался Илюша из Муровца,
С Жидовином тем да нахвальщиной,
Что он всех сильней в поле чистом,
Супротив него нет соперника.*

---

*Зазвенели в степи сабли вострые, —
Да те сабли у них преломилися,
А друг дружку ничуть не поранили;
Бились, дрались они врукопашную,
То мечами секлися булатными,
Позазубрились мечи булатные;
То махали тяжелою палицей,
А и палицы их изломалися.
Бились, дрались до самого вечера,
А стемнело — до самой полуночи,
С полуночи до света до белого,
А не видно, чем битва закончится.
Поскользит тут Илья ножкой левою,
Тяжело пал Илья на сыру землю,
Пал Илья да промедлил маленечко,
Не вскочил враз на ножки на резвые.
Жидовин изловчился не мешкая,
Сел Ильюше на груди на белые,
Вынимал кинжалище булатное,
Чтоб вспороть у Ильи груди белые
Да навек закрыть очи те ясные,
По плеча отсечь буйную голову...*

Сколько раз князь слушал эту сказку про битву Ильи Муровлинского, могучего русского поляницы, с Жидовином-поляницею, и всякий раз удивлялся тому, как верно народ в своих думах оценивает прошлое и какие надежды возлагает на будущее.

Святослав лежал, вытянувшись на медвежьей полсти, положив голову на седло, смотрел на розовые облака, медленно плывущие на восток, на стаи птиц, косяками и прерывистыми линиями плывущие на север. Мерный рокот гуслей и напевный голос, сливающийся с кликами птичьих стай, клонили в дрему...

*Вот лежит Илья под нахвальщиной,
На сырой земле, на родимой,
У него от ней силы прибавились
Против прежнего втрое иль вчетверо.
Он махнул врага во груди белые,
Вышибал его выше-тко дерева.
Пал нахвальщина на сыру землю,
Во сыру землю ушел по пояс.
Тут вскочил Илья на ноги резвые,*

---

*Жидовину тому нахвальщине
По плеча отсек буйну голову,
На копье воткнул на булатное
И повез ее в стольный Киев-град,
Чтобы князь со дружиной увидели,
Кто зорил-томил Русь, нашу отчину...*

— Уха готова, княже, — прорвался сквозь дрему голос воеводы Добрыни Мала.

Князь встряхнулся, откинул медвежью полсть, которой укрыл его заботливый дядька Асмуд.

— Подошли конные дружины? — спросил у Добрыни.

— Подошли княже.

— Что ж, давайте уху, а то я уж и уснул, дожидаясь.

27. Вдали речной простор неожиданно раздвинулся. С правой стороны высокие, едва зазеленевшие берега видно, а слева вода и вода, и нет ей ни конца ни краю. Такую большую воду князь видел только на Ладоге-озере, а боле нигде. И он вопросительно оглянулся на стоящего на почтительном удалении проводника-черемиса, одетого в длинную кожаную свиту, расшитую речным бисером, обутого в онучи и веревочные лапти.

Черемис приблизился, сложив на груди руки, склонил кудлатую голову.

— Что там? — спросил князь, обводя рукою безбрежный водный простор.

— Кама, — коротко ответил черемис. И пояснил: — Река такой будет, мой господин. Это река Итиль будет, другой река Кама будет. Там, дальше — страна Булгар будет, — и простер руку туда, где ярко горело, оторвавшись от воды, утреннее солнце. — Там город Булгар будет, каган там седи Великий Булгар.

— Булгар, говоришь? — произнес князь и подозвал к себе молодого князя Муромского, присоединившегося к нему со своей дружиной. — Я мыслю, что надобно послать к кагану булгарскому послов. Раньше, сказывали мне знающие люди, Булгар был союзником кагана Козарского, теперь они его данники. Пусть идет с нами. Ты их знаешь, они тебя тоже. Пойди к ним от нас послом, скажи, что князь Святослав, каган Руси, хочет заключить с ним союз, чтобы вместе идти на Итиль-град. Назначь встречу у берега.

— Я сделаю все, что ты мне прикажешь, — слегка наклонил свою русую голову князь земли Муромской.

Огромный караван ладей и плоскодонных ошив, растянувшийся на многие версты по речному простору, миновал место слияния Итиля и Камы и к вечеру остановился на тихой воде в двух полетах стрелы от берега, бросив в воду якоря. Видно было, как по берегу скачут всадники, их становится все больше и больше. От княжеской ладьи отделились четыре легких челна и ходко пошли к берегу, расплескивая воду веслами.

Святослав стоял на носу и смотрел, как челны пригнулись к берегу, как их окружили всадники, и густая толпа пеших и конных стала подниматься на возвышенность, на которой виднелись деревянные сторожевые башни и крепостные стены, ярко освещенные закатным солнцем. Легкие облака, похожие на птичьи перья, точно крылья самого повелителя неба Сварога, распростерлись во всю ширь небесную, наливаясь малиновым соком.

— Быть большой крови, княже, — произнес верховный жрец, служитель Перуна, обросший волосом так, что виднелись лишь крючковатый нос да бездонные колодцы глаз под нависшими бровями, и повел посохом у себя над головой.

— Это мне и без тебя ведомо, — усмехнулся Святослав. — Для того и идем. Но чьей крови прольется меньше, тот и будет на щите.

— Боги сегодня за тебя, княже. Вся Русь за тебя и прочая язычи. Ибо великое дело сотворяша, угодное и людие и боги.

28. Каган болгарский, прозвищем Махмуд, недавно принявший магометанскую веру вместе со своим народом в надежде, что султан Ирака, повелитель всех исмаильтян, поможет ему и его народу избавиться от ига хазарского, встретился с князем Святославом на берегу Итиля, на виду у всего русского флота.

Был болгарский каган лет на пять старше князя русского, черная борода и усы, аккуратно подстриженные, обрамляли его смуглое неподвижное лицо, с которого сквозь слегка удлиненные прорези смотрели на Святослава черные глаза, как два любопытных зверька из своих норок, над которыми нависала белоснежная чалма с пучком изумрудных павлиньих перьев, точно растущих из алмазной застежки. Судя по расшитому золотом яркому, под стать павлиньим перьям, халату, красным сафьяновым сапожкам и богато украшенным драгоценными кам-

---

нями сабле и кинжалу, каган очень хотел произвести впечатление на кагана урусов. И был явно разочарован, когда пред ним предстал крепыш в белой рубахе и портах, с пучком волос на обритой голове, в сапогах, какие носят обыкновенные вои, и без всякого оружия. И если бы каган урусов не вышел вперед из толпы таких же, как и он сам, разве что при оружии и доспехах, отличить его среди других было бы невозможно. Но сын кагана, исполняющий роль толмача, стоящий за плечом Махмуда, успел шепнуть своему отцу, что вот этот-то и есть каган урусов Святослав, иначе Махмуд подумал бы, что ему решили вместо повелителя подсунуть раба и тем самым унижить его, кагана Великого Булгара, достоинство.

Однако, едва они сблизилась друг с другом и Святослав заговорил, всякие предубеждения оставили Махмуда, и он поверил, что да, перед ним ровня, и даже чем-то значительнее и сильнее, чем он сам. Уже хотя бы тем, что решился взять на щит царство Хазарское, где правят коварные и ненасытные цари иудейские. Но это еще не значит, что Святослав сумеет их одолеть, даже если он, каган болгарский, пойдет вместе с ним со своим войском: еще никто и никогда не мог не только победить хазар, но и поколебать могущество их власти над окрестными народами. А, с другой стороны, не получится ли так, что, одолев хазар, Святослав повернет на Булгар? Этот с виду простецкий урус не так уж прост, если сумел собрать вокруг себя такое огромное войско из разных племен, даже не подвластных далекому Киеву.

29. В шелковом шатре кагана, облокотившись на шелковые подушки и попивая кумыс, полулежали четверо: Махмуд со своим сыном, Святослав и князь Муромский, знающий болгарский язык, потому что Муром и Булгар соседи, но не мирные и не добрые, а пребывающие в извечной вражде и соперничестве: то болгары разорят и ограбят Муромские деревеньки стремительным набегом, уведя пленных, чтобы продать их на итильском базаре, а молодых девок взять себе в наложницы, то мурома подгадает время напасть на села и кочевья болгарские, увозя с собой девок болгарских и коней, унося всякую рухлядь, и уже никто не помнит, кто начал первым, а кто ответил ударом на удар.

— Разве Великому Булгару не надоело ходить в данниках царей итильских? — спросил Святослав, выглядывая

черных зверьков в норках-глазах кагана булгарского. — Или ты еще надеешься, что тебе помогут исмаильтяне, живущие за морем Румейским? Не помогут. Они ведут бесконечные войны с Царьградом и между собой — им не до тебя. Пришло время самим силой оружия положить конец власти козарской. Не так уж и силен царь итильский, чтобы его бояться.

— Великий Булгар не боится никого, — гордо вскинул голову Махмуд. — Но прошлой осенью козары привели к покорности карабулгар, разгромили ясов и заставили их отречься от румейской веры. У царя иудейского очень большое наемное войско.

— Волков бояться — в лес не ходить, — усмехнулся Святослав. — Тем более что зубы у этих волков давно уже гнилые.

— Я уважаю твою решительность и смелость, каган урусов. Так и быть, я дам тебе пять тысяч всадников. Но больше дать не могу: за зиму кони отощали, еще не набрали силы на свежей траве. Подожди немного, погости у меня, поохотимся на оленей, на степных барсов. Ты будешь самым дорогим гостем в моей стране. Мой дом — твой дом. Будем пить кумыс и предаваться размышлениям о смысле всего сущего...

— Спасибо тебе, Махмуд, за гостеприимство, за обещанные пять тысяч всадников. Пусть они идут левым берегом. А мне задерживаться недосуг: мое войско идет охотиться совсем на другого зверя, — ответил Святослав, ставя пустую чашу на низкий столик, украшенный перламутром, и рывком поднимаясь на ноги. — Будут милостивы наши боги, и поохотимся вместе, и еще попьем твоего кумыса. А сейчас я должен тебя покинуть.

И Святослав слегка склонил голову в знак благодарности и приложил правую руку к груди. Затем повернулся и вышел из шатра. За ним следом князь Муромский.

Они шли между двумя рядами булгарских воев, стоящих в полном боевом облачении, а каган Булгарский смотрел им вслед, и два желания боролись в нем, не одолевая одно другое: одно желание — присоединиться к кагану урусов и пойти с ним вместе на Итиль, который Махмуд ненавидел не менее сильно, чем Святослав, и второе желание — схватить Святослава и отдать его в руки царя иудейского и тем снискать себе милость и послабление дани. Но перед ним, куда хватал глаз, стоял огромный флот урусов с могучим войском, о силе которого ходит

молва далеко за пределами Хазарского каганата. Сила эта опасна для него, кагана Булгар, но так ли она опасна для царя иудейского? Пять тысяч всадников он, конечно, снарядит, но не для помощи, а для сопровождения. А там будет видно, чья возьмет.

И каган Великого Булгар послал гонцов предупредить каганбека Хазарского о том, что каган Руси идет с войском на множестве кораблей вниз по Итилю, а зачем идет, ему, кагану Булгар, неизвестно.

30. Город Итиль, столица хазарского каганата, расположен на двух островах. На самом большом старый Итиль, — его называют Хазаран. На другом, значительно меньшем, Саркел, что значит Белая крепость. В этой крепости находится резиденция кагана Хазарского и дворец каганбека, царя иудейского. В Хазаране издавна селились и мусульмане, и язычники, и христиане, и иудеи. Все это люд торговый, ремесленный и военный. Кварталы степенных хорезмийцев, говорливых арабов, сумрачных, обросших волосом армян, тихих и недоверчивых бритоголовых булгар, заносчивых бородатых персов, горячих дейлемитов соседствуют с кварталами иудеев, мечети с синагогами, церкви с языческими капищами. Раньше здесь было много христианских церквей, осталась же едва половина, и то самых маленьких, а все прочие, когда окончательно утвердилось в Итиле власть иудеев, либо были разрушены, либо их превратили в синагоги. И все это случилось в ту пору, когда из Византии бежало множество их соплеменников, которых базилиус Романус пытался склонить в веру христианскую.

Весна в 6473 году от сотворения мира выдалась ранней, многоводной. Итиль разлился широко, захватив огромные пространства, отрезав столицу каганата от остального мира, подтопив глиняные домишки и землянки ремесленников и всякого иного люда, который на зиму скапливается в Хазаране, а едва спадет большая вода, растворяется в низовьях реки среди множества протоков, заросших камышом. Над этими протоками склоняются шатры могучих ив, а над ними там и сям вздымаются невысокие бугры, протянувшиеся на сотни и тысячи шагов, — обиталище оседлых хазар. Эти жители камышовых пространств, с весны до осени наполненных тучами комаров и мошки, давно оставили свои кочевья, никому не подчиняются, кроме своих старейшин, ловят рыбу, выращивают виноград, яблоки и сливы, дают из винограда вино,

---

из слив получают напиток более крепкий, от которого перехватывает дух, занимаются огородничеством, лишнее везут в Итиль, продают, покупая за вырученные деньги самое необходимое. Они знают реку и ее протоки, как свою ладонь, привыкли к назойливым комарам и мошке, и ни одно войско не решится искать обитателей песчано-глинистых бугров среди безбрежного моря камыша и краснотала.

Великое прошлое не тревожит воображение потомков некогда могущественных родов, они вполне довольны своей жизнью и не ищут другой. Даже рассказы седобородых старцев, повествующие о прошлых походах и битвах, о подвигах богатырей хазарских не заставляют глаза отроков загораться желанием что-то изменить в однообразной жизни, испытать себя на новом поприще. Они хорошо стреляют из луков, попадая в летящую птицу, бьют острой белорыбицу, загоняют в ловушки кабанов — им и этого довольно.

— Не тот пошел народ, нет, не тот, — вздыхают старики, хотя и сами в молодости были такими же, но им кажется, что если бы в их молодости кто-то позвал их куда-то, то они бы пошли, не раздумывая. Но никто их не позвал, а самим отрываться от тихой и спокойной жизни не было охоты.

Горят вечерние костры, женщины готовят ужин, молодежь, взявшись за руки, водит хороводы под звуки бубнов и камышовых свирелей, и кажется, что так было всегда и будет продолжаться вечно.

31. Перед крепостными стенами Хазарана шумит огромный базар. Итиль очистился ото льда, у причалов и у берега теснятся ладьи с верховой, плоскодонки и долбленки из волжских протоков. На ладьях воинственные болгары привезли рабов, пушнину, огромные бивни неведомых чудищ, моржовый клык, шкуры медведя, волка, рыси. Нынче шелковый путь прерван арабами, рабы стали главным товаром, особенно интересующим иудеев-раходонитов: на восточных базарах хорошо идут мальчики для войска арабских шейхов, девочки для их гаремов. В плоскодонках речные хазары продают живую и вяленую рыбу, битую птицу, сушеные фрукты, виноградное вино. Персы привезли дорогие ткани, ковры, благовония, русские купцы — мед, воск, оружие, льняные ткани, пушнину.

Здесь же, на берегу, ремесленники разных национальностей куют кольчуги, топоры и мотыги, точат ножи и

сабли, тачают сапоги и чувяки, лепят и обжигают горшки и кувшины, шьют шапки и кафтаны. Среди прилавков, лавок и длинных рядов всякого товара, выложенного на землю или войлочные кошмы, степенно шествуют, прицениваясь и приглядываясь, купцы: иудеи, персы, хорезмийцы, славяне и прочий торговый люд.

Вот идут два иудея, перебирая янтарные горошины четок: один уже старик, другой входит в пору зрелости. Они тоже ничего не покупают, ждут, когда придут новые караваны с товаром и цены понизятся.

— Пора, — говорит старик, — брать весь путь по Итилю до моря Варяжского в свои руки. Тем и Русь приведем к покорности, и торговать будем безошлинно.

— Совершенно верно, раб Манасия, — почтительно клонится молодой. — Я думаю, что наш великий повелитель, — да продлит его царствие Всевышний на долгие годы! — скоро поведет свое непобедимое войско покорять дикие народы севера. Думаю, что рабы будут стоять дешево и нам удастся хорошо заработать.

— Истинно так, истинно, — бормочет старик, ощупывая замаслившимся взором девочку лет десяти, с черными косицами и слегка раскосыми глазами.

— Сколько? — спрашивает он у булгара, продающего с десяток рабов разного пола и возраста, тыча пальцем в сторону девочки.

— Десять, — отвечает булгар и подтверждает цену, дважды сжав пальцы в кулак.

— Много, — кривится раб Манасия. И показывает свою пятерню.

Булгар понимающе скалит белозубый рот и трясет головой.

— Мало будет, господин. Хороший девка, сильный, здоровый. В Хорезме за нее пятнадцать дадут.

Иудеи поворачиваются к булгару спиной, он кричит им вслед:

— Восемь давай! А? За восемь бери! Хороший девка! Красивый будет! Любить будет!

Но иудеи плывут величественно в суетливой толпе в своих ярких бухарских халатах и маленьких круглых шапочках, точно приклеенных к их головам, не обращая внимания на призывные крики торговцев.

32. А вот два славянина в красных сапогах, белых холстинных портах и рубахах, в шерстяных короткопалых

кафтанах, перетянутых красным кушаком, из-за голенища правых сапог торчат костяные рукоятки ножей. Они тоже прицениваются и присматриваются, но, похоже, товар интересует их меньше всего. Потолкавшись на базаре и послушав, о чем говорят продавцы и купцы, они свернули к крепостной стене и пошагали узкими улочками меж высоких глинобитных заборов и белых мазанок за ними, откуда слышны женские и детские голоса. Иногда купцам встречаются семенящие на базар женщины в чадрах, сопровождаемые рабынями или рабами, кучки скупающих хорезмийских наемников из гвардии каганбека, в пестрых халатах и тюрбанах, с кривыми саблями и кинжалами. Хорезмийцы живут в мазанках под стенами Саркела и Хазарана со своими семьями, их кварталы разбиты по сотням и тысячам, и по первому зову курая с крепостных стен они седлают своих арабских скакунов и скачут туда, куда укажет тот, кто платит им хорошие деньги. Сейчас нет войны, все восстания усмирены, в каганате мир и спокойствие. Табуны коней пасутся в степи неподалеку от города. Но такая спокойная жизнь выдается редко: не для того их нанимали, чтобы сидели дома, окруженные женами и детьми.

Хорезмийцы замолкают при приближении урусов, смотрят подозрительно, но урусы идут так, будто тут и нет никого, будто они в лесу. Вот обогнули крепостную стену и вышли на противоположную сторону ее к широко разлившейся реке. В кустах тальника их ожидает челн-долбленка, а в нем ее хозяин, сорокалетний хазарин в войлочной островерхой шапке, кожаных штанах и кафтане, с жиденькой бородкой и вислыми усами, узкими щелками глаз на плоском и широком лице, с длинной косой, лежащей поверх кафтана.

Русские сели в челнок ближе к носу, хазарин на корму, взял в руки короткое весло и погнал угловое суденышко сильными гребками на другую сторону реки сперва через стремнину, затем по узким протокам среди прошлогоднего сухого камыша и едва распускающихся ив. Клокотала за кормой близкая вода, поднимались, громко гогоча и шлепая по воде крыльями, дикие гуси и лебеди; стаи чирков стремительно срывались с места, пеня текучую воду, за ними гагары и кряквы, и воздух наполнялся гомоном и шумом, и двое русских следили за птичьими стаями, вертя головами, и, казалось, сами готовы были взлететь вслед за ними.

Наконец челнок уткнулся в берег, седоки выбрались из него, отсыпали хазарину горсть серебряных дирхемов, и тот долго смотрел вслед урусам щелками неподвижных глаз, пока эти странные люди не скрылись среди зарослей тальника.

А еще через какое-то время несколько всадников гнали своих коней по тропинке, петляющей то среди деревьев, то выбегающей на солнечный простор, где над пестрыми коврами цветущих тюльпанов и маков желтели макушки спящих до поры до времени песчаных барханов.

33. Белая крепость, Саркел по-хазарски, величественна и тиха, будто там никто не живет. Разве что очень зоркий глаз различит с другого берега на его стенах среди зубцов черные фигурки стражи. За этими стенами стоят, на некотором расстоянии друг от друга, три белокаменных дворца: один кагана Хазарского со своей челядью и гаремом, лишенного всякой власти, но от имени которого правит каганбек, царь иудейский, другой дворец самого царя, третий — царицы с евнухами и служанками-рабынями. Все три дворца, сложенные из обожженного кирпича, представляют непреступные замки с узкими окнами, с высокими башнями с черными глазами бойниц. Вокруг них на некотором удалении в деревянных и глинобитных домах проживает иудейская верхушка — князья, книжники и законники, называющие себя хаберами. Внутри города разбиты сады и парки, пруды и цветники, любой житель Саркела находит отдохновение от трудов своих под шатром из виноградных лоз, любясь ручными фазанами, черными и белыми лебедями, грациозными ланями.

Три раза в год Хазарского кагана выносят на носилках под шелковым балдахином из своего дворца. Каган восседает на золоченом стуле, носилки несут черные мускулистые рабы в набедренных повязках, режут кураи, бьют барабаны, заливаются на разные голоса свирели. От безделья и сладкой жизни каган заплывает жиром, тучное тело его колыхается в такт шагов носильщиков, узкие щелки глаз равнодушно смотрят по сторонам. За каганом следует пышная свита и охрана из хорезмийцев. Процессия пересекает по временному наплавному мосту протоку, разделяющую острова, и вступает в Хазаран. Торжественный поезд движется по узким улочкам, народ падает ниц, глашатаи кричат славу кагану Хазарскому, кида-

---

ют в согбенные спины пригоршни мелких монет. На городской площади, где высится главная мечеть и стоит самая большая синагога, поезд разворачивается и тем же путем возвращается назад... до следующего раза: народ видел своего владыку, народ может быть доволен. Наплавной мост разбирают, и кажется, что с его исчезновением жизнь в Белом городе погружается в волшебный сон.

В начале мая, когда расцветает степь, состоятельное население Итиля покидает провонявшие рыбой острова и подается в низовья правобережья, где у каждой семьи имеются дома, огороды и сады. Уходит в степь и гвардия, но не пустеют мазанки под стенами крепости: семьи остаются. Остаются в Хазаране ремесленники, мелкие торговцы, стража, судьи и палачи. Два раза в неделю на главной площади города секут кого-то кнутом, кому-то отрезают уши или язык, выкалывают глаза, отрубают пальцы или руки за мелкие провинности, побивают камнями, рубят головы, сажают на кол или распинают на кресте за провинности крупные. Весной купцы везут свои товары в Персию, Закавказье, Византию, на восток, на запад и на север. Осень возвращает их назад, и город оживает.

Впрочем, Белый город, даже опустевший, продолжает жить невидимой, но напряженной жизнью, рассылая во все концы необъятной страны сборщиков дани, согляда-таев, военные отряды, пристально следя за подвластными народами, пресекая всякие попытки своеволия. И каждый день пополняется сокровищница итильских царей.

Однако пора выезда в загородные дома еще не наступила, купцы только собираются в дорогу, вода все еще высока, деревья едва распустились, в неисчислимых протоках и ериках шумит на разные голоса птичье царство, с каждым днем все новые и новые стаи лебедей, уток, гусей, цапель, куликов, журавлей и прочей водоплавающей и у воды живущей птицы пополняют население дельты, иногда закрывая небо своими телами, а гоготом, криком, писком и свистом крыльев заглушая все остальные звуки, рождаемые природой, и каждый день отдохнувшие стаи поднимаются на крыло, строятся в воздухе и летят на север, в неведомые края.

Ранняя весна — самая благодатная пора в низовьях Итиля: еще не появились комары, нет изнуряющей жары, иногда выпадают дожди, и все живое спешит жить и размножаться, и человек, еще не потерявший связи с живой природой, следует тем же законам.

---

34. Тринадцатый по счету каганбек Хазарский, царь иудейский, одетый в парчовый халат, полулежит на мягких подушках в покоях размышлений. Над ним стоит черный раб с опахалом из перьев павлина и плавными движениями разгоняет застоявшийся воздух. Рядом с ним полулежат на подушках четверо его сыновей-погодков, старшему двадцать, младшему шестнадцать, но все они женаты и у всех есть дети, — даже у самого младшего! — ибо колено иудейское должно постоянно прирастать числом, чтобы не затеряться, не раствориться среди многочисленных гоев.

Напротив царствующих особ сидит, поджав по-восточному ноги, мальчик лет пятнадцати, черные курчавые волосы шапкой покрывают его голову, коротенькие пейсы ниспадают по смуглым щекам. Он одет в шелковые голубые шаровары, остроносые чувяки, белую рубашку и синюю безрукавку, украшенную позументом. Он числится одним из лучших учеников иудейского хедера, расположенного в Белом городе. Пучок света, проникающий сверху через открытое окно, освещает мальчика и пожелтевший свиток, лежащий на низкой подставке. В мягком полумраке плавают дым от кальяна, на окнах легкий ветерок шевелит шелковые занавески.

Мальчик читает нараспев, скользя глазами по длинному свитку справа налево:

— От меня, Хасдая, сына Исаака, сына Эзры, сына Шафрута, — да будет им вечный покой! — из потомков иерусалимской диаспоры в Сефараде, раба моего господина, царя, падающего ниц перед ним и склоняющегося из далекой страны по направлению к его высокому местопребыванию, радующегося его безопасности, радующегося его величию и покою, простирающего руки к небесам в молитве, чтобы он долго жил и царствовал в Израиле. Кто и что моя жизнь, чтобы я мог собрать силы начертать письмо к моему господину, царю, и обратиться к его почету и великолепию! Но я полагаюсь на правильность моего поступка и прямогу моих действий, хотя как может мысль найти красивые слова у тех, которые ушли в изгнание и позабыли свое пастбище, которые утратили величие царства, для которых потянулись дни угнетения и суда и которых пророчества не осуществляются на земле...

35. — Подожди, — велел царь теще. — Я должен пояснить моим сыновьям. Слушайте. Это письмо пришло из

страны сефардов вашему деду, великому царю народа хазарского Иосифу, сыну Аарона, сыну Иафета, сыну Хазара, сына праотца нашего Тогармы. Царь Иосиф, ваш дед, двенадцатый царь и каганбек Хазарии, — да пребывает он в райских садах в вечном покое и благоденствии! — расширил границы каганата, привел в покорность многие народы на юге, западе и севере, и мы с вами суть прямые потомки и наследники созданного им великого царства. Весть о царстве, где воцарился Израиль, дошла до самых отдаленных концов Ойкумены и везде вызвала восторг среди иудеев и желание служить на благо Израиля. Поэтому на всех нас лежит обязанность укреплять Израиль на этой земле, расширять его пределы и приводить в покорность народы, которые могут потревожить покой нашего царства, данного нам великим богом Израиля на вечные времена. — И, повернувшись к чтецу: — Прочти там, где говорится, откуда это письмо.

— Слушаюсь, мой господин, — произнес мальчик и стал читать: — Да будет известно господину моему, царю, что имя страны, внутри которой мы проживаем, на священном языке — Сефарад, а на языке исмаильтян, жителей этой страны, — ал-Андалус. Имя столицы нашего государства — Куртуба... Я еще сообщу моему господину, царю, имя царя, царствующего над нами. Имя его — Абд ал-Рахман, сын Мохаммеда, сына Абд ал-Рахмана, сына Хакама, сына Хишама... Земля в этой стране тучная, изобилующая реками, источниками и вырубленными цистернами; земля хлеба, вина и елея, изобилующая плодами и усадями и всякого рода ценностями, садами и парками, производящая всевозможные фруктовые деревья и дающая всякие породы деревьев, с которых накручивают шелк, потому что шелк имеется у нас в очень большом количестве...

36. — Остановись! Я хочу сказать вам, мои сыновья, что раньше мы, иудеи, держали торговые пути из страны Китая, расположенной на другом конце Ойкумены, в страну Андалус и другие страны, расположенные на конце противоположном, и это приносило нам большие доходы. Не зря нас называли рахдонитами, то есть знающими пути. Теперь шелковые коконы выращивают не только в стране Сефарад, но и в других странах, и мы лишились своего дохода. Поэтому, чтобы содержать большую и сильную армию, мы должны получать дань со всех народов,

---

до каких только достигает наша мышца и которые Всемогущий отдает нам в повиновение... — И снова чтецу: — Прочти о том, как весть о нашем царстве достигла земли Андалус.

Мальчик читал письмо не в первый раз, и сыновья каганбека слышали его не впервой, и даже читали сами, все они знали текст послания неизвестного им иудея из страны ал-Андалус наизусть, но раз в год, а именно по весне, письмо перечитывалось снова и снова, и всякий раз каганбек повторял свои пояснения к нему — так было заведено, чтобы помнили, кто они есть и что значат в этом враждебном мире.

Мальчик тут же нашел нужную строчку и продолжил чтение:

— Я всегда спрашивал всех о наших братьях, израильтянах, остатке диаспоры, не слышали ли они чего-либо об освобождении оставшихся, которые погибают в рабстве и не находят себе покоя. Так продолжалось дело, пока не доставили мне известие посланцы, пришедшие из Хорасана, купцы, которые сказали, что существует царство у иудеев, называющихся именем ал-Хазар, что имя царя, царствующего над ними, Иосиф, что они обладают силой и могуществом, полчищами и войсками, которые выступают по временам на войну. Когда я услышал это, меня охватила радость, мои руки окрепли и надежда стала тверда. Я преклонился и пал ниц пред Богом небес: наконец-то существует место, где имеется светоч и царство у израильской диаспоры, и где не господствуют над ними и не управляют ими... Через это мы подняли голову, наш дух ожил и наши руки окрепли. Царство моего господина стало для нас причиной, чтобы раскрыть смело уста. О, если бы эта весть получила еще большую силу, так как благодаря ей увеличится и наше возвышение! Благословен Господь, Бог Израиля, который не лишил нас заступника и не упразднил светоч и царство у колен израильских!.. Да живет наш господин, царь, вовек! Да будет много счастья моему господину, царю, ему и его потомству, и его семейству, и его престолу вовек, и да царствует он и его потомки долгие дни среди Израиля!

37. Мальчик оторвал голову от свитка и посмотрел на царя.

— А теперь почитай ответ царя Иосифа рабу Хасдаю... там, где отмечено. Я хочу, чтобы вы, сыны мои, которым

предстоит повелевать народами, всегда помнили, откуда происходит наш род. Благословенный царь Иосиф, сын Аарона, ваш высокородный дед, — да будет он вечно пребывать в раю! — дал исчерпывающий ответ ученому мужу раб Хасдаю из страны Сефарад, — да процветают его потомки на долгие времена!

Мальчик взял другой свиток, нашел нужное место и стал читать:

— Ты спрашиваешь в своем письме, из какого народа, какого рода и племени мы происходим. Знай, что мы происходим от сынов Иафета, от сынов его сына, Тогармы. Мы нашли в родословных книгах наших предков, что у Тогармы было десять сыновей, и вот их имена: первый — Агийор, затем Тирас, Авар, Угин, Бизал, Турана, Хазар, Зейнур, Булугуд, Савир. Мы происходим от сыновей Хазара; это седьмой из сыновей Тогармы. У него записано, что в его дни предки мои были малочисленны. Но Всесвятой — благословен Он — дал им силу и крепость. Они вели войну с народами, которые были многочисленнее и сильнее их, но с помощью Божией прогнали их и заняли их страну. Те бежали, а они преследовали их, пока не принудили...

И тут откинулся полог и в покои размышлений вошел комендант крепости раб Иегуда, в бухарском халате и белом головном уборе, похожем на чалму. Он остановился, едва переступив порог, прижав к груди руки и склонив голову.

— Что? — спросил каганбек.

— Прискакал гонец из царства болгар, мой господин, — да будет жизнь твоя вечной усладой! Он принес известие, что русы движутся по Итилю на множестве судов с великим войском. Большое конное войско идет по берегу, мой повелитель. Русов ведет сам каган Руси Святослав.

— Далеко? Где они?

— В трех переходах от столицы твоего государства, мой повелитель, — еще ниже склонил свою голову раб Иегуда.

Каганбек побледнел и медленно поднялся с лежанки. Затем приказал:

— Собрать военный совет! Немедля! Послать поспешных гонцов к карабулгарам, печенегам, уграм и куманам, которые кочуют поблизости, чтобы шли к Итилю. Обещать любую награду! Всех горожан, способных носить оружие, всех мужчин и женщин привлечь в войско. По-

---

слать облавы по окрестным селам и становищам, гнать сюда всех, способных держать оружие. Вооружить рабов и пообещать им свободу. Всех урусов, живущих в Итиле и окрестностях, схватить и упрятать в зинданы. Никого из Саркела не выпускать. Из Хазарана — тоже. Иди!

Комендант попятился и, не поднимая головы, покинул покои размышлений.

38. В тронном зале, где потолки и стены покрыты сусальным золотом, а полы — бухарскими и персидскими коврами, где все блестит и сверкает в свете майского дня, проникающего сквозь многочисленные окна, под шелковым балдахинном восседает на золотом троне каган Хазарский, толстый хазарин с раскосыми глазами, широким плоским лицом, редкими усами и бородой. На нем золотая корона, усыпанная алмазами, изумрудами и рубинами, парчовый халат, затканый жемчугом, и даже сапоги искрятся драгоценными камнями. По бокам от кагана стоят два евнуха, очень похожие на своего господина, с такими же равнодушными и сонными лицами.

Чуть ниже трона кагана стоит другой трон, не менее роскошный. На нем сидит каганбек, но в более скромном наряде.

Вдоль стен стоят князья иудейские, воеводы, начальники гвардии, командиры отдельных отрядов, книжники, судьи, раввины — все в весьма скромных одеяниях.

Перед троном на коленях, лицом вниз, полулежит на ковре, вытянув вперед руки, посол, раб Эфраил, сын Манасии.

— Ты еще прошлой осенью уверял нас, презренный, что каган Руси Святослав пошел со своей дружиной на север, чтобы избежать нашей кары, — цедил сквозь зубы слова каганбек, глядя с брезгливостью на плешивую голову посла. — Ты уверял, что обещание кагана Святослава придти к Итилю с войском было пустой похвальбой молокососа. Что скажешь ты на этот раз?

— О Великий! Мне нет прощения! Но позволь доказать тебе, что в моих словах не было вымысла и желания принести хотя бы малейший вред тебе и возглавляемому тобой царству! — воскликнул раб Эфраил плачущим голосом, приподнимая голову. — Свои сообщения и выводы я основывал на донесениях лазутчиков и соглядатаев, которые сидят в Киеве и которым мы платим деньги. Один из них, хорезмиец, близкий к изменнику беку Феридуну, —

да сотрется имя его, да постигнет кара его еще на этом свете! — уверял меня, будто в Киеве царит паника, будто каган Святослав на совете у матери-княгини Ольги сказал, что его войско не сможет противостоять войску твоего величества, что речь может идти лишь о спасении княжеского рода и Киевского каганата. Еще он будто бы сказал, что идет на север, в Невоград, чтобы собрать дань с подвластных ему народов для твоего величества, что ворота Киева будут открыты, если ты пожелаешь осчастливить этот город своим посещением...

— Заткнись! Твой язык петляет лисицей, оказавшейся в западне. Ты принес нам ложные сведения и слухи, которые направили наши помыслы и дела во вред царства Израильского, данного нам Всемогущим Богом на вечные времена! Знаешь ли ты, что последует за этим?

— Знаю, мой повелитель, — да дарует Всевышний тебе мудрость и волю, чтобы преодолеть все преграды на пути Израиля! Но если позволишь, всемилостивый, я выскажу еще одно — последнее — предположение?

— Говори.

— Войско урусов не впервой идет этим путем, но не затем, я думаю, чтобы напасть на твою столицу, — да хранит ее Всевышний тысячу лет! — а для того, чтобы, с твоего всемилостивейшего соизволения, проследовать в море Хазарское, ограбить города исмаильтян за Дербентской стеной, как они привыкли это делать в прошлом по своему варварскому обыкновению, и отомстить за гибель своего войска и князя Хельги. Надо послать к нему навстречу послов и потребовать от него ответа, по какому праву он идет к Итилю, не испросив твоего, мой повелитель, всемилостивейшего соизволения, и потребовать заложников...

— Может быть, ты и прав, — перебил посла каганбек. — К тому же каган Булгар не говорит, с какой целью и куда направляется каган Святослав. В таком случае поезжай ему навстречу и спроси у него о том, о чем ты здесь говорил. Возьми заложников и возвращайся. Только в этом случае я прошу тебя. Иди.

— Позволь еще раз припасть к твоим ногам, мой повелитель, — да восславится среди Израиля твоя мудрость, как восславилась среди него и среди гоев мудрость царя Соломона! — и раб Эфраил, сын Манасии, прополз на коленях и локтях к трону и поцеловал носок сапога каганбека, затем, не вставая с колен, попятился прочь от

трона, на ноги встал только у самой двери, вышел, согнувшись, и лишь за дверью перевел дух и мысленно возблагодарил Всевышнего, что встреча с каганбеком, не сулившая ему ничего хорошего, закончилась все-таки вполне благополучно. А там он как-нибудь выкрутится: не впервой.

39. Раб Эфраил, сын Манасии скакал на сменных лошадях навстречу войску кагана Руси от одной станции к другой, расстояние между которыми не превышало двадцати миль. Он надеялся, что встреча эта произойдет хотя бы за два перехода русов от столицы Хазарского каганата Итиля, и не верил, что князь Святослав идет на исмаильтян отомстить за гибель русского войска двадцать лет тому назад. Он хорошо помнил, с какой решительностью Святослав заявил, что придет со своим войском под стены Итиля. Но он, передавая своему господину, царю, дерзкие слова князя Святослава, его похвальбу, смягчил их и утопил в густом красноречии. Да и как можно было поверить, что слова этого молокососа — не пустой звук, не похвальба перед его вассалами, а твердое намерение разгромить Хазарский каганат, который богатством и могуществом соперничает с империей ромеев! И сам каганбек не поверил бы, если бы раб Эфраил дословно передал ему разговор с каганом Руси, хотя всем известно, что каган Святослав имеет варварскую привычку предупреждать своих врагов надменными словами дикаря: «Иду на вы!» Да вот беда: нет и не было такого владыки, который готов услышать голую правду из уст своих подданных. Им больше нравится слышать то, что они хотят услышать.

Раб Эфраил давно не ездил верхом, он располнел от спокойной и сытной жизни, окруженный своими наложницами, и теперь тяжело страдал от тряски разномастных лошадей, которые доставались ему на промежуточных станциях. Еще, чего доброго, от такой езды нарушится связь животворных органов внутри его тела, и его поразят колики, пронзающие желудок и печень. Но лучше пострадать от колик, чем услышать из уст каганбека смертный приговор, а потом пойти в свой дом и собственными руками лишить себя жизни. Следовательно, он должен приложить все силы, чтобы склонить князя Святослава к миру или, в крайнем случае, задержать его как можно дольше, пока каганбек не соберет войско под сте-

---

нами Итиля. На худой конец можно передаться тому же князю Святославу или кагану Великого Булгар: умные люди нужны везде... Помоги, Всемогуший, презренному рабу своему!

40. Князь Святослав сидел возле костра и обедал мясом с бараньей ноги, срезая его ножом. Рядом с ним сидели два купца, недавно еще бродившие по итильскому базару.

— Булгары, что идут по левому берегу, схватили нас и не отпускали, — говорил тот, что постарше. — Но мы ночью сумели бежать. Поэтому и пришли к тебе, княже, позже, чем собирались.

— Что в Итиле? — спросил Святослав.

— В Итиле все тихо. Тебя никто не ждет. В городе войск мало. Гвардия хорезмийских наемников — тысяч двенадцать. Еще есть отряды иудейских князей — примерно столько же. Есть ополчение из ремесленников и прочего люда — тысяч двадцать—тридцать. Среди них много хорезмийцев. В них не только мужи служат, но и жены. Итиль состоит из двух частей: Хазарана и Саркела. Хазаран укреплен слабо. Там почти нет войска. Одна лишь стража. Много рабов, чужеземных купцов и ремесленников. Эти усердно сражаются за царя иудейского не станут, если их заставят. Поблизости кочуют несколько племен печенежских, да между Яиком и Итилем кочуют кипчаки, которые могут прийти на помощь. Но сейчас они далеко и вряд ли успеют. Каганбек может собрать тысяч сорок-пятьдесят, не больше, но настоящих воинов среди них мало. Саркел имеет каменные стены, его так просто не возьмешь. Но в самом городе войск нет. Наемники-хорезмийцы живут под его стенами, внутрь их не пускают. Но это хорошие воины, само войско их правильно организовано и обучено арабскому строю. Они хороши в нападении, но выдерживать долгую сечу с сильным противником не способны. Дратся их заставляют не только большое жалованье золотом и серебром, получаемое от каганбека, но и страх смерти в том случае, если они отступят или проиграют сечу...

С передового поста прискакал гонец и сообщил о посольстве из Итиля.

— Большое посольство? — спросил Святослав.

— Пятьдесят всадников.

— Хорошо. Путята! — позвал Святослав одного из своих тысяцких, в чьем ведении было устройство лагеря, его

охрана и наблюдение за порядком. — Поди встретить посла и его охрану, устрой их на ночь возле самой воды, накорми, отдели кострами от остального лагеря, никого за костры не выпускай. Послу скажи, что князь примет его завтра утром, а пока пусть отдыхает. — И, повернувшись к купцам:

— Так, говорите, не ждут?

— Не ждут, княже.

Другой, помоложе, поправил:

— Не ждали, пока мы там были. А что сейчас, ведают лишь боги.

На судах и на берегу затихал воинский стан. Теплились в ночи костры. Перекликалась стража. Небо наполнилось сверкающими звездами, мерцал Млечный Путь, по которому путешествовали на золотых колесницах боги из одного края света в другой; из-под копыт их коней и колес их колесниц срывались вниз звезды и, прочертив в темном небе светящийся след, безропотно угасали.

41. Святослав, спавший возле потухшего костра на войлочной попоне, подложив под голову седло, откинул медвежью полсть, встал на ноги, потянулся, пошел к реке, на ходу стаскивая через голову рубаху. За ним следовали отрок с рушником и слуга-брадобрей.

Было свежо и безветренно. Над рекой клубился серый туман. И не только над рекой, но и над лагерем. Из этого тумана торчали мачты ладей и ошив, слышался глухой гомон пробуждения. Сонно плескала в песчаный берег волна, скрипел под ногами мокрый песок, хрустели ракушки. В темной мутноватой воде вершилась странная и непонятная жизнь: раздавались то сильные, то слабые всплески, что-то утробно взмыкивало, после чего рождался протяжный вздох: не иначе водяные и русалки продолжали свои ночные гульбища.

«Упаси меня Хорс и Дажьбог от нечисти, злых чар и наговоров», — произнес мысленно Святослав и стал умыться, плеща горстями воду на лицо, грудь и плечи, с любопытством и тревогой вглядываясь в текущую воду: вдруг оттуда высунется рука или клешня, или чье-то рыло и — да помилуют боги! — схватит и утащит в глубину. Сказывают, однако, что не все становятся утопленниками, иные возвращаются назад с богатыми дарами: знать, продали душу нечистой силе, чем-то угодили ей. Но таких Святослав не встречал. Врут, поди.

А Солнце все еще медлило за кромкой земли, шупая темное небо тонкими перстами багровых облаков. Гасли одна за другой звезды, лишь утренняя звезда бога Хорса, указывающая путь светилу, искрилась, радуясь новому дню.

Святослав умылся, отрок подал ему холщовый рушник. Рядом уже стоял слуга-брадобрей с острым ножом и корчажкой с гусиным жиром. Святослав уселся на стул-складень, подставил свою голову брадобрею.

Подошел тысяцкий Путьата, стал докладывать о происшествиях в лагере за ночь и донесениях дозорных.

— В полку левой руки подрались двое муромчан с северянами из-за подковы, один северянин ранен ножом. Велел бить кнутом поножовщика и взыскать с него пять дирхемов в пользу раненого. С остальных по два дирхема в пользу казны. С головного дозора притек вестник: за небольшой речушкой, что впадает в Итиль, собирается войско. Всю ночь шумели, жгли костры, стучали топорами, через реку устраивали заплот, чтобы ладьи не могли пройти. Забивают в берег колья. Отсюда будет верст десять. На закат солнца видели конных. Кто такие, неведомо. Посол до полуночи требовал, чтобы ты принял его, еле успокоили. Сейчас опять требует того же. А больше ничего не случилось.

Святослав доклад выслушал молча, велел войску завтракать и грузиться на корабли, коннице идти до места, где собирается вражеское войско, добыть языка, вывести, что за войско, сколько, кто воевода, главное ли это войско или только заслон, в сечу не вступать, разведать местность, нет ли где засад. Прислать к нему ладейных мастеров, затем собрать воевод и тысяцких. Посла привести после завтрака.

42. Ладейных мастеров было пятеро — все родные братья из Смоленска. Все как на подбор: кряжистые, бородастые, в кожаных штанах, пропитанных гусиным жиром, в коротких кожаных же кафтанах, сзади за поясом топор, сбоку большой нож в деревянных ножнах, но голове войлочные колпаки.

Подошли, сняли колпаки, поклонились, встали в ряд, сложив на груди могучие руки, уставились на князя светлыми, как родниковая вода, глазами.

— Козары перегородили Итиль, — сказал князь. — Что будем делать?

— Надо на три-четыре особо крепкие ладьи поставить

ромейские ножи для резания канатов, — заговорил один из мастеров, не самый, между прочим, старый из них, но, видать, наиболее сведущий. Ножи имеются, я тебе, княже, о них сказывал.

— Помню. Сколько времени это займет?

— Не шибко много. Пока вои сядут на корабли, мы спроворим. Люди у нас имеются.

— Хорошо. Как резать будете?

— Если канат один и поверху, то дело это простое: разогнали и... Тут главное — попасть меж плавающими лесинами. Ладья может пострадать, но это уж как водится. Если каната два, один на глубине, другой сверху, а лесины идут сплошняком, тогда надо высаживать рубщиков на плотках. Тоже дело не шибко сложное, но хлопотное. И вои нужны, гораздые стрелять из луков, чтобы защитить рубщиков от супротивных лучников...

— Вряд ли они успели поставить такой крепкий заплот, — качнул головой Святослав. — Река широка, течение сильное — не выдержит.

— Мы тоже так думаем, князь. Но готовиться надо к худшему.

— Добро. Снаряжайте ладьи, — согласился Святослав и отпустил мастеров.

Затем с воеводами и тысяцкими обсудили, каким строем идти ладьям, чтобы, в случае задержки на заграждениях, не сбиться в кучу, кто атакует берег, в каком порядке, уточнили лишний раз, как извещать князя и получать от него приказы, какие сигналы дымом выставлять в том или ином случае, какие звуком турьих рогов или козьих рожков, чтобы хитроумный враг не смог внести в ряды воинов сумятицы своими ложными сигналами и посылками.

Рассвело. Хотя туман сгустился еще больше, и ничего в десяти шагах нельзя было разглядеть, однако везде уже суетились вои, ржали кони, бряцало оружие, стучали топоры, раздавались команды сотников, перекликалась дальняя и ближняя стража.

43. Посол, величественный, как павлин, шагал впереди мелкими семенящими шагами. За ним, выстроившись гуськом, шли слуги с золотыми и серебряными подносами с драгоценными дарами, с большими и малыми ларцами. Отдельно несли богато изукрашенные сабли и кинжалы, доспехи, узорчатые поволоки.

Святослав сидел на коряге все в тех же рубахе и портах, поверх рубахи кожаная безрукавка, да на поясе большой нож в деревянных ножнах. Сзади полукругом стояли вооруженные отроки; впереди их несколько седоусых воинов, когда-то обучавших князя воинскому искусству, тоже в полном вооружении, а за спиной князя главный жрец бога Перуна, в длинной, ниже колен, рубахе, в кафтане из волчьих шкур мехом наружу, с лапами, хвостами и оскаленными мордами, с посохом в руках, обвешанный ожерельями из звериных черепов.

— Великому кагану Руси, — да будут дни твои наполнены звонкой радостью! — от великого каганбека страны Хазар, — да продлится его счастливое царствие на долгие годы! — я, раб Эфраил, посол моего царя, повелителя и господина, передаю привет и драгоценные дары! — да радуют они твой взор и ласкают твою десницу! — произнес Эфраил восторженно, остановившись в пяти шагах от князя, и склонился в низком поклоне, прижав правую руку к сердцу.

И едва он произнес приветствие, как слуги посла раскатали перед князем бухарский ковер и начали складывать на него подносы и ларцы с дарами, оружие и поволоки.

— Это опять ты! — усмехнулся Святослав, глядя на склоненного в поклоне посла. — В Киеве, помнится, ты не кланялся и даров не подносил. Улестить хочешь? Купить? Поздно спохватился, козарин. Я не за дарами пришел со своим войском. Я пришел положить конец вашему царству, разрушить ваше осиное гнездо. Как и обещал в Киеве. Или ты ничего не сказал о моем обещании своему господину, каганбеку Козарскому?

— Я все сказал ему, князь, как ты и повелел, слово в слово! — воскликнул посол, выпрямляясь. — Но разве дело в словах! Дело в нас самих. Человеку свойственно ошибаться и совершать поступки, противные воле богов. Но мудрый человек сумеет вовремя понять, что идет по ложному пути, сумеет остановиться, поразмыслить, прислушаться к тому, что советуют ему боги, и не делать того, что может принести вред не только тем, на кого он ополчился в минуту гнева, застывшего его разум, но и ему самому, — сыпал словами, сдабривая их медоточивыми улыбками, раб Эфраил. — Мой царь, господин и повелитель, рад будет видеть тебя, великий воин и государь, своим гостем. Уже готовятся столы и лучшие угощения, какие только может выдумать искушенная прихоть человечес-

---

кая. Юные девы, не знавшие мужа, обмывают свои тела в чистейших водах царских фонтанов, умащают их благовониями, присланными из Индии и Египта. Ты испытаешь, светлейший князь, — да будет каждый день твой наполнен благоуханием! — такое удовольствие, такие наслаждения, какие не испытывают ангельские души, вечно пребывающие в райских кушах. А потом, отдохнув, ты можешь продолжить свой путь на юг, в земли нечестивых исмаильтян, разграбить их города, предать мечу их жителей, отомстить за русских воев и кагана Киевского, которые пали от мечей презренных рабов своего бога Аллаха. Никто не станет чинить тебе препятствий на твоём благородном пути, ты покроешь славой свое оружие и добудешь много богатств и рабов.

— Довольно! — оборвал Святослав нескончаемый поток слов хитрого иудея. — Можешь возвращаться к своему царю и сказать ему, что я иду на вы... если успеешь достичь стен его дворца раньше моего войска. В третий раз тебе лучше со мной не встречаться: останешься без головы. — И, повернувшись к тысяцкому Путяте: — Посольскую охрану разоружить, коней забрать! Пусть идут пешком. — Посмотрел на реку: — Ну, что ж, туман рассеялся, пора в дорогу.

Затрубили рога, забили барабаны, заплескалась вода под дружными ударами весел, и вот уже головные лады, вспарывая воду острыми ромейскими ножами, клином уходящими под воду, приспособленные резать толстые, пропитанные рыбьим жиром канаты, выходили на стрежень, и солнце, поднявшееся над заречными далями, плескалось в речных волнах ярко оперенными утками-нырками.

На одной из ладей завели песню, слов слышно не было, но тягучий мотив, разрываемый на ритмические части, плыл над водой, отражаясь от берегов, и казалось, будто сама река подбадривает гребцов и задает ритм гребле.

Раб Эфраил стоял на берегу, окруженный своими слугами и воинами-хорезмийцами, и с тоской смотрел на проплывающие мимо лады и ошивы с многочисленными воинами. Конца-краю не было этому движению, точно все, что раньше покорно склонялось перед волей хазарских царей, вдруг разогнулось и двинулось по этой реке, такое же бесконечное и неудержимое, как и сама река.

44. Непрочным оказался заплот из бревен, наскоро устроенный поперек реки: первая же ладья вспорола его,

---

точно нитку, хотя и сама пострадала от ударов бревен в свои борта, и ее едва успели подтянуть к берегу: так быстро наполнялась она водой через проломы.

Увидев, что заплот не помог, тут же пустилось наутек и то немногочисленное войско, которое должно было задержать русов на этом рубеже, дав тем самым каганбеку собраться с силами.

Мощное течение подгоняло ладьи и ошивы, а тут еще подул свежий северный ветер, наполнил паруса, и ладьи, взяв неповоротливые ошивы на буксир, понеслись вперед с удвоенной скоростью. Шли целый день, не останавливаясь, и к вечеру вдали показались белые стены и башни. Они вырастали из воды, тянулись к небу, величественные, точно огромная ладья, сработанная самими богами.

Князь Святослав приказал править к правому берегу: не имело смысла штурмовать такие стены, основательно к штурму не подготовившись.

Но едва ладьи приблизились к берегу, поднимающемуся в иных местах вровень с бортами, как из кустов появилось великое множество воинов с луками и стало осыпать русов стрелами, закидывать камнями из пращей и дротиками. Прикрывшись щитами и обнажив короткие мечи, русы дружно бросились вперед по шатким сходящим, рубя врагов направо и налево. Скоро берег был очищен от неприятеля, и Святослав, сев на коня, сопровождаемый сотней дружинников, объехал широкое поле с редкими невысокими холмами и оврагами и небольшой речушкой с топкими берегами, камышом и тальником. Здесь, прикрывшись с тыла и правого фланга этой речушкой, загибающейся к югу, а с левого фланга Итилем, он приказал строить лагерь по всем правилам военного искусства ромеев: рвы, земляные насыпи, колья, большие деревянные щиты. Судя по тому, что вдали из облаков пыли то и дело появлялись конные отряды, главная битва произойдет на этом поле в виду царского города Саркела.

45. Еще вечерняя заря полыхала на заходе солнца, провозжая его на покой, а в русском стане, далеко растянувшимся по берегу, жрецы Перуна готовились к принесению жертв перед завтрашней сечей. Каждое из племен везло с собой своего идола, вырубленного из дерева. Одни были раскрашены красками, иные так и золоченые. Пе-

---

ред идолами сооружался алтарь, куда будут складываться дары, перед алтарем большая колода для жертвоприношений.

— Княже, — говорил главный жрец утробным голосом, насупя лохматые брови. — Отдай нам пленных исмаильтян и жидовинов. Бог наш, могучий и грозный, требует человечины, чует завтрашнюю кровь, и кто улестит его лучше, тому он и станет помогать.

— Нет! — отрезал Святослав. — Неча баловать богов заведомыми обильными жертвами. Если завтра Перун нам поможет одержать верх, будет ему и человечина. А сегодня и петухов хватит.

— В старые времена всегда перед сечей приносили в жертву отрока, красного лицом и телом... — напомнил жрец, но Святослав перебил его:

— И не всегда Перун принимал эту жертву. — И еще раз, жестче: — Петухами обойдетесь!

— Что ж, твоя воля, княже, — сдался жрец и, повернувшись, тыча посохом в сырой песок, пошел к кострам, окружавшим золоченого идола грозного бога войны, перед которым в почтительном молчании стояла княжеская дружина.

Принесли четырех петухов красного оперения. Жрец и волхвы стали обходить чередой вокруг идола, потрясая ожерельями из черепов животных и человеческих, ударяя в бубны и творя заклинания, все убыстряя и убыстряя движение, а четверо волхвов с петухами то вертелись на одном месте, то прыгали и завывали, и петухи, поначалу бившиеся с испугу и хлопающие крыльями, утихли и омертвели.

И вдруг все разом встали, повернувшись лицом к идолу и протянув к нему руки, а волхвы положили петухов на колоду — и те даже не шелохнулись. Взлетели и упали с дробным стуком жертвенные ножи, отлетели и пали на землю четыре крошечные головки с алыми гребнями и бородками — как раз на все четыре стороны света, — и жрецы с волхвами принялись рассматривать, куда смотрят петушиные головы, чтобы по ним определить знаки, посылаемые Перуном.

Верховный жрец стукнул посохом и возвестил зычным голосом:

— Возликуйте и возрадуйтесь! Перун-Воитель, бог наш могучий и грозный, принял жертву и обратил страшный лик свой на воев своих! Завтра он прострет крыла свои

над войском нашим, омочит свои персты в крови ворогов наших. Бог неба Сварог наполнит силой ваши мышцы, укрепит в груди вашей дух и примет всех павших в сече в свои волшебные чертоги для жизни вечной и сладостной. Возликуйте и возрадуйтесь!

И вои ответили жрецу криками радости и ликования.

И у других костров вершилось то же самое.

Лишь воины-христиане не принимали участия в этих обрядах. Да и было их не так уж много: в основном южане — киевляне, северяне да уличи, ближе всех проживающие к Царьграду. Священник в черной рясе размахивал кадиллом, за ним шел служка с чашей, наполненной святой водой, священник окроплял склоненные головы молящихся, бормотал нараспев, подставляя крест для целования:

— Да ниспошлет Господь Бог наш, всемилостивейший и всемогущий, своих светозарных воев впереди войска нашего, да осенит его своим благоволением, да низринет ворогов наших, яко низринул нечестивцев, хулителей своих в геенну огненную...

46. Ярko вдоль берега горели костры, освещая идолов на носах ладей и ошив, приткнувшихся к берегу борт о борт. И под стенами Саркела и Хазарана, и на другом конце поля тоже горело множество костров, отражаясь в реке, освещая белые крепостные стены и выступающие из них башни. В темноте бряцало оружие, молча шагали в лагерь дружина за дружиной, которым предстояло завтра вступить в сечу.

А в княжеском шатре, окруженном копейщиками, собрались воеводы и тысяцкие. Когда все приглашенные расселись, кто на чурбак, кто на попону или седло, заговорил князь Святослав, сидящий у опорного столба:

— Все вы не новички в сечах, иные из вас ратоборствовали и с ромеями, и с исмаильтянами, и с булгарами, и с печенегами, и с прочими языцами. Завтрашняя сеча будет особенная: от ее исхода зависит судьба Руси, наших отцов и матерей, наших жен и детей, нашего будущего. Я уверен, что мы одолеем наших врагов. Наши боги сочувствовали нам в пути, они показали, что не оставят нас и в сече. Они привели нас сюда неожиданно для наших врагов, и те не смогли успеть собрать большое войско. Но не всякая победа красна, а та, которая не уменьшает, а увеличивает силу победившего войска. Впереди нас ждут

другие сечи, ибо взятием Итиля на щит разгром Козарского каганата не заканчивается. Прежде всего я хотел бы знать, что нам известно о каганбеке: умен ли, сведущ ли в воинском искусстве, кто у него в воеводах, каково его войско и что можно ожидать завтра. Начнем с молодых.

Встал тысяцкий Претич, молодой, горячий.

— Мне известно, что каганбек придерживается ромейской стратегии: охват левым своим крылом правого крыла противного войска, затем атака клином на центр пешим войском, прорыв на его тылы, атака конницей левого крыла, окружение и разгром. Он коварен и может погнать перед своим войском женщин и детей, как это сделал в сече с ясами, но здесь нет наших жен и сестер, ему неким прикрыться. Что до его воевод, то они умелы и опытны, но им не приходилось ратоборствовать с настоящим войском, а чаще всего с ополчением, которое плохо обучено ратному делу. Лучшая часть его войска — это хорезмийцы-наемники. Они еще не знали поражений, уверены в себе, но в основном они более горазды в рубке бегущих, чем в сече щит в щит. Я предлагаю на правом крыле поставить варяжские дружины, а княжескую дружину следом за ними уступом, чтобы, когда козары пойдут ломить своим левым крылом, дать им увязнуть, а потом прижать к болотистому берегу реки. Я все сказал, княже.

Вслед за Претичем вставали другие тысяцкие, но, — то ли они не задумывались над завтрашним сражением, не увидев войска противника, то ли у них не имелось никаких мыслей, — все они не отличались многословием и поддержали Претича.

Затем встал воевода Свенельд, большой, тяжелый, среди всех воевод самый, пожалуй, опытный.

— Мы пришли сюда не затем, чтобы считать наших врагов и выискивать, кто из них сильнее, а кто слабее. Мы пришли сюда побеждать, начал он с противоречия Святославу, который все реже принимал во внимание его, Свенельда, советы. — Мы атакуем противное войско всей своей силой, ломим его и гоним перед собой, рубя всех подряд. Затем штурмом берем Саркел и Хазаран, не оставляя в живых ни старого, ни малого. Меня мало интересует, умен каганбек или глуп. Даже самый умный не устоит перед силой твоего войска, княже, если оно верит в победу и умеет ее достигнуть своим мечом. Я согласен: варяжские дружины на правом крыле, твоя дружина, кня-

---

же, ей в затылок. Конницу поставить на левое крыло, чтобы, когда дрогнет все войско козарское, она, сломив его правое крыло, отрезала козар от возможности переправы в Саркел по мосту. Боги за нас, княже.

Святослав слушал своих соратников молча, крутил вислый ус, иногда кивал обритой головою. Похоже, у него давно созрел собственный план завтрашней сечи, и он лишь проверял, нет ли в этом плане каких-либо упущений. Когда все выговорились, Святослав сказал:

— Полком правой руки командует воевода Свенельд.левой — воевода Овруч. Большим полком — воевода Добрыня. Конница торков строится сзади. Расстояние между конницей и пешими полками — два полета стрелы. Я — при коннице. Другие конные дружины в лощине, чтобы их не было видно. Атака — все враз. Но полк правой руки идет поспешнее и первым атакует левое крыло хазарского войска. Пройти расстояние, отделяющее нас от козар, надо как можно быстрее, чтобы понести меньший урон от стрел лучников и баллист. А баллисты у козар имеются. Надо, чтобы поднятая войском пыль скрыла от каганбека наши конные рати. Лазутчики донесли, что на этот берег из Саркела и Хазарана переправляется великое множество женщин и дев. Навряд они примут участие в сече, но встанут в отдалении, изображая несметное войско. Однако и с козарскими женами вы в сече встретитесь тоже. Все остальное — завтра. Сигналы и команды — как всегда: голосом, турьими рогами и рожками. Все. Идите и готовьтесь.

47. Два войска стояли друг против друга на расстоянии в пятьсот-шестьсот шагов — два полета стрелы. За спиной русов протянулась извилистая и довольно широкая пойма небольшой речушки, берега которой поросли камышом и красноталом. Полк левой руки своим краем упирался в берег Итиля, где, вцепившись в него канатами, стояли — борт к борту — ладьи и ошивы. Полк правой руки своим краем упирался в крутой изгиб речушки. Конница муромы, северян и вятичей стояла сзади под самым берегом, всадники не садились на лошадей, держа их в поводу. Лишь отряд торков стоял на виду во главе с князем Святославом, да его личная дружина из лучших воев.

Сам Святослав сидел в седле, облаченный в цареградскую броню, спину и плечи его покрывал малиновый плащ. Он выставил в поле не всё свое войско: часть его остава-

---

лось в ладьях и ошивах, укрывшись за крутыми бортами под палубами, лишь немногие были на виду, ибо не дело оставлять корабли без присмотра и охранения и очень подозрительно для противника.

Войско каганбека в центре имело густые ряды пеших воинов, состоявших, как доложили Святославу лазутчики, из итильских ремесленников и прочего черного люда из разных племен, набранных с бора по сосенке, перемешанного с воями иудейскими, а по краям конные отряды из печенегов и карабулгар. Среди них не было видно хорезмийцев-наемников из гвардии каганбека. Скорее всего, таятся в какой-нибудь ложине и ждут своего часа. И неизвестно, сколько еще у каганбека воев в самом Итиле, к которому ведет от берега широкий наплавной мост. Наверняка за стенами припрятавает какую-то силу, чтобы ударить в подходящее время. Но если лазутчики не врут, у каганбека в запасе осталось совсем немного. К тому же все эти племена, еще недавно восстававшие против его власти, вряд ли будут драться с охотой и, как только почуют, что сеча склоняется в пользу русов, побегут. Должны побежать... или сдаться.

Вдали, на небольшом возвышении белел шатер каганбека. Влево и вправо от него теснилось нечто, похожее на войско, торчали вверх копыя. Даже если это настоящее войско, Святослав готов был и к этому. Но, скорее всего, это действительно жены и девы, пригнанные из Итиля.

«Облачи меня, Заря-Заряница, в облаки светлые, опояшь грозною тучею, обтычь частыми звездами, укрась маковым цветом, мечи вражьи, копыя и стрелы их отражаючи. Дай мне, Сварог, красоту от Солнца светлого, очи от Сокола поднебесного, мудрость от Змеи подкольной. Дай мне, Перун, силу от черных Туч твоих, храбрость от Грома страшного, быстрость от Ветра буйного. Порази врагов моих молоньями слепящими, устраши громами грозными...» — шептал Святослав заканчанье, наблюдая в то же время, как заканчивается построение его войска и войска хазарского, и решая, когда начать сечу.

Но тут, прервав его заклинания, из хазарских рядов вырвался всадник на гнедом арабском скакуне, с длинным копьем, с круглым щитом, сверкающий доспехами, с большим павлиньим пером над золоченым шишаком. Немного не доскавав до первых рядов русского войска, он вздернул скакуна на дыбы, вскрикнул что-то гортан-

---

ное высоким голосом и встал, как вкопанный, откинув копьё в сторону.

— Поединщик, князь, — произнес отрок, держащийся у правого стремени Святослава.

— Вижу. Спроси, кто пойдет за Русь.

Но отрок не успел оборотиться к всадникам, стоящим за спиной Святослава, как один из них пустил широкогрудого и мохноногого коня рысью и подъехал к князю.

— Дозволь мне, княже, черному ратаю Светозару, испытать себя в поединке с козарином.

— Тут надобно б кого помоложе, — засомневался Святослав, вспоминая, где он видел этого воя. — Да и конь твой не шибко резов супротив козарского.

— Зато я, княже, не раз рубился в сечах с печенежами, уграми и булгарами, и мало кто из них устоял против моего копья и меча.

— Заметь, Светозар, что супротивник твой не поляница. Зато, видать, ловок, аки барс, копьём на скаку снимает наперстное кольцо. Береги глаза.

— Постараюсь, княже.

— Ну что ж, будь по-твоему. Не посрами земли русской.

— Не посрамлю, князь, — отвечал Светозар и направил своего медлительного коня в просвет меж двумя полками.

48. Поединщики сблизились, глянули в глаза друг другу и, поворотясь, разъехались в разные стороны. Что-то смутило Светозара в хазарском наезднике: жидковатым показался он, безусым, совсем мальчишкой. А когда, взвив своего скакуна на дыбы, заставил его развернуться на задних ногах и бросил вперед, увидел Светозар толстую косу, спускающуюся по спине его из-под кольчужной завесы, такую же почти, как у своих дочерей. Впрочем, хазар и называют косоносцами, так что ничего удивительного в этом нет, и все же... все же... Но раздумывать было некогда, и Светозар, отъехав немного, повернул своего коня, перекинул щит из-за плеча на левую руку, опустил тяжелое копьё и тронул конягу шпорами — и тот поскакал тяжелым скоком, храпя и заворачивая голову.

А хазарин уж несся навстречу с истошным визгом, держа копьё несколько на отлете, привстав на стременах, и синий с белым плащ трепыхал за его спиной, точно кры-

---

ля лебединые; из-под копыт коня взлетали комья земли, сам конь тянул вперед сухую оскаленную морду, готовый зубами рвать и коня противника, и всадника.

«А точно — метит в глаза», — подумал Светозар и, когда молнией сверкнуло перед ним жало чужого копья, пал телом на холку коня и выбросил вперед руку с копьем, и в тот же миг ударом сбilo с него шелом, а его копье с хрустом пробило щит, как скорлупу ореха, пробило и, отяжелев, отбросило руку назад, но Светозар удержал тяжесть, откинувшись в седле всем телом, и тут увидел широко распахнутые глаза хазарина, вздетого на копье и вырванного из седла, и разжал пальцы...

Конь пробежал немного и встал. Со стороны своего войска донесся радостный могучий гул. Хазарское войско молчало.

Светозар повернул коня, подъехал к распростертому на земле хазарину, пробитому копьем насквозь вместе со щитом и кольчугой, чтобы забрать, как положено, его оружие и коня. Он с седла склонился над убитым и сразу же с удивлением понял, что перед ним дева, еще молодая... совсем юная дева. Глаза ее, чуть раскосые и черные, будто угли, были все так же широко распахнуты, на лице застыли удивление и боль. А ведь сказывали, что у козар в войске служат не только мужи, но и жены, что встречаются среди них настоящие поляницы, не уступающие мужам, а он не верил, думал, что враки все это, напраслина. И вот самому довелось... Но какая это поляница? — так, недорослица. Ловкая, конечно, могла бы и убить, но боги миловали его и на этот раз.

Медлить над поверженной дольше было нельзя: русское войско двинулось вперед, в лад стуча древками копий и мечами о щиты.

Светозар не взял ничего с убитой, даже копья своего не вырвал из ее тела, поднял свой шелом, помятый ударом копья, и поехал навстречу своему войску. Его обтекали с двух сторон, иные что-то кричали приветственное, а он не слышал. В его ушах все еще звучал пронзительный визг несущейся навстречу девы, как визжит иногда от избытка чувств его младшенькая, Светина, кидаясь в кучу устроивших потасовку братьев. Светозар не жалел, что убил деву-хазарку, потому что... потому что не надо было ей лезть в дела мужеские, а коль влезла... Но на душе было как-то нехорошо: себя он чувствовал сильным, способным сразиться с любым противником, чтобы вернуть-

---

ся домой с честью и добычей. А тут какая такая честь? Никакой. Еще и засмеют поди.

49. — Р-русь! Р-русь! Р-русь! — громовыми раскатами накатывалась на хазарское войско червленая стена щитов и густая щетина копий, и эти слитные крики доносились до шелкового шатра каганбека могучим морским прибором. Тучами взлетали и падали вниз стрелы, точно град ударяясь в щиты и латы, а многие и в незащищенные части тел. Кто-то падал под ноги идущих, кто-то терпел и шел дальше. Но вот сошлись, ударили щит в щит, грудь в грудь, взметнулись мечи и топоры, сабли и палицы, шестоперы и чеканы: лязг, хруст, крики, стоны, вопли, женский визг... Напор Руси был таким сильным, что хазарское войско не выдержало и начало пятиться... раньше, чем было оговорено на вчерашнем совете у каганбека. Ну что ж, раньше — не позже. Русы сами идут в ловушку. И лицо каганбека дрогнуло довольной ухмылкой.

Вот правое крыло русов миновало поворот реки, тесня конницу карабулгар густым заслоном копий. Видно было, как падают кони и люди, сдергиваемые с седел, как русские дружины ударным клином разваливают тесный строй обороняющихся, все расширяя и расширяя прорыв, охватывая в то же время левое крыло войска каганбека искусным маневром второй колонны воинов, прикрытой продолговатыми червлеными щитами.

— Рру-рру, рру-рру! — доносилось грозное до шатра каганбека, белеющего на насыпном кургане.

Он вглядывался в поле битвы, которое все сильнее заволакивало пылью, стараясь определить, сколь велико войско Святослава. Не столь уж и велико, как померещилось лазутчикам. И не заметно, чтобы на кораблях оставалось много воинов. А русская конница так и совсем оказалась весьма незначительной: тысяч пять, от силы — восемь, не более. И неудивительно: русам не удалось склонить на свою сторону степняков, а сами они народ не конный, привыкли ратоборствовать в пешем строю.

И тогда каганбек сделал знак трубачам, и над степью прокатился рев длинных труб-кураев — приказ хорезмийцам ударить всей своей массой по оголившемуся правому крылу русов, оторвавшемуся от прикрывавшей его болотистой поймы. В прошлогодней битве с аланами такой удар решил исход сражения в пользу каганбека. То же самое должно произойти и сегодня. Это даже хорошо,

---

что русы сами пришли под стены Итиля: здесь они и найдут свою могилу. Отсюда царь Хазарский распространит свою власть на запад и север, и потомки будут славить его наравне с легендарными царями иудейскими Давидом и Соломоном, Пейсахом и Иосифом.

И пошла вперед гвардия наемников-хорезмийцев.

— А-ал-лаааа! — взметнулся к небесам ее многотысячеголосый вопль.

50. Но именно такое развитие событий предвидел Святослав, загодя изучив повадки хазарских воевод, поэтому и держал свою тяжелую конницу сзади. И едва хорезмийцы достигли крайних рядов княжеской дружины, как четыре ряда повернулись к ним лицом, оградившись колючей стеной длинных копий. Однако большая часть хорезмийской конницы уже заскакивала с тылу, и Святослав вскинул вверх свой длинный меч.

— Русь! Слава! Вперед! — вскричал он, не слыша и не узнавая своего голоса, и, опустив забрало, вонзил шпоры в бока своего коня. За ним с тяжелым гулом тысяч копыт ринулось разноплеменное конное войско, выметываясь из лощины, и бешеный восторг объял душу князя: сейчас, вот в эти самые мгновенья, должна решиться судьба Руси, судьба его собственная и его войска.

— Сла-аав-вааа! — неслось, опережая его коня, сливаясь с криком хорезмийцев, удваиваясь и утраиваясь, оглушая.

От удара копья Святослав уклонился, выровнялся в седле и, привстав на стремянах, с силой опустил тяжелый меч на шею хорезмийца, защищенную лишь тонкой кольчугой. Пырнул в бок другого, наседающего на дерущегося рядом дружинника. Отбил сабельный удар щитом слева, щитом же сбил противника с коня. Увидел Светозара, который, ухая, долбил противников тяжелой булавой, головка которой усажена шипами, долбил, не разбирая, куда попадет. Вот попал по крупу коня — и конь рухнул вместе с всадником.

Уже не кричали. Разве что вскрикивали от удара. Хрипели под тяжестью брони, ухали, ахали, звенели мечи, хряскали перначи и топоры, взвизгивали кони...

— Наша берет, княже! — вскричал Светозар.

— За нами правда! — ответил Святослав.

— Они бегут в крепость! — послышался голос Свенельда, оказавшегося неподалеку. — Выходи из сечи, князь,

---

мы прикроем.

— Не убегут!

И точно: пешее войско хазар уже распалось на отдельные части. Одни еще сражались, другие спешили к наплавному мосту, ведущему в Саркел, куда уже бежало фальшивое войско, стоявшее на возвышенности. Карабулгары поворотили коней и бросились в степь, сломав строй хорезмийцев. И хорезмийцы тоже дрогнули, хотя за отступление и проигрыш битвы им грозила смерть, а их семьям — продажа в рабство: таков был уговор при найме между каганбеком Хазарским и шахом Хорезма. Но они еще держались, эти непревзойденные мастера сабельной рубки, однако пятились, пятились, и нужен был еще один нажим, чтобы они побежали.

51. Каганбек, сидевший на высоком золоченом стуле, поднялся, вглядываясь в шевелящуюся вдали массу людей и коней, вспыхивающие на солнце мечи, сабли, доспехи. Все это постепенно заволакивалось бурой пылью, облако которой неуклонно подвигалось в сторону моста. Русские ломили с яростью неукротимой. Вот дрогнули и кинулись в степь карабулгары, за ними, немного погодя, печенеги. Когда же и хорезмийцы стали пятиться, каганбек понял, что сеча проиграна. Но раньше его это поняла женская рать, стоящая за его спиной с длинными кольями: женщины, побросав колья, с визгом кинулись к мосту, и этот визг и крики покатались вниз, к реке, с такой неудержимостью, что смели редкую цепь пеших воинов-иудеев, прикрывающих мост. Оставалась еще надежда на высокие стены Саркела, на которых стояли не принимавшие участия в сече иудейские дружины.

И тут крик начальника стражи:

— О великий! Смотри! — и рука с плетью указала на реку.

Каганбек оборотился и увидел, что пришли в движение десятки ладей и ошив со множеством воинов на них, ударили о воду весла, и, подгоняемые течением, одни понеслись прямо на мост, другие к берегу под стенами города, третьи заворачивали к Хазарану, четвертые вот-вот приткнутся к правому берегу Итиля и окажутся в тылу всего хазарского войска.

— Коня! — вскричал каганбек.

Ему подвели иноходца. Помогли сесть в седло.

— В Саркел! — вскрикнул он и огрел иноходца плетью —

тот сорвался в намет и понесся к мосту.

Стража каганбека плетьюми, саблями и копьями расчищала путь, сбрасывая в воду бегущих к Саркелу женщин и ополченцев.

А к мосту уже приближались ладьи русов, полные воинов. К берегу, по которому среди саманных строений в панике метались женщины и дети, подплывали тяжелые ошивы.

Каганбек едва успел проскочить через мост со своей свитой, как к нему причалили первые суда, на мост стали выпрыгивать русские воины, и скоро густая щетина копий преградила путь желающим укрыться за крепостными стенами. Другая волна русов с криками бежала к воротам вслед за бегущими туда же воинами каганбека и женщинами, рубя отстающих. Стража попыталась было закрыть ворота, но толпа охваченных паникой людей смела стражу, а тяжелая железная решетка, которая при падении раздавила бы сколько угодно и кого угодно, неожиданно остановилась на полпути, упершись во что-то непреодолимое, и нападающие ворвались в город.

52. Каганбек остановил коня перед воротами своего дворца. Сзади нарастали крики ужаса, подавляемые ревом торжества, звоном мечей и сабель. В этом дворце он провел всю свою жизнь, здесь правил его отец, царь Иосиф, здесь могила двенадцати каганбеков, создававших хитростью и мечами царство Израилево на берегах Итиля и моря Хазарского, здесь родились его дети, которые должны были продолжить династию царей иудейских, сюда он ожидал приезда соплеменников из разных стран, и они таки приезжали, уверовавшие, что наконец-то Всевышний даровал им место под солнцем, откуда распространится Израиль на все четыре стороны света, от одного океана до другого, и не будет больше никого и ничего, кроме Израиля и подвластных ему народов и царств, где каждый иудей будет жить *«под своей виноградной лозой, под своей смоковницей, в покое и безопасности»*. Здесь, в специальных помещениях, были собраны бесчисленные сокровища, накопленные за десятилетия его предшественниками, а у него, судя по всему, не оставалось времени захватить с собой и сотой их части.

Каганбек застонал от отчаяния и бессилия и погнал коня к восточным воротам, выходящим на основное русло реки, где всегда наготове стояла изукрашенная ковра-

---

ми баржа. Там его ожидали сыновья и немногочисленная стража.

То, что он увидел, оказавшись на берегу, потрясло каганбека больше, чем потеря сокровищ: вся река была усеяна челноками, наполненными беглецами. В них он узнавал своих приближенных, князей, судей и книжников. Одни правили на другой берег, но большинство уходило вниз по течению, надеясь затеряться среди камышовых зарослей в многочисленных протоках. Многие челны были так перегружены, что черпали воду бортами, переворачивались на стремнине, слышались крики тонущих женщин и детей...

А из-за косы уже вымахивали ладьи русов. Часть из них двигалась к причалам Хазарана, другая охватывала Саркел с востока. Медлить было нельзя ни единого мгновения.

Каганбек въехал на паром, за ним его свита, изрядно поредевшая, и паром отчалил от берега под вопли тех, кому не на чем было бежать из Саркела. Гребцы налегли на весла. Стража копьями пронзала любого из несчастных, оказавшихся в воде, кто пытался ухватиться за паром, и каганбек вдруг понял, что очередному царству иудейскому, о котором мечтают рассеянные по всему свету сыны Израиля, пришел конец, что он уже не царь, а беглец, гонимый и преследуемый, с горстью дирхемов в кожаном кошеле у пояса, без царства, без крыши над головой, почти без слуг и рабов, а те, что остались, могут придушить его ночью, без сподвижников, которые бежали первыми, без верных хорезмийцев... Впрочем, верны они до тех пор, пока им хорошо платят, а платить нечем: нет денег, нет и верности. Теперь он, царь иудейский, стал похож на тот кувшин, которому все плохо: его ли ударят камнем или он ударится о камни — конец один.

53. Паром успел пересечь русло реки и избежать мечей и копий свирепых русов. Миновав Хазаран, все восемь ворот которого были распахнуты настежь, он пристал к левому берегу Итиля, где пытались найти укрытие беглецы, в основном иудеи и хорезмийцы, но вдали, со стороны верховий, вдруг показались всадники, покрутились на месте, и каганбек с тревогой разглядел в поднимающейся пыли большое конное войско, вымахивающее на вершины барханов. Он пришпорил своего иноходца, направляя его в седловину между барханами. Чье бы ни было это войско, встреча с ним не сулила ничего хорошего. Вся

надежда на резвость своих коней да на удачу.

И каганбек с немногочисленной свитой вскоре исчез среди песчаных барханов левобережья, держа путь на Хорезм. Но никто не знает, добрался ли он туда, откуда, если повезет, все можно было бы начать сначала, ибо сказано у пророка Даниила, «...что к концу времени и времен и полувремени и по совершенном низложении силы народа святого все это совершится». И вот низложение совершилось. «Блажен, кто ожидает и достигнет тысячи трехсот тридцати пяти дней. А ты иди к своему концу, и успокойся и восстанешь для получения твоего жребия в конце дней». Следовательно, надо подождать теперь лишь тысячу двести девяносто дней, и наступит «конец этих чудных происшествий». И случится это, если верить пророкам и книжникам, в 968 году по христианскому летоисчислению. Но темны дела твои, Господи, «ибо сокрыты и запечатаны слова» твои, и не каждому ведомо, где начало этих времен, а где их конец.

54. Князь Святослав ехал, опустив поводья, на своем коне по улицам Саркела, заваленным трупами, и дивился... не трупам, нет, а тому, как устроен этот Белый город: три величественных замка за высокими стенами из обожженного кирпича, беленные известью, а вокруг них дома знати из самана или дерева, хотя выглядят тоже весьма великолепно. А еще сады и парки в весеннем цвету, фонтаны и пруды с рыбами и лебедями.

На площадь между дворцами сгоняли оставшихся в живых, в основном женщин и детей.

Воевода Добрыня доложил, что каганбек бежал, что сокровищница его осталась, что там золотой утвари, золотых и серебряных монет и драгоценных камней видимо-невидимо, что он, воевода, уже выставил во дворце стражу, что остался каган хазарский, но что он задушен, и говорят, что так здесь заведено: если в стране падеж скота или моровая язва, неудачная война или засуха, погубившая урожай, или еще какое несчастье, кагана, который ничего не решает и никем, кроме своих евнухов, не командует, приносят в жертву. А гарем его остался — преогромнейший. И в нем много русских дев.

— А что в Хазаране? — спросил князь.

— Путята еще не прислал вестника, князь. Но со стены я видел сам, что город взят, никто его не защищал.

— Путята знает, что делать. Сокровища забрать, пленных

и рабов заставить рушить стены и терема, потом... рабов отпустить. Впрочем, нет: отпустим, другие возьмут их себе. Возьмем с собой, там видно будет. Лагерь на правом берегу, как и порешили намереди. Задержимся на три дня, пусть вои отдохнут, свершим тризну по погибшим, как и положено по обычаю предков. Потом пойдем на юг: царство козарское на одном Итиле не кончается. Надо разорить все гнезда козарские, чтобы не пошла от них новая поросль и не утвердилась сызнова в своей неумной алчности.

55. Горят развалины Саркела и Хазарана, черные клубы дыма поднимаются в небо, а там, на высоте, где властвует могущественный Сварог, понижают и послушно плывут на север, чтобы знали все народы, живущие в ближних и дальних краях, что кончилось царство Хазарское и не поднимется вновь.

На правом же берегу Итиля громоздятся костры погребальные, а жреческие огни освещают золоченого идола Перуна и собравшееся вокруг него войско. Возле алтаря стоят сундуки с золотом и серебром, в огромные кучи свалено дорогое оружие, чаши, кубки и поволоки. Здесь же на коленях стоят по четыре пленника от каждого племени, принимавшего участие в битве против Руси. Бьют бубны и барабаны, заливаются свирели и рожки, волхвы и жрецы водят хоровод вокруг идола.

Вот завьли рога, с пленников сорвали одежду, по одному подводят к алтарю — широкой дубовой колоде. Здоровенный жрец с оголенными руками и косматой черной бородой оглушает жертву короткой дубиной, взрезает ей шейные жилы широким ножом — и кровь течет по желобу к ногам идола, разом вспыхивают погребальные костры, блики огня полощутся в глазах жреца и выпуклых золоченых глазах Перуна. Глухо рокочут бубны и барабаны, скулят рожки, кружатся в священном танце волхвы, кружатся и завывают под громкие хриплые выкрики главного жреца:

— О, великий Перун, повелитель громов и молний! О, гневный воитель, идущий впереди войска своего, карающий ворогов и сожигающий их своими стрелами! Прими жертвы наши, омочи в их крови персты свои, напои свои чресла их силой, шествуй и впредь впереди Руси, осеняя ея своими крылами! Устраши многия вороги ея, лиши их силы, отними у них зрение, низвергни их громами своими в глухоту и ужас! Притупи их копья и мечи, топоры и стрелы, преврати в прах их щиты и брони! Спа-

---

ли небесным огнем их жилища и нивы! Огради Русь от их алчности и злобы! О великий Сварог! Прими души павших воев своих, упокой их в жизни вечной и радостной...

Князь Святослав стоит впереди своей дружины, положив обе руки на рукоять меча. Но думы его далеко отсюда: войску еще надо пройти длинный путь к южным пределам Хазарии, сровнять с землей тамошние города, предать огню нивы и села. Затем то же самое сделать и на западных границах. Надо спешить, потому что время — и лучший союзник, и злейший враг его...

56. Последний пленник нашел свой конец на жертвенном алтаре и у погребальных костров, и дружины приступили к тризне прощания с павшими соратниками. В золотые и серебряные кубки наливались вина и меды из царских погребов, жены и девы разносили меж кострами печеные круглые лепешки, вяленую рыбу, сыры и прочую снедь. Трижды наполнялись кубки, плескалось вино на все четыре стороны, чтобы души павших соратников могли вкусить его перед дальней дорогой во владения могучего Сварога.

Посреди воинского стана, обнесенного частоколом и рогатинами, как стоял так и стоит царский шатер.

Князь Святослав полулежит на войлочной попоне возле костра, опершись на руку, время от времени пригубливает из золотого кубка густое вино. Вокруг ближние дружинники, князя союзных отрядов, воеводы и тысяцкие. В стороне догорают погребальные костры, ветер уносит дым и запахи в ночную степь.

У соседнего костра старый сказитель, с первых же походов сопровождающий Святослава, тихо перебирает струны гуслей звончатых, подставив лицо небу, усеянному звездами, в ожидании своего часа. И когда этот час настал, забормотал нараспев, сперва неуверенно и тихо, затем голос его окреп, и полилась сказка будто бы сама собой, словно рождаясь из сияния звезд, запахов цветущей степи и осторожного потрескивания костра:

*Шумят в поле ветры буйные,
Сварог-Небо со высот глядит
Звездами и ясным Месяцем.
Ходит Солнце-Хорс путем своим,
Моет лик зарей кровавою,
Зрит внизу он диво дивное,
Диво се есть войско русское,*

---

*Войско князя Святославова.
Веслами оно несчетными
Замутило воды быстрые,
Лодьями пурпурокрыльми
Их покрыло, будто тучами,
Пред стеною белокаменной,
Пред стеной Итиля-города,
Царствия царя козарского.
И не знал царь и не ведывал,
Что во стольном граде Киеве
Народился богатырь могуч
На погибель его царствия.
Как молонья в черном облаке,
Сила сильная копилась,
Чтобы пасть огнем сжигающим
На хоромы белокаменны,
Карю царю за прошлые
За обиды и нечестия,
Что творил он в землях Русских.
Злато-серебро несчетное,
Он копил в хоромах каменных
От великой своей алчности.
Все то злато, все то серебро,
Аksamиты с поволоками
И камня многоцветные
Войску русскому достались
За труды похода ратного,
За победу в поле бранном
Над дружинами козарскими.
Слава князю града Киева
И его дружинам крепким!
Слава всем, кто пал за отчину
В сече злой, ужасной с врагом!
Слава, Русь! Да не затупится
Острый меч твой в веки вечные!*

От редакции. Художественное осмысление прошлого часто дает читателю больше, чем исторические исследования. Тем не менее мы советуем читателям ознакомиться с книгой Льва Гумилева «Открытие Хазарии», в которой, в частности, приведена переписка между царем Хазарского каганата Иосифом и чиновником из Андалузии Хасдаем, которой воспользовался автор сказания.

Наталия НАРОЧНИЦКАЯ

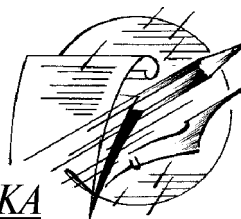
СТРАТЕГИЯ ЗАПАДНОГО МЫШЛЕНИЯ

(О ДОКЛАДЕ ГОСДЕПА)

Государственным департаментом США был опубликован доклад, где открыто декларируется вмешательство во внутренние дела России и других стран, а также направляется деятельность различных «неправительственных» организаций, которая может привести к неожиданной и быстрой смене власти...

Каждый год американцы в духе принятой на себя роли самопровозглашенного ментора и учителя всех и вся производят такие доклады о положении с правами человека и демократией в разных странах, берут на себя смелость судить, самим вводить критерии оценки — независимо от того, какая перед ними цивилизация, каковы ее религиозно-философские, нравственные, этические основы.

Все давно заметили — те страны, которые находятся в орбите внешней политики США, всегда в таких документах «остаются за кадром», их ни в чем не обвиняют, что бы там ни происходило. А тем странам, которые каким-то образом пытаются отстоять свою независимость, даже не бросая вызов США, а просто не желая подчиняться их диктату, тем, как правило, и достается. Это, естественно, вызывает глубокое разочарование в мире.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

После таких докладов растет антиамериканизм, что я наблюдаю воочию, как член делегации российского парламента в Межпарламентском союзе, где представлены все парламенты мира, а значит, и все цивилизации. Кстати говоря, США перестали участвовать в Межпарламентском союзе, потому что им здесь не удастся провести ни одной резолюции. Участвуют они только там, где могут играть главенствующую роль.

Так что американская доктрина насильственного приведения мира к единому образцу по своим лекалам при сохранении своего диктата приводит к глубокому разочарованию как раз на самом Западе, который в свое время предлагал плюрализм, универсализацию прогресса и имел немалые дивиденды от своей привлекательности у патриархальных обществ.

А мы, повторю, напрасно так остро реагировали на доклад Госдепа. Надо над ними и подсмеиваться иногда. Смех, ирония — великое оружие, которое показывает внутреннюю суверенность личности, нации, которая не боится несправедливых, да и справедливых упреков в свой адрес.

Какая прелесть, например, слова Кондолизы Райс на одном из форумов: «В то время, как все страны шествуют к торжеству рынка и демократии, некоторые хотят остаться в стороне от этой столбовой дороги». Чем не доклад очередному съезду КПСС, скажем, в хрущевские времена, только вместо рынка и демократии тогда было — вперед к победе коммунизма...

«Старое мышление»

Конечно, США упрекают нас в имперских амбициях, когда мы только еще пытаемся проводить свою линию на пространстве бывшего СССР. И это не ново. В то время, когда мы упивались «новым мышлением», остальной мир, и прежде всего США, воспользовался «старым мышлением», продвинулся на все рубежи, которые мы сдавали так бездумно. А география этого продвижения, как две капли воды, напоминает все то, что уже было в XVIII—XIX веках. Мало что меняется. И тогда нас теснили по линии от Балтики до Черного моря. Выходы к этим двум морям сделали Россию великой державой.

Да, американцы категорически отвергают наше право иметь особые национальные интересы даже в бывших

республиках Советского Союза, которые являются частями исторического государства Российского и в течение веков были едины с нами, были в нашей орбите. Более того, на этой территории проживает разделенный русский народ, и мы не имеем права не думать о нем.

Выскажу еще один тезис, который обычно вызывает у оппонентов оторопь, они сразу не находят что ответить. Нынешняя Россия является правопреемницей договоров СССР в области ядерного сдерживания. А какая географическая зона заложена в эти договоры? Территория Советского Союза в границах 1975 года, как она была подтверждена Хельсинкским актом по итогам Конференции о безопасности и сотрудничестве в Европе. Значит, это зона нашей ядерной ответственности и безопасности, по периметру которой, кстати, в соответствии с договорами, стоят станции предупреждения о ядерной опасности — Барановичи, Мукачево, Севастополь, Мингечаур, Балхаш... Когда спрашиваешь западных переговорщиков: «А вы позволите на своем военно-стратегическом пространстве появление вооруженных сил третьих держав? Вы не будете возражать против вступления частей этого пространства в блоки и союзы, направленные против вас?» После этого собеседники смолкают и не могут ничего ответить. В свое время нам надо было именно этот тезис выдвинуть против расширения НАТО на восток.

Экспорт революции по-троцкистски

Расширение НАТО, «бархатные» революции, которые устраиваются по периметру наших границ, это пояс нестабильности, который постоянно держит нас в напряжении. Новые страны никак не могут определиться в своей ориентации, общество там расколото. Часть элиты по-прежнему ориентирована на Россию, часть стала прозападной, воспитана в русле доктрины, о которой говорилось в докладе Госдепа. Самое интересное, на мой взгляд, следующее: в докладе говорится, что США при поддержке местных российских властей (губернаторов) дают гранты для учебы в США и ознакомительные поездки туда российских госслужащих! Ничего себе! Во всем мире есть закон о гражданской службе. Сотрудники частных фирм могут учиться где угодно, но чтобы госслужащие за чей-то чужой счет могли ездить и обучаться на каких-то курсах — это нигде не допустимо.

Надеюсь, что наши люди использовали американские гранты, потратили их на подарки и вернулись на Родину с собственными интересами. Я шучу, но на самом деле все не так уж и смешно.

Для чего эти курсы создаются? У меня есть документы о деятельности одного из центров американского влияния — Национального демократического института, которым руководит Мадлен Олбрайт. Она, если помните, была представителем США в ООН, затем госсекретарем. Именно она сотрудничала с террористами из так называемой Армии освобождения Косова, которые собственное население убийствами принуждали сотрудничать с ними.

Именно это привело к массовому исходу сербов, а также той части албанцев, которая хотела мирно жить и не участвовать в братоубийственной войне. Именно Национальный демократический институт через свои фонды и структуры на территории Сербии, Грузии, Украины, Киргизии осуществлял подготовку лидеров и отрядов организаций Отпор, Кмара, Пора, которые реализовывали одной и той же политтехнологией смену неугодных американцам режимов. Также участвовали в этих процессах Фридом хаус, Международный республиканский институт. С помощью своих зарубежных друзей я имею немало данных об их деятельности. И тот и другой институты финансируются в значительной мере правительством США, из американского госбюджета, то есть их статус неправительственных организаций — это просто фарс. Более того, мой британский друг, журналист Джон Лафленд, назвал НДИ «троцкистской организацией», которая занимается разработкой технологий государственных переворотов, устраивает по всему миру перманентную либеральную прозападную революцию.

Вот уставные документы того самого Национального демократического института, которые он подавал в российские органы при регистрации. Среди уставных целей — «поддержка посредством... финансирования... демократического развития с учетом национальных интересов и конкретных требований демократических кругов других суверенных государств»! То есть на нашей территории финансируется развитие демократии в пользу других государств. Вы представляете, если бы была создана в США организация, которая в уставных

документах утверждала бы, что стремится путем финансирования содействовать развитию США с учетом требований России?..

«Ох, эта Финли!»

Мы живем в информационном обществе, где власть телеэкрана, СМИ сейчас фактически сравнима с властью танков и настоящего оружия. Не нужно бомбить и обстреливать врага, достаточно внедрить в сознание людей некие стереотипы.

Современные стандарты демократии и прав человека требуют зримого подтверждения поддержки обществом власти. Как это достигается? На телеэкране с утра до вечера толпа демонстрирует поддержку одного или, наоборот, отрицание другого претендента на власть, но никто не задумывается, что даже если несколько тысяч человек сидят неделю на площади, в это время остальная страна даже не волнуется вообще — кто-то не смотрит ТВ, кто-то полагает, что там, в столице, политики делят финансовые потоки (что не лишено оснований). А в итоге — смена власти. Военная диктатура сейчас подменяется диктатурой СМИ, как говорят ученые — «медиакратии». Технология таких площадных сидений достаточно эффективно себя показала.

Существует составленный американцами целый список стран-изгоев, Россия в нем представлена на одном из «почетных» мест. Поведаю об одном любопытном эпизоде. Около двух лет назад делегация Комитета по иностранным делам Госдумы выезжала на переговоры с соответствующим Комитетом Палаты представителей конгресса. Побывали мы и в Государственном департаменте.

В разговоре с г-ном Фридом, заместителем по России (Дэниэл Фрид — бывший заместитель госсекретаря США по странам Европы и Евразии. — **Ред.**), я рассказала, как представитель США в ОБСЕ госпожа Финли собрала своих западных коллег (нас, конечно, не звали) и объявила, что прошедшие «бархатные» революции — это всего лишь подготовка, что нужно всем раскошелиться, не жалеть средств на поддержку неправительственных организаций, которые должны к 2008 году изменить политическую ситуацию России в пользу демократии.

Фрид не стал даже ничего отрицать, а только сказал с досадой: «Ох, эта Финли!» Мол, не могла потоньше сработать, говорить все это в кулуарах.

Стратегия распада России

Некоторые спросят, а зачем им расшатывать наше государство? В итоге можно получить немало! Если в России будет неустойчивая, переходящая из рук в руки власть, они получат повод выдвинуть тезис — такой власти мы не можем доверить ядерную кнопку, потому что это уже угроза международной безопасности. Надо, дескать, поставить ядерный потенциал России под международный контроль. Это одна из целей. Также они очень боятся, что мы начнем последовательно играть своей энергетической картой. Когда мы даже в рамках верности своим обязательствам лишь немного показываем эту карту и вертим ей, какой свист и гам начинается. Неустойчивость власти позволит ввести в действие стратегию распада России по геополитическим округам.

При этом они рассчитывают на сложную демографическую ситуацию России. Если она не будет переломлена в ближайшие годы, то к 2015 году России очень трудно будет удержать свою огромную территорию.

Меняется очень драматично и этнический состав населения, грядет перерождение культурно-исторического типа государства. Когда русский народ, основатель и стержень российского государства, был полон исторической энергии, без всякого пафоса, никому не тыча в нос свое православие и русскость, но тем не менее продолжая быть русским и православным, спокойно и уверенно шел от Буга до Тихого океана, вбирал в себя много народов, никто не занимался подсчетом, где, сколько и кого рождается.

Но ситуация вокруг России, окруженной другими цивилизациями, — враждебна, есть напряженность между цивилизациями, которые устремляются туда, где намечается вакуум исторической энергии...

Разделить страну и прибрать под контроль ресурсы: ведь вбрасываются в общественное сознание тезисы о несправедливости того, что некоторые страны и нации случайно оказались над залежами мировых ресурсов, которые должны принадлежать миру и быть под его контролем! Почему вдруг судьба Ходорковского стала судьбой демократии? Ведь в Америке можно судить руководителей даже таких крупнейших корпораций, как «Энрон» — за неуплату налогов, за несоблюдение законодательства. А у нас вдруг нельзя.

Но дело в том, что в планы Ходорковского входила интернационализация сибирской нефти — продажа в иностранные руки принадлежащих ему нефтяных богатств и

строительство собственных трубопроводов на Запад. Вот Запад и в ярости, что именно такой план рухнул вместе с шансом лишить Россию одного из немногих факторов своей конкурентоспособности.

Или проблема Дальнего Востока. Если поставить полностью на рыночную основу железнодорожный транспорт, то будет совершенно невыгодна никакая единая экономическая деятельность и Дальний Восток отвалится. Все эти планы расчленения России предназначены не к немедленному сегодняшнему исполнению, но они обсуждаются и прорабатываются на случай, если... Так не надо допускать это «если».

США сворачивают свои свободы

Наш «Фонд исторической перспективы» и интернет-газета «Столетие» привлекли внимание на пресс-конференции к сборнику по правам человека в США, который мы издали. Там представлены данные по всем видам нарушений прав человека в США.

Несколько сотен экземпляров этого сборника были взяты на саммит «восьмерки» в Санкт-Петербург, где были неофициально переданы американской делегации, включая госпожу К. Райс. Сборник напечатан на русском и английском языках. Посещаемость сайта «Столетие» после публикации этих документов повысилась в несколько раз, посетители были в основном из США.

Кстати говоря, мы на пресс-конференции упомянули, что русскоязычный сайт Национального демократического института не имеет, как положено, выходных данных, телефонов и т.д. И через два дня этот сайт закрылся. Как говорится, знает кошка, чье мясо съела.

Мы и дальше собираемся публиковать такие материалы в нашем Фонде. Ведь сами Соединенные Штаты сворачивают свои свободы. Что у них происходит после 11 сентября? Маленький пример: при посадке в самолет надо стоять два часа, у меня проверяли даже туфли. Люди в ярости. Но рядом висит плакат: «Шутки и издевательства над процедурой проверки влекут уголовную ответственность».

Хватит имитировать объединение

Насколько выгоден, а точнее, нужен союз России и Белоруссии? Гораздо нужнее, чем многие думают. К нам, русским, добавятся 12 миллионов славян, гораздо мень-

---

ше вестернизированных духовно и свободных от комплекса неполноценности по отношению к Западу. Россия станет более однородной национально, что очень важно на фоне русской демографической катастрофы и изменения культурно-этнического баланса.

Объединившись, Россия и Белоруссия становятся геополитически самодостаточной силой и обретают потенциал большей самостоятельности как субъект мировой политики в тот момент, когда Запад так хотел бы узурпировать право на историческую инициативу.

Реальный союз России и Белоруссии — самое серьезное сейчас препятствие переделу мира, и прежде всего воссозданию вокруг нас некоего «санитарного кордона» от Балтики до Каспия.

Невольно возникает очень болезненный вопрос: почему же в таком случае союз России и Белоруссии никак не обретет нужную силу? Если объединение с Белоруссией, самым надежным союзником России, — дело естественное и давно назрело, то кто его тормозит? Прежде всего бюрократия обеих стран, так называемая элита, у которой есть влияние, но нет понимания того, какое государство она представляет, в чем его сила, где слабые места, куда двигаться. Ее усилиями рождаются сомнительные лозунги, создаются искусственные барьеры, препятствующие воссоединению двух славянских народов в новой форме, адекватной современному историческому этапу.

К сожалению, 17 лет после «беловежского развода» даром не прошли, сейчас у России и Белоруссии разные модели экономического и политического развития, разные во многих аспектах подходы к построению союзного государства. И с каждым упущенным годом будет труднее находить общие позиции, точки единения.

Наша страна имеет полное право защищать и свою землю, и свое мировоззрение, и свой уклад жизни, и свое историческое будущее. У России, родившей внутри общехристианского мира свою цивилизацию, свою культуру, всегда будет энергетическое поле, которое выходит за пределы собственной территории. Это закон существования крупных исторических сил. Обеспечить собственную безопасность можно, только создавая пояс безопасности за рамками национальных границ. Что лукавить, разве США не демонстрируют именно такой подход? А объединенная Европа? Любая сильная держава образует вокруг себя некую зону жизненных интересов, обеспечивая

странам-партнерам необходимую безопасность, в том числе и военную. Россия также должна активно бороться за влияние на постсоветском пространстве и присутствовать на его информационном поле, влияя своими идеями, проектами, общественными и интеллектуальными инициативами на сознание политического класса этих стран.

Поучительный пример для нас — решение конгресса США о поддержке демократических движений в других странах, за тридцать земель от своих рубежей. Будущее России сегодня жестко увязано с тем, насколько сумеет русский народ восстановить себя как основатель и стержень российской государственности и опереться на свой духовный фундамент и свою национальную культуру. Для русской нации пришло время духовного и политического собирания, выработки некоего большого российского проекта, объединяющего исторические территории Российского государства. Пора сказать об этом во всеуслышание.

Конечно, придется столкнуться с громким хором обвинений в империализме, прежде всего со стороны тех, в чьи интересы не вписывается российское возрождение. Не секрет, что западная пресса и политология настроены к России сейчас даже более враждебно, чем во время Советского Союза, что доказывает: холодная война велась не против большевизма, а против геополитического гиганта, каковым являлась наша страна. К чему закрывать глаза, вся перестройка международных отношений сводится к переделу мира. Россию оттесняют от двух морей — Балтийского и Черного, которые сделали ее державой и системообразующим фактором международных отношений. Цель сегодняшнего давления на Россию не в обеспечении перехода от тоталитаризма к демократии, а в подавлении любых наших претензий на статус великой державы во всех его проявлениях — и как равновеликой Западу геополитической и военной силы, и как вечно самостоятельной исторической общности людей с собственным поиском универсального смысла бытия.

Как нам противостоять внешнему давлению? Один из первых ответных ходов на виду: хватит имитировать строительство Союзного государства России и Белоруссии, пора объединяться по-настоящему. То раздражение, которое звучит по этому поводу от наших ближних и дальних «доброжелателей», свидетельствует: мы на верном пути.

Кавказские войны — средство геополитики

Панорамный взгляд на события в Черноморско-Кавказском регионе приводит к выводу: и Чечня, и системность терактов, и напряженность в Грузии, и борьба за пути газопроводов через Каспий и Черное море — суть события связанные.

Они объединены неким общим геополитическим сценарием, в итоге которого Россия будет оттеснена на северо-восток Евразии от главного коммуникационного региона, ключом к которому является Черное море.

Пристальное внимание сегодняшних вершителей мира к южному подбрюшью России уже нельзя объяснить заботой о правах человека и вселенской демократии — оно уже структурно оформилось в объявленном намерении США передислоцировать свои ракеты по границам СССР. О целенаправленном стратегическом вытеснении России с рубежей ее трехвекового влияния свидетельствует упорное вмешательство «цивилизованного сообщества» во внутренние дела России на Кавказе. Этому служит и поощрение рискованных провокаций Грузии против своих пророссийски настроенных автономий — Южной Осетии и Абхазии, конституционные права которых были нарушены при выходе из СССР. Еще красноречивее — создание всевозможных конфигураций и механизмов военного взаимодействия в Черном море без России.

На деле перед нами проявление весьма старых геополитических констант. К ним относятся «восточный вопрос» и присутствие на Кавказе, стоявшие за неудачной для России Восточной (Крымской) войной 1854—1855 гг. Но сюжет «восточного вопроса» разыгрывался и в течение всего XX века на полях обеих мировых войн, в годы Гражданской войны и сразу после распада СССР, в ходе дипломатических баталий в Версале и на сессиях Совета министров иностранных дел в 1945—1947 гг., в 90-е гг. в Боснии и Косово, в Дейтоне и на Стамбульском саммите.

150-летний юбилей Крымской войны весьма оттеняет современную стратегию заинтересованных держав. Россия в начале 90-х годов почти добровольно сдала позиции, важность которых осознавали все, кто 343 дня с беспримерным героизмом отстаивал Севастополь. Что же касается участников Крымской коалиции против России, то их политика весьма преемственна и не менее энергична, что видно на примере Чечни.

История Кавказских войн XIX в. стала чуть ли не нормативным клише исторического мышления на Западе, эдаким пособием по политике «захватнической колониальной» России. На деле это воспроизведение большевистской нигилистической интерпретации русской истории, созданной из русофобских штампов Фридриха Энгельса из его «Внешней политики русского царизма» и суждений Карла Маркса. Но, как показывает анализ источников Маркса, они заимствованы исключительно из британской публицистики времен Крымской войны. Авторами же их, как правило, были капитаны британских кораблей, осаждавших Севастополь. Однако созданный образ России — «угнетательницы кавказских народов», приправленный «злодеяниями сталинского режима, выселившего невинных чеченцев», не выдерживает никакой исторической проверки.

Кавказская война XIX века началась вовсе не в связи с попыткой России «завоевать» Кавказ. Кавказ вошел в состав России много раньше и в основном с добровольного согласия. Посольства от адыгов, кабардинцев, осетин, аварцев и других народов Дагестана с челобитными, чтобы «их государь пожаловал, вступился за них, а их с землями взял к себе в холопы, а от крымского хана оборонил» поступали с XVI века. Эти народы стремились найти защиту у России от турок и персов, постоянно грабивших их и угонявших в рабство. Именно по просьбе влиятельных северокавказских владетелей и были построены первые русские крепости на Северном Кавказе, в частности, Терский городок в начале второй половины XVI века.

Добровольные присягания на верность и подданство кавказских общин и владетелей есть документированный исторический факт, как и даже нередко повторяющееся предложение «крестика». Медленное течение этого процесса, растянувшегося на два века, объясняется просто. Россия не искала в этих регионах материальных выгод или земли, а желала лишь укрепления перед давящей на нее, как, впрочем, и на всю Европу, Османской империи и Персии. Другой причиной, осложнявшей процесс, были устойчивые междоусобицы между кавказскими князьями, которые сами стремились под эгиду России, но не желали, чтобы это же делали их соседи-соперники. Россия же уклонялась от их тяжб и втягивания ее в борьбу с иранскими шахами и султаном. Так, несмотря на прошения

дагестанских князей, Россия, будучи в состоянии мира с шахом, признавала за дагестанскими правителями «общего холопства», то есть подданства Ирану и Москве. Нежелание обострить отношения с Персией и Османской империей, а начиная с середины XVIII века и с западными странами также побуждало к осторожности. Стоило кавказскому командованию поддержать одну из группировок кавказских владетелей по их просьбе, как другая начинала искать поддержку у Порты. Все это типично для процесса формирования государств и наций, мало чем отличается от западноевропейской истории.

Не имеет аналогов в европейской истории другое. Никакого завоевания земли, сгона населения и насильственной русификации, что сопровождало всегда западноевропейское расширение, при этом не было. Наоборот, русское подданство позволяло горцам занять плодородные долины и спуститься с гор, куда их загнали в свое время монголы и Тамерлан, а потом удерживали турки и персы. Терский городок стал местом не устрашения, а защиты. К концу XVII века к его стенам прилепились «слободы великие» — «Черкасская», «Окоцкая», «Татарская», и население аборигенов в три раза превосходило русское. Если в британской Индии мальчишка-англичанин, войдя в вагон, мог вытолкать взапой семью раджи, то дочь кабардинского князя Темрюка Идарова, много сделавшего для вхождения Кабарды в Россию, княжна Кученей, во святом крещении Мария, в 1561 году стала русской царицей — женой Иоанна Грозного.

Однако Кавказ принадлежит к таким геополитическим точкам, которые определяют соотношение сил во всем южноевропейском-малоазийском регионе. Европу и Турцию не волновало освоение русскими Ленской губы, но выход России к Черному морю превратил кавказские проблемы в предмет весьма заинтересованного участия и беспардонных интриг всей Европы. На пороге Нового времени постоянным подстрекателем Крыма и горцев против России были поляки, которые до всяких «разделов» в течение четырех веков (XIII—XVII) с Болеслава Смелого до Сигизмунда неустанно давили на Русь. Польша видела в султанах и Крымском ханстве потенциальных союзников в борьбе за Малороссию. Франция, особенно при Наполеоне, мечтавшем контролировать оба побережья Средиземного моря, рассматривала Россию как соперницу на Востоке, была заинтересована в доминировании Порты на Черном море и была весьма активна против России на южном направлении.

Не желая осложнений с державами и понимая, какой язвой был Кавказ, Павел I еще в начале XIX века не хотел окончательно оформлять присоединение Кавказа и Закавказья, предпочитая «устойчивую «горскую федерацию», — буфер, который бы успешно выстоял против «покушающихся врагов». Это так же мало соответствовало кавказской действительности и мировой геополитике двести лет назад, как и сегодня. После присоединения Крыма и вхождения Грузии стало ясно, что удержаться в качестве черноморской державы, не имея в тылу Кавказ, невозможно. Но с момента утверждения на Черном море подрыв южных рубежей России стал константой стратегии владычицы морей — Британии.

До сих пор закрыты внешнеполитические архивы в Англии, в которых, по единодушному суждению историков, кроется британский след за убийством в Персии Александра Грибоедова, заключившего в 1828 году важный Туркманчайский договор с Ираном, после чего русское влияние в Персии было принципиально утверждено.

В 1833 году был заключен Ункиар-Искелесийский договор России с Турцией о совместном контроле проливов. Это так и осталось кульминацией дипломатических успехов России на Ближнем Востоке в XIX веке. Этот договор между двумя единственными тогда черноморскими державами, достигнутый дипломатическими, а не военными средствами, фиксировавший статус-кво и не нацеливающий на чужие территории, тем не менее вызвал «негодование» Франции и Англии, которые в ноте к Турции отказались с ним считаться и начали создавать коалицию, втягивая в нее Австрию. Это достижение столь очевидно показало западным державам перспективу закрепления России в геополитически важном регионе, что движение к Крымской войне представляется естественным. Именно тогда Англия начинает открытую помощь горцам Кавказа против России. У берегов Черного моря была застигнута британская шхуна «Виксен», выгружавшая оружие для «черкесов». Был дипломатический скандал.

**Опыт Кавказской войны нельзя трактовать
как однозначно негативный**

Вот геополитический фон, на котором надо рассматривать Кавказскую войну XIX века, начавшуюся не из-за уже давно состоявшегося присоединения Кавказа, а в связи

с действиями российских властей в новой обстановке. Она вступила в конфликт, среди прочего, с интересами северокавказских владетелей, связанных с Персией и Турцией, за которыми стояла Британия.

Литература по кавказоведению неизменно указывает на особую остроту отношений горных чеченцев и ингушей, как с другими кавказскими общинами, так и с царскими властями. Однако и чеченцы с ингушами добровольно вошли в состав России. Именно с началом русско-турецкой войны Чечня и Ингушетия сами вновь подняли вопрос о принятии их в российское подданство. В 1768 году «со своими детьми и народом» повторно присягнул Али-Султан Казбулатов. В 1770 году 24 ингушских старейшины во главе с Гарси Чопановым и Сурховом Мирзахановым явились в Кизляр к коменданту генералу И. Немичу с «доношением» как «присланные от всего народа их общества», в котором говорилось, что они имеют «усердное желание поступить в вечное е. и. в. подданство» и желают все «генерально креститца».

Деятельность и идеи мюридизма имама Шамиля имели взлеты и падения. Судя по документам и исследованиям, движение горцев во многих районах было направлено против кавказских же местных владетелей и имело ярко выраженный социальный и религиозный характер. Но именно в Чечне на первое место выдвинулась «борьба против царских властей». После первого периода войны с его успехами и итоговым поражением Шамиль бежал в горную Чечню.

Горные чеченцы никого не любили и торговали одинаково как русскими невольниками, так и кавказскими рабами. Следует для того времени отличать отношения России с горными и с равнинными — «плоскостными» чеченцами, занимавшимися хозяйственной деятельностью. В горах же в массовом порядке укрывались все, кто бежал от правосудия, прежде всего кавказского, а не только царского. Фактом является и то, что Шамиль, опорой которого были именно горные чеченцы, куда более жестоко, чем царский генерал Ермолов, вырезал целые аулы и кланы, не желавшие идти вместе с ним. В Дженгутае Шамиль сжег дворец Ахмед-хана Мехтулинского, угрожал Темир-Хан-Шуре, уничтожил в ряде селений «греховодную знать». В Гидатле были истреблены «16 почтеннейших людей», истреблена также знать Андаляля, Кадиба, Соситля и многих других селений. Мюридам приходи-

---

лось оружием и убийствами насаждать шариат и теократические порядки имамата. На Кавказе не было ни общекавказского национального самосознания, ни основ для объединения даже под знаменем мюридизма раздираемых междоусобицами общин, соперничающих за рынки работорговли.

Опыт Кавказской войны нельзя трактовать как однозначно негативный: ибо за победой российской власти последовал самый длительный мирный период в этом всегда бурлившем регионе. Однако этот период дает назидательное представление о константах мировой политики вокруг этого региона, вызывает яркие аналогии с сегодняшним международным спектаклем вокруг чеченской темы.

Закат дела Шамиля и приближавшаяся русская победа примечательно совпадает с началом неудачной для России Крымской войны. В Британии наиболее радикальные круги, в частности лорд Пальмерстон, открыто ставили цель отторжения от России Крыма и Кавказа и создания марионеточного государства «Черкесия». «Таймс» открыто писала, что «граница России на Кавказе должна проходить к северу от Терека и Кубани». Предполагалось отторгнуть от России все Закавказье — Грузию, Армению, Мингрелию, Имеретию, передать Ирану и Турции все части, вопреки Гюлистанскому и Андрианопольскому договору.

В стремлении использовать против России кавказских горцев участники крымской коалиции сразу нашли общий язык. Турецкое и англо-французское командование пытались установить связи с горцами. В «совете союзных держав» было решено с помощью Османской империи и Шамиля комбинированным ударом — с фронта и тыла — разгромить русские войска на Кавказе и отбросить их за Кубань и Терек. К горцам были отправлены тысячи османских и английских эмиссаров с воззваниями и письмами, призывавшими к «священной войне» против России.

Вопрос о «независимой Черкесии» пытались ставить на Парижском конгрессе, выработывавшем итоги Крымской войны, хотя Кавказ вообще не был причиной и темой Крымской войны. Примечательно, что именно после падения Севастополя — русской военно-морской твердыни — английские уполномоченные по переговорам немедленно заговорили об отторжении от России Закавказья и Северного Кавказа, что противоречило всем признанным трактатам по региону.

Поражение английской дипломатии по северокавказскому вопросу на Парижском конгрессе по итогам проигранной Россией Крымской войны вызвало бурю негодования в Англии. Британский парламент обрушился с обвинениями на Министерство иностранных дел (почти как датский парламент обрушился на задержание Ахмеда Закаева), некоторые ораторы протестовали против ратификации Парижского мира и настаивали на продолжении войны, потому что северокавказские проблемы не были решены в пользу Британии.

Однако придать новый импульс горскому движению уже не удалось. Шамиль не спешил выполнять призывы к совместным действиям и сразу заслужил откровенное осуждение английского посла в Константинополе. Тот назвал Шамиля «фанатиком и варваром», «с которым не только нам, но и Порте будет трудно установить какие-либо достойные уважения отношения». Кавказская война закончилась победой России, но тут же началась дипломатическая война, эксплуатировавшая кавказскую тему, удивительно напоминающая сегодняшнюю ситуацию.

Роль османских и английских эмиссаров на Кавказе резко активизировалась после пленения в 1859 году Шамиля. В Лондоне и Константинополе были созданы «черкесские комитеты» под флагом защиты «независимой Черкесии». Они были тесно связаны с парижским центром польской эмиграции, яростно интриговавшей против России. Не стоит удивляться поэтому ни недавним комитетам в защиту Чечни, ни демонстрациям поляков-католиков в поддержку бандитов, режущих головы христианам. Ведь и польский кумир Адам Мицкевич «угас», по выражению Герцена, «где-то по дороге в Константинополь, куда он отправился устраивать польский легион», чтобы воевать на стороне цивилизованной Оттоманской империи против варварской России.

Имелся и свой «ахмед закаев»: в 1862 году в Лондоне и Париже появился некто Измаил-Баракай-Ина-Дзиаш, представитель «Черкесии», «присвоивший», как говорят документы того времени, «себе исключительную роль дипломата», и который по возвращению на Кавказ заявил, что «Европа расположена оказывать нам помощь».

XX век с его борьбой тоталитаризма и демократии заслонила неизменность мировых реалий, но от этого они не стали менее постоянными.

О планах перекройки Кавказа в начале Первой миро-

вой войны свидетельствуют |посулы младотурок, которые они раздавали российским народам в надежде на то, что «на Кавказе восстанут против русских татары, грузины и горцы». В случае «изгнания русских» младотурки обещали «на северо-западе создать автономную Грузию в пределах Кутаисской, Тифлисской, Батумской и части Трапезундской губерний», в северо-восточной части «выделить автономную мусульманскую область в составе Дагестана, Бакинской и части Елизаветпольской губерний».

В документе крупного германского дипломата и рейхскапитлера Германии перед Первой мировой войной фон Бюлова записано: «В войне с Россией... мы должны в конечном счете оттеснить Россию от обоих морей — от Балтийского и от Понта Евксинского, на которых и зиждется ее положение мировой державы». Фактически эту цель двух германских «дранг нах остен» XX века в точности повторили англосаксы. Союзники России по Антанте сразу воспользовались большевистской революцией и временным распадом страны.

В годы Гражданской войны старые русские дипломаты, имевшие дело с союзниками по Антанте, с горечью констатировали: «Осложнения с англичанами происходили на почве несомненной двуличности их политики». «Подобно тому, как на берегах Балтийского моря наши прибалтийские окраины находили у Великобритании могущественную поддержку... то на берегу Черного и Каспийского морей такую же поддержку встречали и кавказские народы», — пишет в мемуарах Н. Михайловский, записки которого случайно найдены в начале 90-х годов XX века. Этот общий тон открыто был определен Ллойд-Джорджем в английском парламенте, когда он прямо усомнился в выгодности для Англии восстановления прежней могущественной России.

Предпоследний царский министр иностранных дел С.Д. Сазонов, представлявший белых за рубежом, пишет в воспоминаниях о «грандиозном плане Англии, имевшем целью расчленение России. Балтийские государства должны были окончательно отрезать Россию от Балтийского моря, Кавказ должен быть буфером, совершенно самостоятельным от России, между нею и Турцией и Персией... таким же самостоятельным должен был стать и Туркестан... независимость Кавказа, Туркестана и Балтийских государств ограничивалась бы практическим протекторатом Англии над этими областями».

Англичане появились на Кавказе и в Закавказье к ноябрю 1919 года, заняв Баку и железную дорогу до Батуми. Лорд Бальфур прямо заявил: «Единственно, что меня волнует на Кавказе, это кто контролирует железную дорогу до Батуми, по которой идет нефть, а аборигены пусть хоть разорвут друг друга на куски». Как писал белый генерал А.И. Деникин в «Очерках русской смуты», «с поощрения англичан грузины заняли враждебную позицию к русским». Когда простодушный полковник Роулинсон из британской военной миссии призвал горские народы подчиниться власти Деникина, указав, что противодействие — это акт недоброжелательства к союзникам, Британия публично его дезавуировала. Опубликованное обращение к министру иностранных дел Гегечгори гласило, что «мысли Роулинсона совершенно не выражают воззрений британского правительства», и грузинский лидер Гегечгори заявил прямо: «Не в интересах Англии включать Закавказье в пределы России». Ничего не изменилось и сегодня.

В архиве полковника Хауза, загадочного советника президента Вильсона, Россия трактуется как «чистый лист бумаги, на котором мы начертаем судьбу народов, населявших Российскую империю». В этом «новом мышлении» рассматривались переориентация Средней Азии на нового «опекуна» и структурное включение «Кавказа как части проблем Турции».

А в это время идеологическое доктринерство и геополитический нигилизм большевиков вдохновлял их на утопические расчеты. Таковым был план через поощрение всемирной исламской революции сначала сокрушить противников пролетарской революции, а затем подчинить ее нуждам сам ислам. Большевики вооружали и финансировали националистических лидеров панисламистского и пантюркистского толка. Однако те имели свои цели и, лавируя между Германией, Англией и Россией, обращали полученные средства против России, территории которой и были предметом их вождений.

Так, целью Энвер-паши — члена младотурецкого триумvirата и будущего басмача — было возвращение Турции утраченных позиций в Европе, на Кавказе и в Азии. Ленин и Троцкий соблазнились идеями поставить на исламизм, поощряя «стремление мусульманских народов к самоопределению», чтобы затем создать всемирную социалистическую федерацию. Они поддались на предложения Энвер-паши подорвать позиции Англии через со-

---

ветизацию мусульманских окраин России. Но рапорт российского морского агента в Турции свидетельствует, что английский консул в Кашгаре был уверен в обратном: Энвер-паша с планами, совсем не совпадающими с планами большевиков, прямо должен был способствовать укреплению позиций Великобритании. Так и случилось, и вскоре проекты мировой социалистической революции, разработанные в Москве, повернули на 180 градусов и грозили обернуться мировой исламской революцией, угрожавшей отнюдь не Лондону, а именно Москве.

Выселение Терского казачества

Белое Терское казачество было враждебно революции и стало первым кавказским народом, подвергнутым выселению. Большевики жестоко расправились с ним. Сотни документов советских архивов до сих пор не опубликованы из политических соображений (ЦГА РСФСР, РЦХИДНИ, ЦГА ЧР). Следующие выдержки из них — лишь малая доля правды. С начала 1914 года, когда все силы казаков были брошены на фронт, станицы подверглись чудовищному разграблению и убийствам со стороны немедленно спустившихся с гор чеченцев и ингушей. Вторая волна грабежа последовала в 1917 году. Сами пострадавшие казаки не относили зверства на счет всех горцев. В их прощении на имя Государя отмечалось, что «всех жителей обвинять в этом позорном деле ни в коем случае не приходится, однако среди них есть самые скверные элементы, которые этим и занимаются» (ЦГА РСФСР). Однако большевики воспользовались услугами именно «скверных элементов».

Директива ЦК РКП (б) от 24 января 1919 г. объявила «беспощадную борьбу со всем казачеством путем поголовного истребления» и задачу «уравнять пришлых «иногородних» к казакам в земельном и во всех других отношениях». Исполнители этой установки быстро и свирепо реагировали по телеграфу: «Нестеровская занята белыми при активной поддержке населения. Необходимо обрушительной быстротой выбить их оттуда и выселить всю станицу и передать их горцам» (1920 г. ЦГА РСФСР).

И. Сталин с удовлетворением телеграфировал В.И. Ленину из Владикавказа: «...Выселено в военном порядке пять станиц. Недавнее восстание казаков дало подходящий повод и облегчило выселение, земля поступила в

распоряжение чеченцев. Положение на Северном Кавказе можно считать устойчивым...» (РЦХИДНИ). Казаков выселяли без средств, даже не позволив собрать урожай, обрекая их на голодную смерть. Выдержка из протокола заседания ЦК Советов Терской области весьма типична: «Постановили: 1) Не разрешать казакам уборку озимых хлебов; ...разработать и представить план использования этого хлеба; ...4) Предложить Чеченскому окружному исполкому немедленно вселить чеченцев во все станицы, откуда выселены казаки, и приступить к немедленному посеву на свободных землях этих бывших станиц» (ЦГА РСФСР).

Все это дорого обошлось и русскому, и чеченскому народу, да и самой советской власти в годы Второй мировой войны. Очень скоро сами большевики попытались остановить выходящую из-под контроля вакханалию насилия «скверных элементов» уже не только над «врагами» революции, но и над собственным народом. Но в 30-е годы казачество опять подверглось репрессиям и выселению — теперь уж в русле борьбы с кулачеством.

Тем временем фашистская Германия готовилась к новому переделу мира. Секретная докладная записка НКВД СССР «О положении в Турции и Ближнем Востоке» от 5 ноября 1940 года прямо указывала, что «в случае предполагаемого возникновения военных действий между Германией и СССР турки намерены выступить против Советского Союза с целью отторжения Кавказа и образования на его территории Второй Кавказской Федерации». С началом войны неизбежно вспыхнуло бандповстанческое движение все тех же «скверных элементов», которых большевики натравливали на казаков, отдавая им земли.

Редкий документ «Обзор материалов о банддвижении на территории бывшей Чечено-ингушской АССР» НКВД от 1943 года показывает сухие статистические данные о массовом дезертирстве, бандповстанческом движении и его доказанных связях с германскими диверсантами в годы войны. Если бы применить к чеченцам, виновным в сотрудничестве с гитлеровцами, те законы, по которым единообразно судили за подобное всех других граждан страны без учета их национальности, то пришлось бы посадить за решетку немало. Советские власти решили скопировать американский опыт и депортировали чеченцев, причем целыми семьями. Следует напомнить, что США не только истребили коренное население Америки, но в

годы Второй мировой войны интернировали и держали в концлагерях сотню тысяч японцев, среди которых не было ни одного дезертира или диверсанта.

Этот далеко не полный исторический экскурс необходим для того, чтобы понимать, что такое Кавказ для России и что такое «кавказский узел» в мировой политике, к которой сегодня добавилась яростная борьба за контроль над нефтяными и газовыми ресурсами и путями их транспортировки.

А теперь совместим знание «кавказского узла» с общим направлением мировой политики.

Нынешний очевидный передел мира явно нацелен среди прочего на вытеснение России одновременно с Балтийского и Черного морей. Это была цель Германии в обеих мировых войнах, эту цель успешно продолжают США. Им опрометчиво подыгрывает по инерции старушка Европа, значение которой для США уменьшается прямо пропорционально сокращению влияния России, после чего Европа окончательно превратится в тыл для евразийской стратегии Бжезинского.

Кавказ и Черное море неразрывно связаны между собой. Чеченские боевики, подстрекаемые извне, пытаются взорвать Кавказ изнутри, выйти к Причерноморью. Элементом общей мозаики является и рискованная провокационная политика нового грузинского руководства, явно пытающегося угодить своим спонсорам. Южная Осетия — ворота из Закавказья на Северный Кавказ.

Чеченская война имела не только геополитический аспект. Помимо роли Кавказа для позиций на Черном море, он — объект геоэкономики, ибо основной нефтепровод в России идет через Чечню и Дагестан. Непосредственную выгоду от чеченской войны получали именно англо-американские нефтеконцерны, стремящиеся к полному контролю над путями трубопроводов из Каспийского бассейна.

Россию явно оттесняют от региона мировых ресурсов, который обнимает Аравийский полуостров, Ирак и Иран, Персидский залив, Северный Иран, Российское Предкавказье. Северная кривая этого эллипса — это и есть Средиземно-Черноморо-Каспийский регион, являющийся военно-морскими и стратегическими подступами к сырьевой кладовой. Начинаясь от Средиземного моря, эта кривая идет через Черное море, Российское Предкавказье, захватывает Грузию и Закавказье, далее в Среднюю Азию и замыкается в Афганистане.

Южная кривая, начинаясь от того же Средиземного моря и проливов, соединяет Турцию, Персидский залив с Пакистаном и замыкается опять в Афганистане. Афганистан и Ирак были уничтожены, кто следующий — Иран?

Заметим, что северная граница этого эллиптического региона примыкает к Украине, Молдове, Кавказу и Закавказью. Это объясняет стратегию втягивания в атлантическую орбиту территорий от Балтики до Черного моря. Этой стратегии подчинены историческая травля Белоруссии — недостающей части выкладываемой мозаики, борьба за Украину, вовлечение Грузии в американскую орбиту. Эта же цель определяет и постоянные попытки Запада придать чеченскому уголовному мятежу ореол национально-освободительного движения.

Не случайно чеченский конфликт из обыкновенного уголовного мятежа был превращен в инструмент мирового проекта. Разумеется, в Чечне реализуется и проект радикального нетрадиционного ислама и его террористических центров. Но исламский экспансионистский импульс всегда имел неисламского дирижера, направлявшего его по нужным геополитическим линиям.

Дудаевский режим со всей очевидностью не только не выражал волю большинства чеченцев, но и вообще не имел в начале характер национального или религиозного явления. Психологический портрет Дудаева, позировавшего не в национальной одежде, а исключительно в парадном генеральском мундире Советской армии, его риторика демонстрировали скорее образ латиноамериканского диктатора, а не выразителя национальных и религиозных чаяний. Переворот генерала Дудаева носил чисто властно-экономический мафиозный, а не религиозный характер, и ничто бы не угрожало всекавказским сопротивлением при своевременном подавлении.

Но «миротворчество» после первой военной кампании оказалось тем более губительным — оно обесмыслило жертвы, уже понесенные армией, и достигнутые немалые успехи, поставило в критическое положение русский и народы Кавказа и отдало в руки бандитов лояльную часть чеченского народа, который был попросту оккупирован бандформированиями и давно готовыми к десанту из международных центров разноплеменными идеологами и наемниками.

Когда террористические акции перекинулись в Дагестан, именно дагестанцы, опровергая миф о всекавказ-

---

кой солидарности с иностранными наемниками и местными бандитами, показали урок подлинного общероссийского гражданского самосознания. Это было предупреждением, что дальнейшее безволие центральных властей приведет к краху российской государственности, если Москва окажется неспособна защитить ни русских, ни народы, связавшие свои судьбы с Россией и осознанно сохраняющие ей верность. Именно попустительство чеченскому уголовному мятежу и его ложная интерпретация позволили ему обрести такие внутренние и международные параметры, которые сделали его инструментом международного давления и терроризма.

После Хасавюртовских соглашений новые уголовные чеченские авторитеты и их боевики, профессионально подготовленные в афганских и пакистанских лагерях, уже были поставлены вовсе не внутренними силами, а извне, из единой кузницы идеологических кадров и профессиональных террористов. В Центральной Азии, на Кавказе и на Балканах были задействованы новые тайные операции на базе пакистанских военных и разведывательных структур. Ваххабитские миссионеры из Саудовской Аравии были внедрены в мусульманские республики исторического государства Российского.

И. Бодански, руководитель Рабочей группы Конгресса США по терроризму и нетрадиционным методам войны, утверждал, что нынешняя стадия чеченского конфликта как инструмента международной террористической сети была запланирована на секретном саммите организации «Хезболлах Интернэшнл» в 1996 году в Могадишо (Сомали), участником которого был Бен-Ладен, который в свое время был поставлен ЦРУ, и высокопоставленные чины пакистанской разведки, которая сыграла ключевую роль в организации банд Шамиля Басаева и Хаттаба. Перед этим в 1994 году Межведомственная разведка (Inter Service Intelligence) Пакистана организовала для Басаева и его доверенных командиров интенсивный курс исламской идеологии и боеподготовки в афганском лагере Амир Муавиа, созданном еще в начале 1980-х годов ЦРУ и МВР, после чего Басаева перевели в пакистанский лагерь Марказ-Давар для спецподготовки.

В Пакистане Басаев встречался с тогдашним министром обороны А. Мирани, министром внутренних дел Н. Бабаром и главой отделения МВР по поддержке исламских движений Дж. Ашрафом. Басаеву было поручено возгла-

---

вить нападения на федеральные силы в первой чеченской кампании в 1995 году. В Афганистане Басаев установил прочную связь с уроженцем Саудовской Аравии моджахедом-ветераном Аль-Хаттабом. После возвращения Басаева в Грозный в начале 1995 года Хаттаб был приглашен создать базу подготовки боевиков в Чечне.

Этот отряд действия на местах получал финансы и оружие не для того, чтобы жить в независимой и изолированной нищей «Ичкерии». Их целью было — через кровавые междоусобицы втянуть весь Кавказ в войну против России, отторгнуть его, Ставрополье и Краснодарский край, который не случайно именуется в их картах как «исламская республика Адыгея», выйти к Черному морю, взять Крым, Балканы.

Широко применяемый дипломатический тезис — «солидарность в борьбе с международным терроризмом» не должен вводить в заблуждение — цели международного терроризма против США и против России совершенно различны. От США террористы требуют всего лишь невмешательства в свои дела, но от России — территории, те самые, за которые в течение трехсот лет шли войны. США «воюют» с международным терроризмом за американские интересы, Россия — за жизнь и территориальную целостность своей страны. Странно, что Европа до сих пор не осознает, что из всех явлений, объединяемых сегодня термином «терроризм», именно в Чечне и в Косово действует самый опасный терроризм — терроризм как инструмент геополитических планов и перекройки границ.

В соответствии с основополагающим принципом международного права — уважением территориальной целостности государств — полагается применять общий стандарт для внутренних конфликтов как в Испании, в Ольстере, так и в Чечне. Но «правозащитники» направляли пафос на обличение российской армии, хотя были равнодушны к бандитскому геноциду чеченского народа, к русским девочкам, изнасилованным в станице Асиновская, тысячам русских рабов в подвалах чеченских «борцов» за свободу, к изгнанию еще из дудаевской Чечни ограбленными и уничтоженными 300 тыс. русских. Полностью игнорировались факты, когда «мирное население», вооруженное приборами ночного видения и системами залпового огня, откровенно признавалось перед телекамерой, что «готовили это оружие целых три года». Воору-

---

женные люди, соучаствующие в военных действиях, по международному праву считаются «комбатантами» — «сражающимися» и не относятся к мирному населению. Ясно, что тезис о якобы «массовом нарушении прав человека» во время военных действий муссируется исключительно для обоснования «права на самоопределение».

Дилемма «Россия и Европа» все так же не изжита именно совокупным Западом. Запад так и не избавился от чувства неуверенности перед громадностью и потенциальной самодостаточностью России. И хотя Россия своим сопротивлением переделу мира защищает собой Европу, Европа в отношении России, как и во времена Пушкина, — «столь же невежественна, как неблагодарна».

Михаил АНТОНОВ

РОССИЯ XXI ВЕКА: ПУТЬ К МИРОВОМУ ЛИДЕРСТВУ

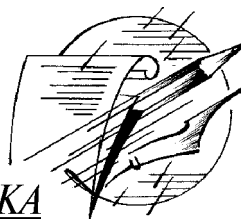
*(ПРОГРАММА РАЗВИТИЯ СТРАНЫ НА
БЛИЖАЙШИЕ ГОДЫ)*

Глава 13. РОССИЯ — САМАЯ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНАЯ ДЛЯ ЖИЗНИ СТРАНА

Именно так поставил Владимир Путин перед всеми нами задачу в своем докладе на расширенном заседании Госсовета 8 февраля 2008 года: сделать Россию самой привлекательной для жизни страной. Это чрезвычайно важная установка: в XXI веке страны будут соревноваться не столько по показателям экономической или военной мощи, сколько по привлекательности стилей жизни.

Итак, сформулирован идеал, а точнее — определена цель для новой России. Прежде чем говорить о путях ее достижения, надо оценить, насколько мы от нее далеки, насколько трудно будет преодолеть разрыв между желаемым и реальным на сегодня состоянием страны. Попробую сделать это на примере анализа экологической обстановки в стране.

Тема экологии — безгранична, чтобы оценить состояние окружающей среды в России, нужно написать многие тома. Публикаций на эту тему —

Продолжение. Начало в №5-6 за 2007 г.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

тысячи. В короткой статье сказать что-либо новое трудно. Но важен один принципиальный момент.

Одни авторы (их подавляющее большинство) видят в экологическом кризисе, охватившем современный мир, очередной этап движения человечества к «концу света». Писатель Валентин Распутин одно из своих выступлений назвал образно: «Сколько будет лет в XXI веке» («Завтра», 2008, №1). В нем он напомнил слова французского ученого Ж.Б. Ламарка, который в 1820 году так сформулировал закон эволюции человека: *«Можно, пожалуй, сказать, что назначение человека заключается в том, чтобы уничтожить свой род, предварительно сделав земной шар непригодным для обитания».*

В более мягкой форме выразил свое скептическое отношение к возможности приведения планеты в «божеский вид» журналист Александр Минкин в своей статье «Русская душа»: *«Никогда уже не будут воздух и вода так чисты, как сто лет назад — до химического оружия, до атомной бомбы и всей выхлопной и полиэтиленовой грязи, которую круглосуточно выделяет человечество»* («МК», 22.02.08).

В общем, все плохо и со временем становится все хуже, просвета не видать, выхода не предвидится.

Мне больше по душе другой подход: Россия поднимается, проблемы, накапливавшиеся десятилетиями, а иные — и столетиями, осознаются, важность, необходимость и трудности их решения также понимаются, к их решению уже приступаем и в перспективе их обязательно решим. С этих позиций и буду проводить свой анализ.

Жить нельзя, если нечем дышать!

Начать мне придется с примера, который показывает, что, по крайней мере, если судить по обстановке в некоторых регионах, наша страна еще крайне далека от того, чтобы стать самой привлекательной для жизни. Вот такое письмо было опубликовано в газете, выходящей в России самым большим тиражом:

«Не хочу умирать!»

В нашем небольшом городе уже есть два крупных предприятия: алюминиевый завод и лесопромышленный комплекс, однако строится еще одно: по переработке металла (кажется, в том числе радиоактивного. — М.А.)... Каждый вечер над городом появляется тяжелое зловонное облако из смертоносных выбросов. Люди задыхаются, дети рожда-

---

ются больными... В городе пропали даже тараканы... Пишу это письмо, а сквозь плотно законсервированные окна сочится едкий запах, от которого тошнит. Я почти теряю сознание. Валентина. Братск» («АиФ», 2007, №48).

Кто-то может сказать, что письмо это слишком эмоционально. Ведь живут же в Братске десятки тысяч людей, не убегают. Да, но куда бежать людям, у которых тут есть работа и жилье, а на новом месте не гарантировано ни то, ни другое? И вообще — правильно ли, загадив одну территорию, бежать на другую, чтобы там повторить прежнюю практику? А что сказать этой Валентине, чем ей помочь? Ведь самое страшное — в ощущении полной беззащитности и безысходности таких пленников и пленниц, заложников экологически грязной индустриализации. Их в России многие миллионы — ведь что представляет собой воздух в других наших городах, особенно в крупных промышленных центрах? Их жители давно уже дышат не воздухом, а газовой смесью, в которой все меньше кислорода и все больше вредоносных примесей. Тут и бензопирин (от выхлопов автотранспорта), этилбензол, фенол, формальдегид, диоксид азота, аммиак и десятки других «приправ». В списках наиболее загрязненных мест планеты, составляемых различными международными природоохранными организациями, неизменно фигурируют российские города Норильск, Дзержинск и Рудная Пристань. Чем же они знамениты?

В Норильске временами идет черный снег. В Дзержинске средняя продолжительность жизни мужчин — 42 года. А в Рудной Пристани содержание свинца в крови детей превышает норму в десятки раз.

Но, кроме этих «экслюзивов», есть так называемый приоритетный список из 41 города с очень высоким уровнем загрязнения воздуха. Там стоит смог, порожденный выхлопами автотранспорта, из заводских труб выходят дымы всех цветов радуги. А на нефтепромыслах горят факелы, в которых бездарно сжигается ценнейший попутный газ... Но загрязняем мы не только воздух.

Авторитетная английская компания Mercer Human Resource Consulting составила мировой рейтинг 215 крупных городов по степени загрязнения окружающей среды. Самыми грязными признаны: Баку (Азербайджан), Дакка (Бангладеш) и Антананариву (Мадагаскар). Москва заняла в этом рейтинге 14-е место рядом с Уагадугу

(Буркина-Фасо). Самым чистым городом признан Калгари (Канада), хотя это тоже крупный промышленный центр.

«Обезвоженная» Россия

На встрече Владимира Путина с руководителями думских фракций председатель Государственной думы Борис Грызлов, в частности, сказал: *«Сегодня в 50 процентах регионов — это и города, и сельская местность — употребляется вода либо некачественная, либо вредная»*. Министр здравоохранения и социального развития Татьяна Голикова даже не решилась в присутствии журналистов приводить соответствующие цифры. Оказалось, что 50 процентов питьевой воды у нас не соответствует санитарно-гигиеническим стандартам, а 15 процентов — просто ядовитая («МК», 14.02.08). А следствие этого нешуточное — сокращение продолжительности жизни примерно на 7 лет.

Порой ситуация со снабжением водой складывается критическая.

Раз в неделю в поселок Костоусово Свердловской области приезжает водовозка. Для его 143 жителей этот маршрут сейчас как дорога жизни. Воду продают по талонам, цена 10 литров — 1 рубль. Больше в поселке взять воду негде. Одна скважина пересохла, а другую закрыли после контрольного анализа, потому что в ее воде превышено содержание железа, марганца и кальция (не говоря уж о недопустимой жесткости и мутности). А даже небольшая их передозировка может привести к нарушению сердечно-сосудистой деятельности вплоть до инфаркта, к отложению солей и постепенно превратить здорового человека в инвалида. Короче, такая вода не просто непригодна для питья, она смертельно опасна.

Мне могут сказать: стоит ли придавать такое значение тому, что произошло в каком-то уральском поселке? Стоит, потому что, если вовремя не одуматься, такое может произойти по всей России. И уже происходит. И не где-нибудь, а во многих районах Подмосковья. Еще недавно концентрация железа в воде там превышала предельно допустимую в 3 раза, а теперь превышает подчас в 10 — 15 раз. А еще в воде встречаются марганец, фтор, сульфиды, нитраты, фенолы и др. Особенно сильно загрязняют воду скважины, которые бесконтрольно бурят и дачники, и предприятия.

Как же могло получиться, что в России, которая всегда славилась обилием источников «сладкой» воды, люди

вынуждены пить какую-то вредоносную бурду? А все дело в бездумном техническом прогрессе и идеологии покорения природы.

Красавицу Волгу, воспетую в стихах поэтов и народных песнях, превратили в цепь гидроэлектростанций с водохранилищами, что позволило напоить и снабдить электроэнергией города и их промышленность, обеспечить плавание большегрузных судов, дать воду для орошения засушливых земель. Однако водохранилища поглотили несметное богатство — цветущие заливные луга, служившие кормовой базой для животноводства, плодородные пашни, изобильные ягодные и грибные места с множеством дичи, промысловые рыбные озера. А со временем водохранилища превратились в отстойники гнилой воды, накопившие огромное количество разлагающихся сине-зеленых водорослей и всевозможных вредных веществ из неочищенных промышленных стоков. Как пишут специалисты, стоячая река, потерявшая способность к самоочищению, превращается в антисанитарный водоем с мертвой водой. И эту мертвую, к тому же отравленную воду пьет треть населения страны. От былого рыбного изобилия остались жалкие крохи, место осетровых заняли ерш и плотва, появляется все больше рыб-мутантов...

Как говорит известный эколог член-корреспондент РАН Алексей Яблоков, время прохождения воды от истока Волги до ее устья в результате постройки плотин увеличилось в 10 раз. Волжская вода, используемая в низовьях реки для питья, по меньшей мере дюжину раз проходила через системы канализации, так что это давно уже не H₂O.

Таковы итоги «созидания методами разрушения», которое давно уже практикуется в нашей стране. Вслед за Волгой та же участь постигла Дон и Днепр, за ними — Ангару и Енисей, теперь на очереди — Подкаменная Тунгуска, обещающая уже катастрофу вселенского масштаба...

Не стало Волги — погиб и Каспий. К той волне нечистот, что несетя с верховьев рек, добавляется и отравы от предприятий, расположенных в Астрахани. Один только Астраханский газоперерабатывающий завод ежегодно выбрасывает в атмосферу до 1,2 миллиона тонн двуокиси серы, которая, соединяясь с парами воды атмосферного воздуха, образует 12 миллионов тонн сернистой кислоты, выпадающей на землю. А в выбросах, кроме серы, находятя двуокись углерода, а также сероводород, соединения

ртути и другие высокотоксичные вещества. Не меньший вред наносят Каспию расположенные в его казахстанской зоне Карачаганакский газоконденсатный и Тенгизский нефтегазовый комплексы. Если в самой Астрахани господствует «Газпром», то в **заповедной** части Северного Каспия (этой последней цитадели осетровых на планете Земля) добывает нефть «ЛУКОЙЛ». Эти частники извлекают громадные прибыли, а народу остаются отравленные воды и суша. Большая часть Каспия покрыта нефтяной пленкой, губительной для рыбы, тюленей, птиц. Добыча осетровых за последние 20 лет сократилась в 100, а знаменитой каспийской сельди — в 1000 раз! Никакие браконьеры не сравнятся по величине ущерба рыбному хозяйству с этими индустриальными монстрами, которых поощряло государство.

Кого-то винить в этих просчетах не приходится. Человек — не Бог, отдаленных последствий своих действий он предвидеть не может. Волжские ГЭС сыграли свою роль, дали стране электроэнергию, городам и полям воду. Но ныне на первый план выступают другие ценности.

То, как мы обращаемся с нашими водными ресурсами, в мире часто воспринимается как преступление против человечества. Положение с обеспечением населения планеты питьевой водой надо охарактеризовать как ужасное. Сегодня каждому пятому (а по другим данным — каждому третьему) человеку на Земле не хватает воды, и дальше положение будет только ухудшаться: численность населения растет, расширяется промышленное и сельскохозяйственное производство, а источники водоснабжения истощаются и загрязняются. Россия по размеру водных ресурсов занимает второе место в мире после Бразилии, и мы пока этой вселенской жажды не ощущаем.

Виктор Данилов-Данильян, директор института водных проблем РАН, говорит: *«Перед 2025 годом наступит глобальный водный кризис. Доступная вода останется в 3–4 странах мира. Это Россия, Бразилия, Канада, Австралия. А больше свободной воды нигде не будет. Она будет разобрана вся до капли».*

И если на Западе много говорят о необходимости «интернационализации» российских месторождений полезных ископаемых, то к нашим запасам пресной воды это требование относится в еще большей степени. При этом к нашей стране предъявляются и территориальные претензии, причем преимущественно на районы, слабо нами

освоенные. Даже в страшном сне нельзя представить себе, что, например, Сибирь и Дальний Восток с их огромными запасами пресной воды отойдут к другим странам, а россиянам останутся в качестве источников питьевой воды те самые до предела зарегулированные и загрязненные реки Европейской части России, где «вода давно уже не H₂O».

Потребление воды промышленностью громадное (на производство 1 тонны стали расходуется 20 кубометров или тонн воды), и оно у нас на единицу продукции часто бывает в разы больше, чем в передовых странах Запада. Да и в быту — та же картина. Чтобы побриться безопасной бритвой, американцу достаточно стакана воды, нашему мужчине — ведро. Только в нашей стране хозяйка на кухне, чистя у раковины картошку, болтает с гостей — а вода все это время льется непрерывной струей. Немец всякий раз прикидывает, принять ли ему сегодня ванну — это стоит столько же, сколько и новая пара ботинок. Англичанин затыкает пробкой раковину, наливает в нее немного воды и так умывается. В некоторых семьях в Израиле даже воду в туалете спускают один раз в сутки — перед отходом ко сну. Сколько раз наши соотечественники попадали в трагикомическую ситуацию в Японии: поселившись в гостинице, они от души плескались с дороги в ванне, а потом с изумлением читали счет за воду, съедающий всю их наличность валюты. (Вообще-то то же можно сказать и о том, как мы пользуемся газом и электричеством. Нас не удивляет, что порой на кухне горит газ, чтобы потом не расходовать лишнюю спичку. И модные светильники у нас светят не туда, куда должны бы светить, а в потолок, — ведь нам нужен «рассеянный свет». Ну, а окна в наших домах будто специально так и проектировались, чтобы зимой обогревать улицу.)

Вода в России почти ничего не стоит, в отличие от Европы и Америки. Вероятно, поэтому средний россиянин тратит в день больше 220 литров воды, житель Подмосковья 400 литров. Это в наши дни непозволительная роскошь.

Вода уже совсем скоро станет дороже нефти, говорят, продавать ее будут по цене шампанского. По словам Бориса Грызлова, уже сейчас экспорт чистой питьевой воды может быть *«третьим после нефти и газа источником сырья, который мог бы приносить доходы бюджету»* («АиФ», 2008, №8). А в перспективе он, видимо, мог бы стать главным источником валютных поступлений в казну — «ры-

---

нок сбыта» этого «сырья» колоссальный. При этом, если одни виды энергии могут быть заменены другими, то воду — это непереносимое условие жизни — ничем заменить никогда не удастся. Поэтому ценность воды нельзя измерять в деньгах, это — сверхценность XXI века, и задача коренного улучшения использования наших водных ресурсов — это не только наше внутреннее дело, но и выполнение долга перед человечеством. А восстановление качества воды должно стать приоритетной задачей, при решении которой главными должны быть не экономические соображения.

Извлекая уроки из прошлого, важно не повторять новых ошибок. Так, нужно еще раз просчитать последствия возобновляемого строительства Эвенкийской (Туруханской) ГЭС. Чубайсу и губернатору Красноярского края Хлопонину важно получить дополнительную электроэнергию и новые прибыли. А затопление практически всей территории обитания коренного населения, ликвидация оленеводства, погружение под воду многих месторождений ценнейших полезных ископаемых, опасность размокания радиоактивных отходов от проводившихся там ранее подземных ядерных взрывов (эти отходы законсервированы в вечной мерзлоте), — все это разве не нужно принимать в расчет?

Тем более осторожно надо подойти к решению вновь поднимаемого (особенно Ю.М. Лужковым) вопроса о повороте сибирских рек в Среднюю Азию.

Нужно исправлять допущенные ранее ошибки. Как быть с каскадами ГЭС на наших великих реках?

Одни специалисты считают необходимым спустить все водохранилища и восстановить свободное течение рек (необходимое количество электроэнергии можно получать за счет устройства каскадов уже показавших свою эффективность бесплотинных ГЭС на притоках). Но Алексей Яблоков указывает, что в придонных слоях накоплено несметное количество ядовитых отходов, и если они выйдут из-под воды, то отравят все вокруг. Если уж спускать водохранилища, то надо предварительно покрыть дно специальной пленкой. Рыбу это окончательно погубит, но даст возможность постепенно оздоровить воду.

Другие специалисты, в частности, профессор А.Авакян из Института водохозяйственных проблем РАН, считают, что разрушение сформировавшейся геоэкологической системы — такое же варварство, как и строительство когда-то водохра-

---

нилищ без учета экологических последствий. Необходимо запрещение слива в реки недостаточно очищенных стоков, осуществление акваториального районирования, планировка и обустройство водохранилищ и т.п.

По словам министра природных ресурсов РФ Юрия Трутнева, заключено соглашение с Байкальским целлюлозно-бумажным комбинатом, который обещал перейти на замкнутый водооборот, чтобы не сбрасывать сточные воды в Байкал. В случае невыполнения этого требования в установленный срок комбинат будет закрыт. И так нужно поступать с каждым предприятием: если реконструкция очистных сооружений не сделана в согласованный срок — предприятие закроют. Грязные производства в России не имеют будущего. Тот, кто хочет производить товары и зарабатывать деньги, прежде обязан подумать, как сделать предприятие чистым («АиФ», 2008, №8).

Уж раз речь зашла о Байкале, за «спасение» которого общественность борется более полувека, не могу не вспомнить один эпизод из истории моего участия в этом благородном деле. Где-то в середине 1960-х годов в московском Доме ученых проходил вечер общественности в защиту Байкала, вел его мой однофамилец, известный авиаконструктор Антонов. Я тогда еще почитывал Маркса, особенно мне нравились его филиппики против «частичного человека», раба разделения труда, и мне хотелось выступить на этом вечере, но я сознавал, что слова мне там не дадут: и звания солидного нет, и репутация возмутителя спокойствия за мной уже прочно закрепилась. Когда почтенные академики и писатели-лауреаты выступили (естественно, все «в защиту Байкала»), председательствующий, желая соблюсти все демократические формальности, произнес:

«Ну, что же, все сторонники спасения Байкала выступили. А есть ли желающие его погубить?» «Есть!» — выкрикнул я. И пока ошеломленный председатель не опомнился, я уже был на трибуне. Речь моя по необходимости была краткой, здесь передам ее еще короче:

«Вы хотите спасти Байкал, но у вас ничего не получится. Посмотрите, что вы сделали с Волгой, Днепром, Доном, Ангарой! Частичный человек, профессиональный идиот не может созидать иначе, как разрушая и отравляя все вокруг. И пока вы, защитники Байкала, как и проектировщики и строители — его погубители, остаетесь профессиональ-

---

ными идиотами, все в стране будет идти тем же самым чередом. Вам, ученым, надо создавать новую науку, адекватную окружающему миру и способную решать сложные экономические проблемы с народнохозяйственных и нравственных, а не с корыстно-ведомственных позиций. Вы должны были воспитать разносторонне образованных создателей, а не узких специалистов, подобных вам. Вы не справились с этими задачами, даже не осознали их, и подменяете свои дела разговорами вроде сегодняшнего...»

Последние мои слова потонули в буре возмущения, какой, вероятно, стены Дома ученых не видели со дня своего возведения. Я быстро сошел с трибуны и вышел в первую же дверь, но за мной устремилась толпа разъяренных «защитников Байкала». Даже не пытаюсь вообразить, что было бы со мной, если бы они меня догнали. Но вдруг в толпе раздался женский голос: «А, может быть, он прав?!» Наблюдать наступившую немую сцену я не стал — и удалился. А рассказал об этом не из-за одного только желания вспомнить дела минувшие. Если иметь в виду не форму выступления, а суть дела, то я и сегодня стою на тех же позициях. Современной общественной, в том числе и экономической, науки у нас до сих пор нет, и в деле созидания страны мы пока еще очень часто проявляем себя «профессиональными идиотами», хотя от теории Маркса вроде бы давно отказались.

Страна-свалка, страна-помойка

Безнадежно отстали от требований времени не какие-то отдельные технологии, а вся современная организация производства. Разве может человечество и дальше мириться с такими технологиями, при которых из 100 тонн изымаемой из недр Земли массы в дело идут только 4, в лучшем случае 6 тонн, а все остальное представляет собой отходы? Подсчитано, что в нашей стране в отвалах накоплено более 80 миллиардов тонн твердых отходов — почти по тысяче тонн на каждого взрослого россиянина. И к этим Монбланам отходов ежедневно цивилизованные россияне добавляют еще горочку не прошедших сортировку отходов — пищевых, разной тары и пр. Особенно возрос этот поток с переходом к рыночной экономике и поступлением на наш рынок импортной продукции, которая восполняет ущербность качества яркой и обьемистой упаковкой, к чему, например, московские служ-

---

бы уборки мусора оказались совершенно не готовы. Такого наращивания «культурного слоя» не допускают даже дикари.

А что такое свалка? Это выключенная из оборота, часто очень дефицитная земля, очаг зловония и всякой заразы, к тому же отравляющий подземные воды. А ведь отходы на 80—90 процентов состоят из ценных продуктов, которые могут быть извлечены и вновь пущены в хозяйственный оборот.

На Западе, конечно, с отходами обращаются бережнее, бытовой мусор жители сортируют и кладут в разные контейнеры (пищевые отходы — в один, стекло — в другой и пр.). Повторное использование отходов постепенно возводится в ранг промышленной политики. Но все же и там большая часть мусора сжигается, хотя это чревато своими тяжкими экологическими последствиями (после сжигания 1 тонны мусора остаются 300 килограммов высокотоксичной золы, содержащей тяжелые металлы). Из-за этого в последнее время мусоросжигательные заводы закрываются, а их технологии продаются в отсталые страны. Особенно охотно закупают ее российские чиновники (видимо, немалую роль тут играют пресловутые «откаты»). Три таких новых завода намечено построить и в Москве. А между тем именно в России разработан не просто наиболее совершенный способ переработки твердых бытовых отходов, а молекулярный реактор, знаменующий собой, как говорят эксперты, прорыв, окно в новую цивилизацию.

Реактор, аналога которому нет в мире, создан русским изобретателем Владимиром Петровичем Комаровым и представляет собой печь, в которой ничего не горит (следовательно, она и ничего не выбрасывает в атмосферу), там происходит химическая реакция пиролиза. (Печь, если нет для нее подходящего земельного участка, может располагаться в автофургоне или на барже и передвигаться от одной свалки к другой.) Мусор, попадающий в реактор, испаряется, образуя синтетический газ, на чем машина и работает. Небольшое количество электроэнергии необходимо лишь для запуска агрегата. Основной объем газа закачивается в резервуары-приемники, это — готовое горючее для автотранспорта или для отопления зданий... Часть содержимого мусора растворяется и оседает вниз. В остатке могут содержаться (в зависимости от характера мусора) дорогостоящие сплавы металлов...

Реактор Комарова испытан, результаты отличные, о чем не раз писала газета «Деловой вторник» (25.07.06 и др.).

Облучаемся!

Среди отходов, отравляющих природную среду России, особую опасность представляют радиоактивные вещества — продукты работы атомных электростанций, испытаний ядерного оружия и пр. Их тоже накоплено такое количество, что если они выйдут за пределы хранилищ (а такая опасность все более нарастает), то отравят все живое на Земле. Даже в Москве насчитывается более 1,5 тысяч радиационно опасных мест. А что сказать о местах, где шла переработка ядерных отходов в военных целях — комбинате «Маяк» в Челябинской области, в Северске (под Томском) или Железногорске (возле Красноярска), где отмечается жуткое радиационное загрязнение.

По словам Алексея Яблокова, «в Красноярске труба из подземных реакторов с радиоактивными отходами выходит прямо в Енисей. Во всей округе большой уровень раковых заболеваний, а вниз по Енисею, на 1000—1500 километров... заражена вся рыба. Вплоть до Северного Ледовитого океана в пойме Енисея прослеживается плутоний!

В Томске... городской водозабор находится в опасной близости от радиоактивной линзы, которая распространяется. Местные власти очень обеспокоены тем, что через несколько лет водохранилище начнет засасывать отходы, и тогда — катастрофа! Весь миллионный город посадить на привозную воду, что ли? Так это же огромные деньги.

Хранилища «Маяка» выбрасывают радиационные отходы... прямо в озера... Теченский каскад водоемов — одна из самых больших угроз национальной безопасности России. Там миллионы кубометров радиоактивной воды. На одиннадцатом водоеме стоит земляная плотина. Если она рухнет, все воды пойдут в Тобол, потом в Обь. Каждую весну Гидромет, Госатомнадзор и Минатом дрожат — не дай бог, уровень воды поднимется выше уровня плотины. А наши атомщики хотят построить атомную станцию около этих водоемов, чтобы она испаряла загрязненную воду. Но никто не знает, какие будут последствия и куда денутся эти испарения!

Минатом создает проблем больше, чем решает! Они действуют только в своих собственных интересах, не в интересах страны и ее народа. По закону 2001 года, разрешаю-

---

щему ввоз ОЯТ (отработанного ядерного топлива), примерно четверть средств, поступающих от него, должна идти на экологию. Однако под «экологией» Минатом подразумевает новые атомные станции!»

Мало нам своих радиоактивных отходов, Минатом жаждет (за деньги!) ввозить их из-за рубежа, устроить у нас их всемирное хранилище! «Это выгодно только небольшой группе людей, которые будут причастны к этому бизнесу... Когда в Думе шло утверждение этих законов, депутаты получали конверты... 93 процента населения России «против», а 90 процентов депутатов «за» («МК», 15.07.04).

Превращаем землю в пустыню!

Бедой, от которой страдает все человечество, стала деградация почв, истощение их естественного плодородия, эрозия и отравление различными химикатами. В России при власти либералов к этой давней болезни добавилось сокращение площади сельскохозяйственных угодий (из-за разорения коллективных и индивидуальных хозяйств), которые заболачивались или зарастали кустарником, кое-где уже и лесом.

Как говорит президент Национального фонда сберегающего земледелия Людмила Орлова, «традиционные технологии являются не только высокочрезмерно затратными, но и приводят к снижению плодородия почвы за счет потери почвенного углерода. Что, в свою очередь, ведет к падению урожайности. Российский показатель средней урожайности зерновых пока ниже среднемирового на 70 процентов (!)... Происходит двойное истощение почвы: во-первых, не вносятся минеральные удобрения и потому урожайность достигается за счет распада органического вещества, во-вторых, это органическое вещество уничтожается при вспашке... Посредством технологий сберегающего земледелия можно успешно бороться с эрозией и деградацией почвы и одновременно повышать экономическую эффективность сельскохозяйственного производства... Если мировые площади под сберегающим земледелием, по оценкам ФАО (Всемирной продовольственной организации. — М.А.), взять за 100 процентов, то в России их всего 0,3 процента...» Под технологиями сберегающего земледелия понимаются, во-первых, ресурсосберегающие технологии (в том числе отказ от вспашки). Во-вторых, точное земледелие, при котором каждое поле

рассматривается как неоднородное по рельефу, почвенному покрову и т.д., и для каждой части поля разрабатывается своя технология обработки («Российская аграрная газета», 2008, №7).

Какая страшная отсталость сельского хозяйства России! А ведь технологии безотвальной пахоты разрабатывались у нас издавна, их отстаивал народный академик Терентий Мальцев, пренебрежение ими тяжело отразилось на поднятой в 1950-е годы целине. А точное земледелие применялось в Тверской губернии, например, еще в XIX веке, о чем напоминал нам тверской писатель Владимир Петров.

Отравленную химикатами почву не так-то просто вылечить: растущая на ней трава вбирает в себя яды, траву дают на корм скоту, и часть ядов переходит в навоз, который вывозится на поля...

И все же у нас есть все возможности полностью перевести сельское хозяйство на передовые, шадящие природу технологии!

Почва в городах часто бывает загрязнена сильнее, чем в сельской местности. Когда было решено вывести из Москвы Кулковский химический завод и на его месте построить жилой квартал, оказалось, что грунт там пропитался ядовитыми химикатами на глубину до 8 метров.

Безлесим Россию

Хищническое истребление российских лесов — давняя проблема. Еще Достоевский сокрушался: *«Теперь безлесят Россию, истощают в ней почву, обращают в степь и готовят ее для калмыков. Кто это делает? Купечество, скупающее землю, и старинное дворянство — помещики... Идея о детях, идея об отечестве, о будущем идеале — все эти идеи не существуют, разбиты, подкопаны, осмеяны... Но человек, истощающий почву с тем, чтоб «с меня только стало», потерял духовность и высшую идею свою. Может быть, даже просто не существует». И эти «несуществующие люди» не могли понять суть процесса и сделать вывод уже чисто экономический: «А без лесов ведь и финансы понизятся в страшном размере...»*

Такие явления свидетельствовали о забвении судеб страны ради сиюминутной выгоды, о несовместимости частной собственности с интересами нации и государства, об угрозе нового рабства для народа России, прежде всего для ее крестьянства:

---

*«Вот Россию безлесят, помещики и мужики сводят лес с каким-то остервенением. Положительно можно сказать, что он идет за десятую долю цены, ибо — долго ли потянется предложение? Дети наши не успеют подрасти, как на рынке будет уже в десять раз меньше леса. Что же выйдет, — может быть гибель. А между тем, подите, попробуйте сказать что-нибудь о сокращении прав на истребление леса и что услышите? С одной стороны, государственная и национальная необходимость, а с другой — нарушение прав собственности. Две идеи противоположные... Вон жида становятся помещиками — и вот, повсеместно, кричат и пишут, что они умерщвляют почву России, что жид, затратив капитал на покупку поместья, тотчас же, чтобы вернуть капитал и проценты, иссушает все силы и средства купленной земли. Но попробуйте сказать что-нибудь против этого — и тотчас же вам возопят о нарушении принципа экономической вольности и гражданской равноправности. Но какая же тут равноправность, если тут явный и талмудный *Status in statu* («государство в государстве») прежде всего и на первом плане, если тут не только истощение почвы, но и грядущее истощение мужика нашего, который, освободясь от помещиков, несомненно и очень скоро попадет теперь, всей своей общиной, в гораздо худшее рабство и к гораздо худшим помещикам — к тем самым новым помещикам, которые уже высосали соки из западнорусского мужика, к тем самым, которые не только поместья и мужиков теперь закупают, но и мнение либеральное...»*

И далее: *«Уничтожается природа. Уничтожается впечатление гармонии целого в природе».*

В чем же Достоевский видел причины неблагополучного хода жизни России? Во-первых, это торгашество (термина «рыночная экономика» тогда еще не существовало) и его синоним «жидовство», и, во-вторых, низкопоклонство высших слоев российского общества перед Западом.

Достоевский пояснял что выражения «жид», «жидовство» не относились им только к евреям, а лишь обозначали известную идею, понятие, направление, характеристику века, когда *«чуть-чуть не весь нынешний мир полагает свободу в денежном обеспечении и в законах, гарантирующих денежное обеспечение...».* Этому греху подвержены и иудеи, и православные, и Достоевский писал о *«жидах, христианских и нехристианских...»*

Но Достоевский не стеснялся говорить и о том, что именно евреи наиболее активно способствовали распро-

---

странению в мире этой идеологии и практики торгашества (об отношении писателя к «еврейскому вопросу писали много раз).

Сатирический образ такого «несуществующего человека», который подрывал самые основы жизни «людей существующих», создал Салтыков-Щедрин, описав проект *«О предоставлении коллежскому советнику Порфирию Менандрову Велентьеву... в беспошлинную двадцатилетнюю эксплуатацию всех принадлежащих казне лесов для непременно оных, в течение двадцати лет, истребления»*. Такого новоиспеченного финансового гения мог превзойти только тот, кто выступил бы с проектом уже *«повсеместного опустошения»*. Похоже, именно такую цель и поставили перед собой российские либералы 1991—2008 годов.

О разбое, царившем в этот период в лесном хозяйстве России, написаны тысячи статей. Хотя внешне с лесами в стране обстоит благополучно: на долю России приходится четверть всех лесов планеты, лесом покрыто две трети ее территории. И это лесное богатство используется всего на 22 процента: ежегодный прирост древесины составляет 920 миллионов кубометров, а вырубается всего 181 миллион. Но прирост приходится в основном на отдаленные районы, где нет ни жилья, ни удобных путей сообщения, а вырубка, причем хищническая, ведется в зоне доступности железных и автомобильных дорог и судоходных и сплавных рек.

Леса Сибири и Дальнего Востока вырубались, в основном частниками, незаконно, и необработанный «кругляк» за копейки отправлялся в Китай, Корею или Японию, леса Карелии служили дешевой сырьевой базой для лесоперерабатывающей промышленности Финляндии. А мебель Россия закупала за границей, в том числе и странах, куда она продавала лес. Необъятная Россия за свои лесные богатства выручает в десятки раз меньше денег, чем та же маленькая Финляндия.

Особенно варварски леса уничтожались там, где они сдавались в аренду иностранцам. Те вывозили не только стволы деревьев (особенно охотясь за кедром и другими ценнейшими породами), но использовали и ветки, и кору, и хвою, выдирали корни, так что после них оставался безжизненный лунный пейзаж, и на рекультивацию этих земель уйдут десятилетия.

Беспощадному истреблению подверглись в годы либерального правления леса Подмосковья и возле других

крупных городов, где освобождались площадки для сооружения вилл и дачных поселков новых «хозяев жизни».

А ведь истребление лесов влечет за собой обмеление рек, утрату мест сбора ягод и грибов, обеднение флоры и фауны, уменьшение притока чистого воздуха, обезображивание пейзажей.

Нередко доходит дело до того, что вырубаются леса в городах. Даже в Москве частники все время покушаются на городские парки и заповедные леса, в Петрозаводске предполагается вырубить единственный крупный лесной массив ради строительства на освобожденном месте крупного торгового центра («Правда», 20.03.08).

Приведем страну в порядок!

Видов и способов разрушения окружающей среды множество. Миллионы жителей городов страдают от шума, создаваемого автотранспортом, воздушным транспортом, производственными процессами. Сильный шум может вызывать болезни вплоть до инфарктов (особенно разрушителен постоянный шум, которого человек не замечает, потому что «привык»). Специалисты говорят даже о «зрительном загрязнении» городов, когда убогая архитектура серьезно влияет на самочувствие, и это вредит здоровью людей. Всех этих бед не перечислить, ясно одно: надо решительно менять экологическую обстановку в стране.

Кое-что в этом отношении начали делать в 2008 году. Вернусь к выступлению Грызлова на встрече думцев с Путиным. Там было сказано о федеральной программе «Чистая вода». Она *«включает в себя много аспектов: очистка воды в системе водоканалов, доставка воды к местам проживания, обязательное создание фильтров, которые будут поставлены в каждом многоквартирном доме, на каждый подъезд и так далее. Разговор также идет о бутилированной чистой воде, которая, к сожалению, сегодня... на 50 процентов фальсифицирована в продаже»*.

Даже простая очистка воды (чаще всего — путем хлорирования, хотя что такое превышение содержания хлора в воде, почувствовали сотни посетителей аквапарка в Санкт-Петербурге, попавшие после купания в больницы), как уже говорилось, может увеличить продолжительность жизни россиян на 7 лет. Еще больший эффект дает внедрение современной инновационной системы очистки — без использования хлора. В ней пропущенная через фильтр

с наносорбентом вода обеззараживается и по своему минеральному составу становится похожей на родниковую. А главное — по технологии, созданной академиком РАЕН Виктором Петриком, из воды удаляются тяжелые и радиоактивные изотопы, что делает ее по-настоящему целебной. Вода, которая не будет содержать дейтерия и трития, скорее всего, удлинит человеческую жизнь на десятки лет. Ибо вода — основа жизни, мы состоим из воды. Такая технология уже третий год работает в Череповце, и местный «Водоканал» впервые в России разливает эту чистейшую питьевую воду в бутылки. Петрик уже разработал программу обеспечения чистой водой в масштабе всей страны.

По указанию губернатора Сергея Митина, в Новгороде фильтрами Петрика оснащены 350 социальных объектов (школы и др.). Заболеваемость детей после установки этих фильтров уменьшилась на 40 процентов.

Какая бы хорошая вода ни вытекала из очистных сооружений — водопроводная сеть любого крупного города проложена десятилетия назад, и легко представить, что течет по тамошним трубам. В целом по стране лишь один процент проб питьевой воды (не на станциях очистки, а из кранов в квартирах потребителей) полностью соответствовал международным стандартам. Даже в Москве воду из крана во многих домах можно пить только после кипячения.

Специалисты резонно задают вопрос: «А надо ли доводить всю воду до природного состояния, затрачивая на это огромные средства?» Ясно, что к воде для питья и к воде для смыва унитаза в отношении ее чистоты должны предъявляться разные требования. Поэтому необходимо не только заменить старые, проржавевшие трубы на новые (например, на полимерные), но и создавать системы отдельного питьевого водопровода.

Далее на встрече думцев с Путиным Грызлов говорил о необходимости *«решать вопросы по очистке от жидких радиоактивных отходов. Это задача важна и экологически. Думаю, что те районы, в которых сосредоточены эти отходы, в частности, Челябинская область, Теченский каскад, ряд других территорий, имеют право жить в благополучной экологической обстановке»*.

Но эти и другие вопросы экологии были пока еще только поставлены, а не решены. И правильно решить их невозможно, пока не будут выявлены коренные причины

экологического неблагополучия в стране и в мире. И надо заметить, что некоторые российские борцы за здоровую природную среду близко подошли к пониманию этих причин.

Врач и эколог Б.М.Ханжин, сообщивший приведенные выше данные о загрязнении Каспия, высказал и свое мнение о путях исправления катастрофического положения:

«Северный Каспий — это мирового значения уникальнейший нагульный водоем. Совершенно ясно, что совместить в одном месте нагул высокоценной рыбы, в первую очередь осетровых, и добычу нефти на акватории Северного Каспия невозможно, даже при самых современных технологиях.

А вот если прекратить загрязнять Каспий и воды ма-тушки Волги (как и других рек, впадающих в Каспий), если сегодня выгнать с Северного Каспия нефтяные компании и не допускать промысловый лов осетровых в море, как это было до недавнего времени, и восстановить государственную монополию на добычу, производство и продажу рыбной продукции, то от реализации одной только черной икры вос-крешенного таким образом осетрового стада страна могла бы получать прибыль в 3,5 — 4 миллиарда долларов в год (в ценах 70-х годов XX века), что гарантировало бы жителям волжских берегов изобилие их обеденного стола, улучшение здоровья и полное обеспечение энергоресурсами и недостаю-щим сырьем... на протяжении всего того времени, пока на Земле сохраняется жизнь. Какая добыча серы, газа или не-фти может сравниться с такими головокружительными поступлениями в казну? А ведь запасы газоконденсатного сырья в Прикаспийской низменности исчерпаются через 30, максимум 49 лет, уйдут «ЛУКойлы», оставив после себя экологическую пустыню».

По мнению Ханжина, для изгнания компаний-хищни-ков с Каспия не потребуется даже использовать админи-стративный ресурс:

«А пока, до того, как вся эта нефтехимическая нечисть не будет изгнана из Волго-Каспийского региона, Чубайс дол-жен платить за то, что лишили рыбы родильные дома и нарушают режимы пропусков волжской воды через гидро-электростанции на Волге. А «ЛУКойл» и другие нефтяные хищники, набросившиеся на Каспий, по всем законам обяза-ны платить за вызванные ими загрязнения и нанесенный ущерб биосреде Волго-Каспийского региона. Вся эта нефте-газовая камарилья должна заплатить за гибель биологичес-

---

ких ресурсов Волги и Каспийского моря и компенсировать утраченную добычу богатейшего мирового значения водного бассейна. «ЛУКойлам» придется многие десятилетия отрабатывать, чтобы оплатить нанесенный ими ущерб».

Действительно, стоит лишь представить, как «ЛУКойлу» предъявят счет хотя бы только на те 3,5—4 миллиарда долларов, которые стоит погубленная ими икра осетровых, чтобы понять, что компании-хищники сразу же сами убегут из региона. Значит, задача в принципе разрешима: хищники должны не символические штрафы платить за причиненный ими ущерб природе и смежным отраслям хозяйства, а возмещать реальную стоимость убытка.

«Где он, экономический расчет? Отчего поражены близорукостью правительство и парламент Российской Федерации?»

Несколько лет назад довелось мне знакомиться с трудом нашего соотечественника Берестенко (к сожалению, забыл его имя и отчество, а записная книжка тех лет не сохранилась). Он в дополнение к категории «товар» ввел категорию «антитовар», которая должна учитывать вред, приносимый производством данного товара. То есть, всякое производство есть не просто производство товаров, как это считается в политической экономии, но и производство антитоваров, и стоимость продукции предприятия должна определяться как разность исходной стоимости товара и стоимости антитовара. Это была стройная теория, которая рассматривала различные ситуации, в том числе, например, экспорт антитовара из стран Запада в Россию, который мы не учитываем, хотя он представляет для нас прямой убыток. Не знаю, удалось ли автору где-нибудь опубликовать свою работу, получила ли она одобрение или хотя бы оценку директивных органов. По моему мнению, это был очень серьезный прорыв в экономической науке, особенно важный именно для решения проблем экологии. На основе этой теории можно было бы проводить те расчеты, о которых мечтает Ханжин. Но этого пока нет, и такие борцы за сохранение природы, как Ханжин, приходят прямо-таки к апокалиптическим выводам:

«Может, и вправду страшно таинственные и всемогущие силы решили уничтожить Россию и все живое в Волго-Каспийском бассейне? Или сам Бог решил приблизить конец света?»

«ЛУКойл» и другие нефтяные, в том числе и иностран-

ные, компании вычерпают нефть и уйдут, оставив после себя невозстановимое для жизни, опасное для всего живого пространство. Слишком поздно мы поймем, что деньги и нефть употреблять в пищу нельзя. Вместе с уничтоженной рыбой погибнем и мы, и даже проклясть нас будет некому».

И Ханжин подводит итог своим рассуждениям, высказываясь о причинах этого безумия:

«Корень зла всех этих отступлений от Конституции, однако, состоит в том, что все мировое сообщество живет и работает в условиях рынка, т.е. в условиях жесточайшей конкурентной борьбы сошедших с ума волчьих (правильнее сказать — крысиных) стай. Ибо согласно выводам международных экологических конференций и форумов, и как о том свидетельствуют исследования ряда лауреатов Нобелевской премии по экономике, основным орудием разрушения Природы и социальной гармонии среди людей является современная финансово-экономическая система, заразившая подобно СПИДу весь мир. Императивом времени является требование на втором Нюрнбергском процессе немедленно осудить и тотчас запретить как преступление против человечества современную финансово-экономическую рыночную систему. Этого требует... сама природа. В противном случае в ближайшие 20 — 30 лет деградация человека как биологического вида может стать необратимой. Генетическая деградация человечества уже началась».

Редкий врач или эколог поднимается до такого уровня обобщения причин нашего надругательства над природой, над самими основами разумного строя жизни, как это удалось Б.М.Ханжину. Да, мировая финансово-экономическая рыночная система, конкуренция, а в конечном счете — частная собственность на средства производства, выражением которой и служит рынок, — вот что губит природу, мешает человеку заглянуть за дела сегодняшнего дня, задуматься о будущем, а тем более о вечном, в конечном счете делает человечество безумным и обрекает его на самоуничтожение. И эти слова врача-эколога звучат как приговор капиталистической системе и разным ее пережиткам, отравляющим жизнь людей в капиталистических, посткапиталистических и постсоциалистических формациях. И сегодня, как и 150 лет назад, остается справедливым вывод Маркса: капитализм развивает производительные силы, но лишь таким образом, что подрывает главные условия производства: землю и рабочего, природу и человека.

Еще раньше, в 1984 году, сходные мысли в высокохудожественной форме, особо отмечая мертвящее воздействие мира торгашества на людские души и долг честного человека противостоять этому, высказал поэт Анатолий Передреэв:

*Все беззащитнее душа
В тисках расчетливого мира,
Что сотворил себе кумира
Из темной власти барыша.*

*Все обнаженной его суть,
Его продажная основа,
Где стоит все чего-нибудь,
Где ничего не стоит слово.*

*И все дороже, все слышней
В его бездушности преступной —
Огромный мир души твоей,
Твой гордый голос неподкупный.*

*Звучи, божественный глагол,
В своем величье непреложный,
Сквозь океан ревущих волн
Всемирной пошлости безбожной...*

*Ты светлым гением своим
Возвысил душу человечью,
И мир идет к тебе навстречу,
Духовной жаждою томим...*

Проблема эта — всемирная. Сегодня уже пора осознать, что сохранение биосферы, самой жизни на Земле должно стать предметом сознательных и целенаправленных усилий всего человечества. Посмотрим сначала, как обстоит дело с этим «у них», на Западе, а потом вернемся к коренным причинам экологического неблагополучия в своем Отечестве.

Поможет ли нам опыт Запада?

Запад, каким он сложился в наши дни, на первое место ставит требования жизненного комфорта и, естественно, благоприятной экологической обстановки в своих стра-

---

нах. Он добился в этом отношении значительных успехов. В Великих озерах США, прежде напоминавших сточную канаву, в водах Рейна, ранее сильно загрязненного, появилась рыба. С переводом промышленных предприятий и тепловых электростанций с угля на газ (получаемый Европой в значительной мере из России) стал чище воздух в городах. (Зато Россия, чтобы высвободить больше газа на экспорт, переводит свои ТЭЦ с газа на уголь.)

Деятели Запада любят укорять россиян: дескать, ваши люди дико ведут себя в отношении природы, бросают мусор на улицах и в пригородах. У них, у «цивилизованных», никто не бросит бумажку мимо урны, так уж они воспитаны, к тому же подобный проступок наказывается солидным штрафом. *«Русские, вашу природу надо спасти от вас самих...»* — восклицают они.

Однако в соответствии со своей хищнической природой Запад не ставит задачу оздоровления экологии планеты. США, например, не присоединились даже к Киотскому протоколу, предусматривающему сокращение вредных выбросов в атмосферу. По большей части остались на бумаге и основные решения Всемирной конференции по охране окружающей среды 1992 года в Рио-де-Жанейро. Хищник не может преодолеть свой эгоизм и подняться до осмысления общечеловеческих интересов. Страны Запада максимально улучшают условия жизни у себя дома, но не уничтожают вредные производства, заменяя их на более щадящие природную среду, а выносят их в страны «третьего мира» (и в Россию). То, что мир един, а потому нельзя остаться в безопасности, отгородившись от него границами и таможенными постами, — до сознания не только рядовых граждан, но и интеллектуалов и лидеров стран аккуратного и лицемерного Запада доходит с большим трудом.

Создается впечатление, что уму германских народов, особенно англосаксов, присущ какой-то органический порок, мешающий им воспринимать мир таким, каков он есть. Пока Запад был на подъеме, создавал колониальные империи, ощущал, пусть и в людоедской форме, свою цивилизаторскую миссию в мире («бремя белого человека», по Киплингу), эта ущербность англосаксонского ума не так бросалась в глаза, хотя и тогда там зарождались безумные идеи, вроде теории происхождения видов Дарвина. (Эволюция, выживание сильнейших, а часто хитрейших, — это факт, но никто еще не зафиксировал воз-

---

никновение при этом нового вида.) В наши дни очень популярна теория Хантингтона о столкновении цивилизаций. У него цивилизации — это монады, сталкивающиеся, но не взаимодействующие. Но сейчас, когда человечество оказалось на краю пропасти и необходимы общие усилия для его спасения, англосаксы проявляют такую степень умственного оскудения, что поневоле приходит мысль: они объективно скатываются на положение «низшей расы» (может быть, это судьба наказывает их за то, что в недалеком прошлом они другие народы считали «недочеловеками»?).

Страны «золотого миллиарда», считающие уровень потребления материальных благ самым важным показателем достигнутого прогресса, стремятся этот уровень повысить. Отсталые страны, например, африканские, завидуют народам-счастливым и хотели бы жить так же сытно и комфортно, как и они. Пока им приходится просто выживать, их больше занимают собственные межплеменные конфликты, чем глобальные проблемы, и им не до высоких материй и философских рассуждений.

Глобальные задачи можно правильно решать только при условии обладания глобальным мышлением. На сегодняшний день оно присуще только русскому уму, который есть прежде всего ум здравого смысла (в минуты эмоционального возбуждения нас часто бросает из крайности в крайность, но в повседневной жизни мы все же люди трезвого ума). Русская культура выходит на авансцену мировой истории, как об этом говорилось в предыдущей главе, и именно нашему народу, видимо, придется возглавить борьбу за спасение человечества. И дело здесь не в одной только культуре. Наш народ — это «народ Общего Дела». Только русский народ, особенно в советский период своей истории, накопил огромный опыт великих (исторического значения) дел, выработал социальные технологии мобилизации громадных людских масс на решение задач, которые казались всему миру нерешаемыми.

Правда, в экологическом отношении мы, ради выживания страны проводя форсированную индустриализацию и решая задачи обороны, запустили Россию. Но теперь, обеспечив свою безопасность в военном отношении и осознав степень экологических угроз, можем с той же энергией, с какой решали задачи индустриализации и обороны, взяться и за преобразование России, превращения ее в самую привлекательную для жизни страну. И в

международном плане России, а не какому-нибудь Римскому клубу, должна принадлежать инициатива в постановке глобальных задач в области экологии. А у Запада можно заимствовать отдельные технические решения для улучшения экологии, но не его подход к проблеме в целом.

Созидать, но не считать себя Богом

Сам же Маркс внес уточнение в свой названный выше закон (о губительном характере капиталистического прогресса), отметив, что человек оставляет после себя пустыню, если его деятельность *«не направляется сознательно»*. Но, оказывается, если преобразование природы человеком и направляется сознательно, на основании продуманных проектов (как это было, например, при сооружении каскада ГЭС на Волге), результаты в конечном счете все равно могут быть катастрофическими. И в нашей стране, при плановом хозяйстве, индустриализация, проводившаяся без учета требований экологии, обернулась своеобразной войной промышленных монополий против народа. В итоге многие города и целые регионы России, как мы видели, превратились, по сути, в зоны, непригодные для жизни людей.

Надо принимать судьбоносные решения не в обстановке спешки и руководствоваться при этом неоспоримыми критериями.

Этому вопросу посвящена статья директора лаборатории «Проблем устойчивого развития» Юрия Дмитриева «Демократия с позиций науки» («Независимая газета», 12.04.2000), главные идеи которой изложены следующим образом:

«Сохранение земной цивилизации во времени следует признать критерием истины в последней инстанции. Это позволит создать векторную социальную науку, в которой проблема понятийного аппарата получает решение через ориентацию терминов и понятий на цивилизационный приоритет. Смысл самого познания «для чего» как отличительный признак социальной науки также определяется ориентацией на принятый критерий. Декларирование наукой приоритета выживания земной цивилизации, очевидно, есть не что иное, как продолжение индивидуального инстинкта самосохранения, заложенного в природе человека и предопределяющего его поведение. У человечества же в целом такого

инстинкта не существует, и потому сегодня приоритет выживания индивидуума доминирует над общечеловеческим. И именно это доминирование привело в итоге цивилизацию в экологическую пропасть. Если не удастся провести цивилизационный референдум и согласовать индивидуальный и общечеловеческий приоритеты выживания, человечество обречено на гибель без альтернативы.

В этом контексте необходимо отметить историческое значение ведущих мировых религий. Фактически в условиях отсутствия научной теории именно они провели человечество сквозь темноту истории с помощью нравственных принципов — заповедей, которые не потеряли актуальности и к началу третьего тысячелетия. Однако религия не может дать человечеству теории развития, конституции и законодательской основы общества будущего. Это обязана сделать только наука».

Кстати сказать, сама концепция устойчивого развития, принятая международным сообществом и изучаемая в лаборатории Ю.Дмитриева, подвергается критике, например, в статье Анатолия Грешневикова и Михаила Лемешева «Подоплека «устойчивого развития» («Независимая газета», 02.06.2000). Она не отражает мысль о том, что «виновником угрожающей существованию человечества экологической ситуации в мире является расточительный и разрушительный образ жизни немногочисленной его части — «общество потребления», хищнические законы рынка и что человечество имеет шанс на выживание только в том случае, если в своем развитии откажется от гибельного пути, по которому шел, продолжает идти и который навязывает другим западный мир, представляющий богатое меньшинство человечества.

Реальное содержание концепции устойчивого развития (КУР), как показали события, уже не основывается на приведенных положениях и выводах. Фактически признается развитие дискредитировавших себя рыночных отношений как магистральный путь национального экономического развития и международных экономических отношений. Несмотря на декларации, практически закрепляется курс на увеличение разрыва в уровне жизни богатого меньшинства и бедного большинства. В КУР отсутствуют реальные предпосылки для снятия угрозы существования современной цивилизации, обеспечения потребностей нынешнего и будущих поколений в области развития и сохранения природной среды. Наоборот, Запад использует обеспокоенность мирового

сообщества стремительным ухудшением социально-экономического положения в большинстве стран мира, ростом экологических проблем для усиления своего контроля в развивающемся мире и завоевания господствующих позиций в странах бывшего СССР».

Дело, как видим, не только в том, чтобы освободить страну от власти либералов, — нужно переломить тенденцию, сложившуюся на протяжении по крайней мере трех столетий. А это — задача не только политическая или технологическая, но и мировоззренческая, какие разовым актом, декретом или запретом, не решаются.

Люди создали такие производительные силы (главным элементом которых они сами и являются), что справиться с ними не в состоянии и оказываются жертвами порожденного ими технического прогресса. Значит, люди в массе своей еще мало развиты, едва вышли из животного состояния, пережитки которого еще во многом определяют их интеллектуальный и нравственный облик. Как писал еще Ф.Ницше, культура — *«лишь тонкая кожа над раскаленным хаосом»* звериного начала в человеке.

И тут я снова вынужден обратиться к идеям бывшего президента республики Саха—Якутия Михаила Николаева, которого уже цитировал в начальных главах этой работы. На этот раз я воспользуюсь его статьей «Природа — человеку, человек — природе» («Наш современник», 1995, №6).

Николаев не раз *«убеждался в истинности северного поверья: там, где поселяется человек, земля облагораживается. Даже в наше время выделяют порой человеку бросовый участок, а он построит свой дом, обзаведется хозяйством — и не узнать землю. При этом, чем богаче живет человек, тем богаче вокруг него земля. Особенно хороши якутские оазисы — аласы»*. Напомню, что это — луга, образовавшиеся посреди тайги.

«На аласе одно или несколько рыбных озер, где охотно расселяется водоплавающая дичь. Тайга богата крупным и мелким зверем, птицей, ягодами, грибами. Здесь все как бы уготовано для жизни человека. И якуты с незапамятных времен обживали аласы небольшими поселениями наподобие хуторов. Пастбища на аласе, водопой из озер позволяли содержать значительное количество скота, лошадей, заниматься земледелием... Считалось нормой подкормить зверя, чтобы не покидал свою территорию... Выработанные веками гуманные нормы охоты и рыболовства негласно, но очень жестко регулировали промысел... Словом, на аласе человек

и природа взаимодополняли и обогащали друг друга, достигали той гармонии, истинное значение которой человечество только-только начинает осознавать». Суть этой системы хозяйствования заключалась в создании некоего подобия «вечного двигателя»: алас сохранял возможность обеспеченной жизни людей среди неоскудевающей природы на вечные времена.

Кратко повторю сказанное ранее о навязанном якутам в период индустриализации и «плюс химизации всей страны» стиля хозяйствования, приведшего к разрушению системы аласа. *«Одурманенный бредовой идеей покорения, а не познания и сохранения природы, человек с каким-то злым азартом принялся разрушать Север... С особой жестокостью расправляются с северной землей люди, выросшие в других природных условиях... Рожденная в Центре идея укрупнения деревень сгубила якутский алас. Крестьян из небольших поселений перевели в поселки на несколько тысяч человек... Скот загнали в большие коровники на сотни голов каждый. Результаты новшества сказались сразу: из-за нехватки пастбищ резко сократилось поголовье скота в личных хозяйствах. Коровники стали отравлять почву и водоемы. Ближний лес пошел на дрова — «тайга отступила». Тяжелая техника для доставки кормов и воды изуродовала землю, лес». Разрушена не только система оленеводства, но и образ жизни коренных народов.*

Делалось все это не по злому умыслу, а с убеждением, что отсталым народам Севера несут свет новой жизни и высокую эффективность экономики. Но эти «цивилизаторы» в глазах коренных жителей выглядели невежественными и тупыми варварами. Тех же северян, кто протестовал против насилия над природой и людьми, зачисляли в «буржуазные националисты» со всеми вытекающими из этого трагическими последствиями.

Сейчас уже нет смысла говорить о том, кто был виноват в разрухе, учиненной на Русском Севере. Нужно осмыслить уроки прошлого и заложить основы разумного хозяйствования на будущее. И тут может помочь следующий тезис Николаева: *«Северный человек раздвинул границы своего миропонимания от аласа, урочища до планетарного масштаба». И этому новому миропониманию не грех поучиться остальному человечеству.*

«Мы чувствуем, — продолжает Николаев, — что придет время, когда удастся в полной мере оценить и определить не только экономическую, но и нравственную сто-

---

имость нашего территориального пространства». В частности, надо взять на вооружение якутский опыт выделения резервных территорий — «этих естественных безотходных суперэкологических систем очистки природы, своего рода банков уникальных экосистем для очистки разрушенных человеком природных комплексов. Наши люди имеют естественное право на здоровую жизнь в гармонии со здоровой природой». Поэтому экологические преступления надо рассматривать как нарушение самых фундаментальных прав людей. И люди «всячески будут добиваться исполнения своих прав, ибо у них другого способа выжить не существует... Север должен получать только высокие, безотходные, экологически чистые космические технологии... Северные свалки должны исчезнуть, превратившись в полезное сырье для переработки». Вполне соглашаясь с последними тезисами, хотел бы только отметить, что их давно пора распространить на всю российскую экономику.

Не исключено, полагает Николаев, что северяне, обладающие уникальным опытом жизнедеятельности в экстремальных природных условиях, *«со временем будут самыми подготовленными к жизни по модели устойчивого развития, имея традиционно высокую экологическую культуру, минимальные потребности, умение подчинять свои интересы общим интересам. Все это наиболее характерные черты будущей цивилизации, которой предстоит жить в равновесии с природой». Препятствием для ее наступления служит и «засилье в общественном сознании россиян стереотипов потребительства, невысокий уровень экокультуры масс». (При этом, как отмечают некоторые исследователи, именно в наши дни, вследствие навязанного нам господства рыночных отношений, русские стали едва ли не самым индивидуалистическим и подверженным эпидемии потребительства народом в христианском мире.)*

И все же Николаев убежден: *«Ради благополучия будущего необходимо пожертвовать эгоистическими устремлениями настоящего, пусть даже и в ущерб интересам сегодняшнего населения планеты. Футуризация настоящего — неотложная необходимость нашего Времени, она должна органично войти в государственную политику, в систему образования и воспитания. Другого ведь не дано».*

Да, проблема настолько острая, что в 2008 году даже Ватикан решил, что семи смертных грехов, установленных Библией, уже недостаточно для обуздания безнравственности и потребительской оргии современного общества, и

он расширил этот перечень до двенадцати, включив в него и «загрязнение окружающей среды» («Труд», 11.03.08).

Но, на мой взгляд, всего сказанного выше недостаточно. В новой России каждое хозяйственное мероприятие будет оцениваться и с точки зрения экологии, а требование утилизации продуктов производства станет универсальным. О том, как это будет выглядеть на практике, я писал (с некоторой публицистической заостренностью) в статье «Ни шагу вперед!», напечатанной 26 апреля 1997 года в газете «Подмосковье» (№16). Читатель может убедиться, что она с того времени нисколько не утратила своей актуальности.

**«Ни шагу вперед!»,
или Зачем нужны учет и контроль**

«...Грядущее столетие и выживание связаны в одно целое очень просто: перед человечеством с каждым годом все острее встает угроза исчерпания ресурсов, а перед ней шествует другая: мы потонем в море собственных отходов. (Главный парадокс заключается в том, что многие отходы содержат в себе ценные ресурсы.)

Идея рачительного отношения к природе до сих пор была чужда цивилизации. Сам образ жизни предполагает как раз противоположные стандарты. Существенным прорывом в этом отношении стало появление **пуританской идеологии** в широком смысле как выражения духа германского (тоже в широком смысле) протестантизма. Родившись у обделенных дарами природы народов Северной Европы, она привела к культуре умеренности и аккуратности в быту, когда чистый воротничок ценился выше дорогих кружев, а идеально начищенная медная посуда — выше золотой, к укладу жизни, где осуждается вызывающая роскошь и воспевается труд. Но злокозненный человеческий ум выдумал культ **престижных** вещей, производство которых связано с расточительством в отношении природных ресурсов.

Все же экономный стиль вошел в самое существо протестантских народов, особенно немцев. Это качество они проявили широко тогда, когда у них была возможность сделать это в общеевропейском масштабе, то есть в короткий период торжества национал-социализма. Мы все знаем, как это выглядело: скажем, противника режима убивали в концлагере (что вообще-то не редкость в исто-

---

рии), но: его одежду — на склад (пойдет для бедных), кожу — на сумочки, а пеплом от сожженных трупов удобряли поля. И хотя мир был шокирован таким подходом, все же сама идея столь «экономного» отношения к ресурсам человечеству приглянулась. И нынешний этап развития цивилизации поставил перед жителями стран, отличающихся расточительностью, вопрос ребром: либо они поймут нынешнее состояние дел и смогут так перестроиться, чтобы вписаться в цивилизацию будущего (уже не столь далекого), либо над ними будет установлена международная опека со всеми вытекающими отсюда последствиями. Уже постепенно устанавливающийся новый мировой порядок — это отнюдь не идиллия «устойчивого развития», а жесткий контроль элиты наиболее развитых стран над остальным недостаточно разумным человечеством.

Если в свете сказанного посмотреть на ситуацию в России, то картина будет совершенно неутешительной. За XX столетие русский человек приобрел и твердо закрепил в себе качества, необходимые для представителя надвигающейся постиндустриальной цивилизации: четкость, исполнительность, способность к кропотливому каждодневному труду — недаром по всему СССР большую часть рабочего класса и рядового чиновничества составляли русские. Значит, русский человек — вовсе не непредсказуемый максималист, каким его часто представляли. Но вот что касается экономности и рачительности, то в этом смысле русский человек за последние десятилетия не только мало что приобрел, но даже и многое потерял. А без этого в «светлое будущее» XXI века вход закрыт.

Я бы на месте нашего президента обратился к народу с такими словами: «Мы разбазарили огромные средства... У нас нет больше неограниченных запасов полезных ископаемых, чистой воды, нет обилия лесов и плодородных почв... Хватит! Дальше так двигаться нельзя. Ни шагу вперед — к пропасти!». И не просто сказать, а действовать решительно, жестко.

Вспомним кадры кинохроники времен Великой Отечественной: бойцы, замерев в строю, слушают сталинский грозный приказ №227: «Ни шагу назад!» Следующий кадр: командир расписывается в том, что ознакомлен с приказом и теперь знает, что, если его обнаружат где-то за линией обороны, расстреляют даже без формального суда. Бои шли в излучине Дона...

На Западе широко распространился принцип: **за все надо платить**. У нас это не принято, но зато нам понятен

другой принцип: **за все надо отвечать**. Вот и в отношении экологии: всякий продукт, которым общество обеспечивает человека, должен быть утилизирован, а это ой как не просто, это требует коренной перестройки образа жизни и психологии миллионов людей. Если представить картину будущего предельно рационально, то она выглядела бы, скажем, так: купил бутылку вина, а бутылочку с пробкой — сдай. То же с банкой из-под пива, полиэтиленовыми и картонными пакетами. Выбросил сигарету — ну, если она без фильтра, то ладно, на первый раз замечание от дворника; а если с фильтром — штраф (как уже сегодня в Сингапуре). А уж если выбросил десяток бутылок или консервных банок (ведь это ценное сырье!) — лишение свободы до десяти лет! Так, возможно, будет выглядеть «закон о колосках» XXI века, и поборникам прав человека быстро заткнут рты — ведь так будут поступать не ради тщеславия какой-то отдельной державы, а буквально — «ради жизни на земле». Вообще угроза экологического кризиса более чем что-либо другое показывает обреченность либеральной идеологии и психологии индивидуализма. Мы либо спасаемся вместе либо гибнем вместе.

«Это что же, — спросят меня, — расписываться за каждую бутылку воды, купленную, чтобы утолить жажду в жару, и за каждую банку? Сколько же тогда потребуется бумаги, не говоря уже о времени!» Но ведь есть компьютеры, есть всякие там пластиковые карточки — вот пусть они и послужат делу охраны природы. Купил пакет молока — шелк, на карточке автоматически отмечается: за тобой числится пакет, он должен быть сдан. Купил товар в полиэтиленовом пакете (номерном!) — шелк, за тобой пакет с номером таким-то, будь готов и за него отчитаться. Разбил бутылку? Плохо, но собери осколки и сдай по весу на переплавку. А время от времени некоторых граждан будут вызывать в «компетентные органы» и спрашивать: «Вы покупали в прошлом месяце полкило конфет «Мишка на Севере»?» — «Да». «А где еще два фантика? И колечко от игрушечного паровозика?» — «Затерялось куда-то». — «Ищите!» — «Да мы все уж обыскали, не знаем, забросил, может, куда ребенок». — «Ищите. Жить захотите (по крайней мере, без неприятностей) — найдете!» Пример этот скорее для наглядности, нам пока хотя бы погасить гигантские факелы, в которых сжигается ценнейшее топливо и сырье — попутный газ, устранить разноцветные «хвосты», вырывающиеся из заводских труб...

Не скрою, перестраиваться нам будет очень трудно. У нас всегда ценились щедрость, умение одаривать без оглядки. Но щедрость щедростью, а безответственное разбазаривание жизненно необходимых ресурсов должно быть приравнено к преступному разгильдяйству и сурово караться. И крутые меры по отношению к расточителям общечеловеческого (не говоря уже об общенациональном) добра, показывающие твердость курса руководства страны на сохранение природных ценностей, быстро образумят многих. Ну, а такие нередкие в наше время поступки, как сброс навоза в реку пьяным скотником или отравление реки сточными водами, будут однозначно квалифицироваться как **вредительство** со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Впрочем, не станем перегибать палку и чураться гуманизма. И образец такового опять же можно найти в упомянутом приказе №227, где наряду с расстрелом в качестве меры наказания проявивших трусость назначалось и зачисление в штрафные батальоны. Не исключено, что в будущем в районах будут созданы экологические штрафные роты для провинившихся рядовых исполнителей, а в областях — экологические штрафные батальоны для начальников разных уровней. Вот и будут эти преступники какое-то время по приговору (как сказал поэт) «рыться в окаменевшем г...», разгребая свалки, оставшиеся от нашего времени, или среди болот и в окружении туч гнуса заботливо восстанавливать в тундре мох-ягель (а зеков к тому времени, надеюсь, давно уже вместо лесоповала станут посылать на лесопосадки).

До сих пор шла речь о том, что нам, русским людям, мешают перестроиться в свете требований экологии по сравнению с народами Запада. Однако у нас есть и свои преимущества, остановлюсь лишь на некоторых.

Основатель Советского государства любил повторять: «Социализм — это учет и контроль». Но для большинства наших людей социализм связывался в первую очередь не с учетом, как в швейцарских банках, а с радостью, порождаемой ощущением единой собственности, как бы отменявшей проклятие отчуждения труда. Но вот сейчас необходимость учета и контроля, но не только самих товаров, которыми промышленность свободно может завалить население планеты, а отходов и тары — выходит на первое место. А ведь именно в нашей стране накоплен огромный опыт ведения **планового хозяйства**, и этот опыт

должен быть срочно поставлен на службу будущего — но уже не для того, чтобы распределять среди населения пуговицы и зубочистки. Он нужен будет потому, что настоящий подход к делу охраны природы потребует подлинной революции в производстве, которое должно планироваться до мелочей — уже не в смысле наращивания объемов выпускаемой продукции, а прежде всего — в отношении утилизации. Каждый товар должен иметь экологический паспорт с указанием того, как следует утилизировать его составляющие. Вот здесь и развернется знакомая всем нам борьба за доли процента, но уже не выплавки чугуна и стали, а полноценности утилизации всех отходов.

К нашим преимуществам следует отнести и задел идей, разработок, начиная с положений Д.И. Менделеева об отходах как о ценнейшем сырье и кончая идеальной схемой производства, аналогичной кругообороту веществ в природе, где, как известно, нет отходов. Там сложилось такое переплетение «пищевых цепей», что как бы все едят друг друга, а в итоге обеспечивается поддержание установившегося соотношения различных видов растительного и животного мира на протяжении веков, тысячелетий, а то и миллионов лет.

Мы начинаем осознавать важность и бытовой стороны проблемы переработки отходов. Нынешним помойкам и свалкам, даже самым современным, в будущем не будет места, и последний крик моды наших дней — мусорожигательные заводы — станут считаться проявлением непоправимой расточительности. Рекультивация земель станет обязательным требованием. Добыли из недр земли руду — извольте пустую породу засыпать обратно, да еще так, чтобы восстановить прежние направления подземных водных потоков плюс вырастить травяной покров. Из дыма, из сточных вод извлекать практически все — и вновь в дело! Собрать все — гильзы от патронов, бочки из-под горючего, — чтобы «на земле, в небесах и на море» не оставалось ничего зря валяющегося! И комфортное будущее человечества станет обеспечиваться не тем, что каждому выдадут на сутки баллончик с водой и баллончик с кислородом, как это представляется иным писателям-фантастам, а созданием максимально замкнутых циклов человеческой жизнедеятельности. Огромный город вроде Москвы должен безвозвратно потреблять питьевой воды, например, не больше, чем сейчас расходует небольшой дачный поселок.

Профессия утилизатора должна стать такой же престижной, какой когда-то была профессия летчика, затем — физика-атомщика, космонавта. Перелом наступит тогда, когда молодежь станет вдохновенно обсуждать новые, экологически состоятельные проекты канализации и очистных сооружений и делать новые изобретения в этой области.

«Ну, — скажет читатель. — начал с рассказа о XXI веке, а свел все на канализацию». Что ж, человечество всегда мечтало о полетах. Парить в воздухе мы уже научились, вышли в космос, а неумные мечтатели уже высчитывают, когда человек сможет превращаться в сгусток лучистой энергии и передвигаться во Вселенной со скоростью мысли. Но хотя мы и начали покорять воздушную стихию, мы еще не овладели искусством легко ходить по земле, не оставляя зловещих следов. Но человечество обязано стать «легким» и, живя дарами планеты, как бы парить над ней, лишь слегка ее касаясь. И время, когда от людей потребуется умение жить именно так, уже настает.

А теперь обратимся снова к России. Через какое-то время мы привычно встретим Новый год, ровно с первым ударом часов на Спасской башне Кремля осушим по бокалу шампанского (надеюсь, пока еще это будет нам по карману) и, кажется, заживем прежней жизнью, но с надеждой на лучшее. Но на самом деле жить, как прежде, мы уже не сможем, требования сохранения жизни на Земле станут давить все сильнее. А наша страна находится в особо опасном положении. Нередко можно прочесть о том, что другие страны зарятся на наши территории, часто почти совсем не заселенные, на наши запасы полезных ископаемых, каких нет ни у одного другого государства планеты. Все это так. Но главное наше богатство (не считая самого народа с его великой культурой) — это еще обширные зоны с экологически чистой природной средой. Недавно ко мне приезжала знакомая, которая, выйдя на пенсию, уехала с мужем в деревню, вокруг которой на многие километры нет человеческого жилья. Они дышат чистым воздухом, встречают рассветы и любят закатами, давно забыли и о гипертонии, и о болезнях печени. У них цветной телевизор, проигрыватель с несколькими сотнями пластинок плюс идеальное питание, одним словом, прекрасные условия для жизни, уют отдыха, куда с удовольствием приезжают дети и внуки. И это — не район Сихотэ-Алиня, а местечко на границе Тверской и Новгородской областей, недоступное для толп благодаря российскому бездорожью. А сколько таких «зон

благоденствия» по всей России, которыми мы не можем толково распорядиться. Вот на что больше всего будут зариться хищные соседи! А наше правительство уже подписало международные документы, существенно ограничивающие наш суверенитет над зоной Байкала и побережьем Ледовитого океана, надвигается угроза сдачи в аренду или продажи иностранцам других земель большой ценности именно в экологическом отношении. Нам надо быть бдительными и, думая о глобальных экологических проблемах, не забывать о текущей политике и стойко отстаивать свои национальные интересы».

Хотелось бы добавить к этой давней статье работу В.Пономаренко, где излагалась история цивилизации острова Пасхи, но она слишком велика по объему. А вот ее суть.

До прибытия людей остров представлял собой райский уголок. Прибывшие переселенцы вырубали леса, очищая участки для садов и пр., истребили все виды местных птиц и зверей и всю прибрежную рыбу. В пищу пошли мелкие улитки. Дело дошло до каннибальства.

Островитяне изготавливали каменные статуи богов (весом до 270 тонн); соперничающие кланы пытались превзойти друг друга. Но при наступившей нехватке еды островитяне больше не могли содержать вождей и шаманов. Победил класс воинов, и на смену централизованной системе распределения ресурсов пришел хаос. Противоборствующие кланы начали опрокидывать статуи друг друга. Остров превратился в безжизненную пустыню.

Почему же островитяне не остановились, пока не было слишком поздно? О чем они думали, срубая последнюю пальму?

Катастрофа произошла не внезапно. Изменения, происходящие в природе, для одного поколения были незаметны. Только старики могли осознать происходящее и понять угрозу, которую несет уничтожение лесов, однако правящий класс и каменотесы, боясь потерять свои привилегии и работу, относились к предупреждениям точно так же, как и сегодняшние лесозаготовители на северо-западе США: «Работа важнее леса!»

История острова Пасхи — это история Земли в миниатюре.

Если несколько тысяч островитян с каменными орудиями труда и войны смогли разрушить свое общество, то чего можно ожидать от миллиардов людей, располагающих современной техникой?

Крах для людей ожидается около 2030 года.

У человечества осталось очень мало времени для принятия решений по спасению себя как вида. Для обеспечения

нормальных условий для ныне живущих людей требуются две дополнительные планеты Земля. Через 3—4 десятилетия понадобится 5 таких планет. Кто нам их предоставит?

Девизом того поколения, которое поведет страну вперед после разгрома либералов, должно стать: *«Наведем чистоту и порядок в каждом населенном пункте России!»*

Необходим поворот человечества к проблемам экологии. До сих пор требования экологии оттеснялись на второй план соображениями экономики. А на современном этапе, напротив, задача сохранения планеты Земля, возможно, единственного во Вселенной оазиса и колыбели жизни, становится главной, а экономика должна превратиться в науку и практику, позволяющую найти наиболее подходящие средства для решения этой главной задачи.

Но и этого недостаточно. Видимо, для того, чтобы человечество сохранилось на Земле, нужно совершенствовать саму природу человека, чтобы он действительно стал «человеком разумным». Люди живут громадными стаями-государствами, почти всегда враждующими, а время от времени и воюющими друг с другом. Такие страшные войны, как две мировые войны XX века, нанесли природе неизмеримо больший ущерб, чем все предыдущие природные и общественные катаклизмы. И ведь не унимаются люди, прежде всего правящие элиты. Стоя одной ногой на краю пропасти, они продолжают совершенствовать средства взаимного уничтожения, а заодно и уничтожения природной среды. Главным мотором научно-технического прогресса остается создание средств ведения войны. Придумываются плазменное, геофизическое и другие виды оружия, невиданные прежде по своей губительной силе, причем отдаленные последствия их воздействия как на людей, так и на природную среду, невозможно предсказать.

Не стану уподобляться тем мечтателям, которые писали трактаты о вечном мире, но считаю, что наставление Господа *«будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный»*, все же должно стать законом для людей, и из него будут сделаны необходимые выводы.

В следующей главе будет рассмотрено современное состояние экономики с точки зрения ее соответствия новым жизненным целям человечества. А дальше обратимся и к более фундаментальным основам человеческого бытия.

Продолжение следует

Олег ПЛАТОНОВ

РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ ГРЯДУЩЕМУ АНТИХРИСТУ

(ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ И ДНЕВНИКОВ)

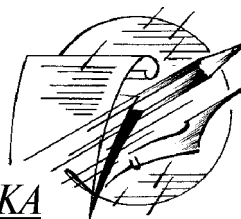
Государственный переворот. — Криминально-космополитическое окружение Ельцина. — Подготовка заговора. — Объединение антирусских сил. — Заговорщики поддерживают Запад и сионистские организации. — Начало русских погромов еврейскими экстремистами и «Бейтаром»

О том, что Ельцин готовит государственный переворот, мне стало известно еще летом 1993 года. Один из знакомых рассказал мне о выступлении Ельцина в Доме печати. Присутствовали преимущественно еврейские журналисты, на которых президент рассчитывал опереться в своей кампании по дезинформации общества. Ельцин, сообщил мне знакомый, читал по бумажке, подготовленной Бурбулисом, активно сотрудничавшим с западными спецслужбами. К удивлению присутствовавших, президент был трезв. «В августе, — зачитал он, — будет артподготовка, сентябрь — решительное наступление». «Сентябрь будет месяцем сверхбоевым: предстоит решить коренной вопрос — вопрос о власти... я готов к решительным действиям». Таким образом, еще летом Ельцина следовало

Продолжение. Начало в №1-2 за 2007 г.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

бы арестовать и предать суду за подстрекательство к беспорядкам и стремление узурпировать власть в стране, подчинив себе законодательные и судебные органы. Однако у Верховного Совета не нашлось мужества и воли на этот решительный поступок. Депутаты, как кролики, ожидали, когда удав их проглотит. А удав спокойно формировал инфраструктуру переворота.

Оперативными руководителями заговора на начальных этапах Ельцин назначил Филатова и Шумейко, позднее эту роль стал играть фактически единолично Е.Гайдар, который 16 сентября официально вернулся в правительство на должность вице-премьера, а неофициально — главного куратора и координатора планируемого государственного переворота. О подготовке заговора знали и таким образом были соучастниками все руководители правительства и министры.

Как считали многие очевидцы, Шумейко и Гайдар вернулись в правительство не только для того, чтобы возглавлять государственный переворот, но и для того, чтобы под шумок «добрать то, что недобрали». В дни, предшествующие перевороту, эти «идейные борцы за демократию» засыпали министерство внешнеэкономических связей (которым тогда руководил Глазьев) требованиями выдать лицензии множеству коммерческих фирм, занимавшихся перекачкой государственных средств в зарубежные банки.

В первой половине сентября Ельцин лично проверил состояние и боеготовность лучших дивизий, сосредоточенных вокруг Москвы, — Держинской, Таманской, Кантемировской и спецчастей внутренних войск. Главный вопрос, который интересовал президента: «Сколько нужно времени, чтобы дивизии могли выйти из места дислокации и развернуться в центре города?» Дивизия Держинского проводила тренировки по выдвижению и развертыванию в Москве, а также по перекрытию транспортных артерий, ведущих в центр города, блокированию Садового кольца — созданию своего рода «полосы безопасности» вокруг Кремля. В службы здравоохранения Москвы пришел приказ из Главного управления охраны президента прекратить прием стационарных больных и подготовить станции переливания крови. Таким образом, очевидно, что заговорщики готовились к широкомасштабным кровопролитным военным действиям.

Преступная деятельность Ельцина происходила на наших глазах. На вопросы, которые я задавал некоторым из

знакомых мне депутатов, не было вразумительного ответа. Чувствовалось, что большинство депутатов были заняты решением каких-то своих мелких дел и боялись взять на себя ответственность лично противостоять президенту. Депутатский корпус не был способен выполнять свою главную конституционную функцию — сдерживание незаконных действий исполнительной власти.

Поверив в свою безнаказанность, Ельцин приступил к решительным действиям. Прежде чем перейти рубикон, он согласовывал свои планы с президентом США Б.Клинтоном и руководителями основных западных стран, получив от них безоговорочную поддержку.

Утром 21 сентября в кабинете Гайдара собралась вся верхушка заговорщиков — вице-премьер В.Шумейко, С.Шахрай, вице-премьер А.Чубайс, министр иностранных дел А.Козырев, вице-премьер Ю.Яров. Они распределили обязанности и составили план действий по «углублению успеха заговора». Гайдар настаивал на немедленном отключении связи Белого Дома, где располагались высшие законодательные органы СССР, с внешним миром. Он же отдал приказ перекрыть канал прямого неконтролируемого выхода из Белого Дома в телеэфир.

Среди членов правительства оказался только один порядочный человек — С.Глазьев, отказавшийся участвовать в заговоре и немедленно подавший в отставку.

Вечером 21 сентября президент Ельцин подписал указ за номером 1400, согласно которому прекращалась деятельность депутатского корпуса и Верховного Совета РФ, уничтожалась законодательная власть. Одним росчерком пера Ельцина ликвидировался общероссийский центр политической оппозиции криминально-космополитическому режиму. Государственный переворот состоялся. С этого момента Ельцин стал уже в который раз государственным преступником.

Согласно статье 121 (пункт 11), действовавшей тогда Конституции РФ президент РФ не имеет права роспуска либо приостановления деятельности Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета. По той же статье за нарушение Конституции он подлежал отрешению от должности. Преступный характер деятельности Ельцина усугублялся тем, что решение о разгоне высшего законодательного органа власти он принял при согласовании с главой иностранного государства — президентом США Клинтонем, который поддержал его. Конституционный

суд, возглавляемый В.Зорькиным, признал указ 1400 антиконституционным. На основании заключения этого суда Съезд народных депутатов отрешил Ельцина от должности, исполнение обязанности президента до новых выборов было возложено на Руцкого. Съезд народных депутатов отрешил от должности и непосредственно замешанных в перевороте министров обороны и внутренних дел, назначив на их место лояльных законодательному органу кандидатов.

В ответ на законные решения Конституционного суда и Съезда народных депутатов Ельцин полностью блокировал Белый Дом подразделениями спецназа, частей внутренних войск, ОМОНа, милиции — всего около 20 тыс. человек, значительная часть из которых была вооружена автоматами. Представители законодательной власти были полностью лишены света, тепла, воды, связи с внешним миром. Вся территория Белого Дома была опутана колючей проволокой в несколько рядов. Указом Ельцина были запрещены оппозиционные газеты и журналы, ликвидирован Парламентский час на радио и телевидении.

С первых часов объявления неконституционного указа №1400 к Белому Дому пришли тысячи русских патриотов с историческими и советскими знаменами России, с иконами. День и ночь они дежурили у стен Дома. Уже на следующий день к москвичам присоединилось множество патриотов из самых разных городов и селений России, даже из Сибири и Дальнего Востока, а также из Приднестровья, Украины и Белоруссии. Рядом с колючей проволокой возник целый палаточный городок, возле которого по ночам жгли костры.

В числе первых пришел к Белому Дому и я. Попрошавшись с женой, сжег пачку документов, переданных мне на просмотр товарищами из серьезных организаций. Если что-то со мной случится, они не должны были попасть в чужие руки.

У стен Белого Дома встретил многих своих друзей и знакомых. Живое кольцо патриотов охватило все здание. Ждали штурма... Первые дни стояли всю ночь. Иногда я заходил внутрь здания погреться. Время от времени мне выписывали пропуск. Депутаты дремали на своих местах. Мы же, те, кто был вне здания, проводили время в бесконечных разговорах. О чем мы только не говорили, ожидая штурма. Но страха не было. У многих чувствовался внутренний подъем, героическое воодушевление.

В разных местах площади висели плакаты, написанные от руки:

«Всем! Всем! Всем!

Отечество в опасности.

От вашего выбора зависит судьба Родины. Дом Советов окружен отборными омоновскими частями, готовыми к штурму.

Не станьте соучастниками преступления!

Не допустите пролития крови!

С правдой вы или с кривдой?

Выбирайте! Завтра будет поздно!»

На моих глазах составляются списки защитников Верховного Совета, говорят, что будут выдавать оружие. Записываюсь в один из списков. Ближе к полночи с помощью С.Н. Бабурина проникаем в здание. Первое ощущение — встревоженный муравейник. Бесконечные коридоры заполнены множеством людей. Все куда-то торопятся. На 3-м и 5-м этажах, где сидят Рущкой и Хасбулатов, полно вооруженных людей. По внутреннему радио транслируется заседание Верховного Совета. Председатель Конституционного суда Зорькин зачитывает постановление суда о признании указа Ельцина незаконным. Хасбулатов просит голосовать за отстранение от должностей министра обороны Грачева и министра внутренних дел Ерина. На их место назначаются Ачалов и Баранников. Встречаю много знакомых лиц: Э.Ф. Володин, А.П. Баркашов, С.Н. Терехов, А.Н. Стерлигов, А.А. Проханов, Э.Лимонов и многие другие.

В коридорах множество журналистов, в том числе иностранных. Мой знакомый из бывшего КГБ авторитетно заявляет, что знает некоторых из них, как сотрудников западных спецслужб. Настроение в Белом Доме удручает какой-то неделовитостью и бестолковостью. Надо идти в военные части, министерства, ведомства, объяснять потенциальным союзникам положение в стране и организовывать их. Связь в Белом Доме отключили, а без нее ничего нельзя организовать. В отдельных кабинетах знакомые мне депутаты начинают интриговать друг против друга на предмет распределения должностей, делят шкуру убитого медведя. От всего этого мне становится грустно, но я отгоняю тревожные мысли. Раз много довольных лиц среди депутатов, значит, дело идет хорошо, а я, наверно, чего-то не понимаю, не располагаю полной информацией. Выхожу из здания. Несмотря на ночь, людей

прибавилось, но обстановка тревожная, по-прежнему все ожидают штурма. Стою до утра. Постепенно люди начинают меняться. Приходят свежие силы, а я отправляюсь отдохнуть, чтобы к вечеру снова вернуться.

Через день вокруг Белого Дома начались Крестные ходы, прямо на площади совершались молебны Державной Божией Матери о спасении земли Российской от междоусобной брани. Проводили их священники о. Олег, о. Владимир и о. Александр.

23 сентября на Крестный ход вокруг Белого Дома, в котором участвовал и я, напал взвод омонцев, некоторые участники шествия были уведены в подворотню и избиты, но Крестный ход продолжался.

28 сентября Крестный ход не пустили к Белому Дому, остановив его на улице Николаева. Пьяные омонцы вели себя еще наглее. Открыто избивали участников, обыскивали их, отбирали литературу и продукты для защитников Белого Дома. На этот раз погромной акцией руководили уже не милицейские чины, а сотрудники службы безопасности Мост-банка, принадлежавшего Гусинскому. Руководил этой службой генерал КГБ Бобков. Служба Мост-банка действовала в тесном сотрудничестве с еврейской террористической организацией «Бейтар».

За несколько дней вся нижняя часть Белого Дома стала напоминать рукопись, каждая строчка в которой выражала настроение защитников Верховного Совета и их отношение к преступному режиму.

Вот только самая малая часть из них, которые я переписал в свой блокнот:

«Боже, спаси и помилуй Матушку-Русь от шарлатана Бориса, его бандитского правительства мафии и убийц!»

«Боже, спаси наших детей и отцов от голода и вымирания русского народа!»

«Жиды, долой из Москвы и Руси!»

«Ельцин — вор! А теперь решил стать убийцей».

«Резидент Е. Б. Н.».

«Все пословицы правы, хоть порой и горьки. Рыба тухнет с головы, а Россия — с Борьки».

«Шел Борис на русский трон в шапке Соломона, а теперь его притон на штыках ОМОНа».

«Сионисты всей страны делу Ельцина верны».

«Борух Ельцин — враг русского народа».

«А Ельцин слушает да пьет!»

«Настала пора русского топора».

«Отчего морды Черномырдина, Гайдара, Лужкова не влезают в экран? Наверно, от недоедания».

«Самозванцы — жидобесы, вон из РТВ и прессы!»

«Эльцин снова когти точит, скоро он на кол наскочит. От людской расправы не уйдет».

«Ерин, кому ты верен?» (изображение звезды Давида).

«Эльцин — палач России».

«Беня Эльцин и Шахрай создают буржуям рай».

«Лужкова — на кладбище».

Сначала оцепление вокруг Белого Дома состояло просто из милиции в форме, омоновцы сидели в автобусе отдельно. Вскоре на всех подходах к Белому Дому было натянуто несколько рядов колючей проволоки. 27 сентября милицию заменили омоновцами в касках с щитами и автоматами. В магазине «Нектар» образовали «питательный пункт» и раздачу водки для ОМОНа. Там же была комната отдыха для омоновского начальства с телевизором и видеоманитофоном. По свидетельству очевидцев, «уставшие от трудов» омоновцы расслаблялись здесь просмотром порнофильмов, целую коробку которых им подарила коммерческая фирма.

Уже 23 числа среди защитников Белого Дома встречались странные типы, явно чужие нам, что-то высматривавшие, вынюхивавшие. В основном это были представители разных экстремистских еврейских организаций, а также сотрудники западных спецслужб.

Мои знакомые из наших спецслужб рассказывали мне об агрессивной активизации резидентуры ЦРУ и Моссада. На Лубянке во внутреннем дворе нового штабного корпуса Министерства безопасности стояли запаркованные автомобили резидентов США и английской Intelligence Service. Со стороны американских спецслужб государственный переворот курировал один из руководителей Национального совета по разведке Марк Злотник. Последний, рассказывали мне, ухитрился даже проникнуть на территорию Белого Дома. Впоследствии мой информатор, бывший сотрудник ЦРУ, рассказывал мне, что его ведомство мобилизовало на эту акцию все свои ресурсы в Москве и Петербурге.

Большую роль в подрывных и шпионских акциях против Белого Дома сыграла сионистская организация «Иргун Циони», и прежде всего ее террористическое подразделение «Бейтар». К осени 1993 года «Бейтар» стал организацией профессиональных террористов, подготовлен-

---

ных инструкторами западных спецслужб в Грузии и Литве*. Координатором деятельности «Бейтара» в окрестностях Белого Дома был мой «старый знакомый», близкий соратник Лужкова, Боксер. Он координировал деятельность всех еврейских экстремистов Москвы, в том числе сионистской организации Еврейского университета и большой группы еврейских литераторов из так называемого Союза российских писателей и Пен-клуба. Эти две организации дали рекордное количество мелких шпионов, доносчиков и стукачей, добровольных сотрудников западных спецслужб, что-то выискивавших и вынюхивавших среди защитников Белого Дома.

Представители сионистских экстремистских организаций и еврейские литераторы из СРП и Пен-центра подстрекали Ельцина на погромы и массовые убийства русских людей. Крайне экстремистскую, антирусскую позицию заняли такие деятели еврейской «культуры», как Б.Ахмадулина, Г.Бакланов, В.Быков, Б.Васильев, Б.Окуджава, В.Оскоцкий, А.Приставкин, Л.Разгон и др. Как в 1937 году, с требованиями кровавой расправы над защитниками Белого Дома к Ельцину обращались Г.Вишневская, Ростропович, М.Захаров, В.Мережко, О.Басилашвили, Э.Рязанов и другие прямые наследники еврейских большевиков.

Несмотря на активизацию всех антирусских сил, симпатии подавляющей части Русского народа были явно не на стороне Ельцина. С каждым днем его позиции ухудшались, а сам он беспробудно пьянствовал у себя на даче.

30 сентября положение Ельцина стало совсем критическим. В этот день под эгидой Конституционного суда в зале его совещаний собрались представители субъектов Федерации, чтобы заявить свой протест против преступных действий Ельцина и вынудить его прекратить осаду депутатского корпуса.

На совещании из 21 руководителя республик прибыло 15, 43 — от областей, 2 — от краев, 2 — от автономных округов; всего 70% от состава субъектов Российской Федерации. Это представительное собрание заслушало доклад о положении дел на местах. Выяснилось, что Ельцин начал осуществлять свою диктатуру и в областях. В Брян-

---

* Непосредственным руководителем «Бейтара» в России был некто В. Бас, крайний экстремист, призывавший к уничтожению Иордании и Палестинского государства для построения на их территории Великого Израиля.

ской области, как мне рассказывали, он незаконно отрешил от должности избранного на конкурсной основе главу администрации Ю.Е. Лодкина, отказавшегося признать незаконный указ 1400. По приказанию Ельцина ночью автоматчики спецназа в форме ОМОНа и в масках ворвались в здание главы администрации Брянской области. Всех людей, находившихся в помещении, поставили лицом к стене, направив им в спину автоматы.

Обсудив создавшееся в стране положение, участники совещания подписали документ с требованием к заговорщикам прекратить преступную деятельность:

«ТРЕБУЕМ:

1. От правительства Российской Федерации (Черномырдин В.С., Ерин В.Ф.) и Московской городской администрации (Лужков Ю.М.) немедленно прекратить блокаду Дома Советов, восстановить функционирование систем его жизнеобеспечения и отвести воинские части и подразделения милиции, включая ОМОН.

В случае применения силы под любым предлогом на вас персонально ложится ответственность перед народом и Отечеством за возможное кровопролитие.

2. От федеральных органов исполнительной и законодательной власти — восстановить конституционную законность, отменить указ президента Российской Федерации от 21 сентября 1993 года №1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» и принятые акты в связи с ним, утратившим силу на основании заключения Конституционного суда.

3. От Съезда народных депутатов Российской Федерации:

— установить по согласованию с субъектами Федерации дату одновременных досрочных выборов президента и высшего законодательного органа Российской Федерации не позднее первого квартала 1994 года;

— не вносить до проведения выборов президента и высшего законодательного органа Российской Федерации изменений и дополнений в Конституцию (Основной Закон) России, за исключением положений, касающихся образования федеральных органов власти и порядка их избрания;

— возложить полномочия по организации и контролю за проведением выборов президента и высшего законодательного органа России на Совет субъектов Федерации.

4. От правительства Российской Федерации:

— в период до проведения выборов президента и высшего законодательного органа Российской Федерации сосредоточить работу на вопросах оперативного управления народным хозяйством и обеспечить возможность выступлений на государственном радио и телевидении представителям различных общественных и политических сил;

— возобновить издание газет и журналов, выход которых был прекращен, без смены состава редакционных коллегий, а также выпуск программ радио и телевидения «Парламентский час».

ПРЕДУПРЕЖДАЕМ:

В случае невыполнения требования пункта №1 настоящего решения до 24 часов 00 минут 30 сентября 1993 года мы, действуя на основании Конституции России, Федеративного договора и протоколов к нему, примем все необходимые меры экономического и политического воздействия, обеспечивающие восстановление конституционной законности в полном объеме».

Фактически вся Россия восстала против пьяного президента. И он, глубоко деморализованный непрерывными пьянками, был уже готов принять ультиматум субъектов Федерации. Но его криминально-космополитическое окружение, подготавливавшее переворот в сотрудничестве с зарубежными спецслужбами и еврейскими экстремистскими организациями, было категорически против.

Предложение о проведении одновременных выборов президента и высшего законодательного органа не устраивало заговорщиков, понимавших, что в случае равных возможностей на выборах они практически не имеют шансов остаться у власти.

Не устраивало это и правительства США и других западных стран, боявшихся потерять свое влияние на Россию.

В ответ на миролюбивые предложения Совещания субъектов РФ, позволявшие урегулировать конфликт без кровопролития, Ельцин, подталкиваемый своим окружением и руководителями западных стран, отдал приказ начинать вооруженное подавление оппозиции. Уже вечером того же дня заговорщики организовали массовые избиения демонстрантов в Москве. Вначале вооруженные автоматами и дубинками пьяные омоновцы устроили кровопролитие возле метро «Баррикадная». Я был свидетелем того, как мирных граждан избивали дубинками, люди падали, их продолжали бить лежащих, а потом оттаскива-

---

ли и загружали в машины или пинали и прикладами загоняли в метро. Зверские избиения продолжались до тех пор, пока у входа в метро никого не осталось.

Избитые милицией москвичи, к которым присоединились многие другие, в том числе и я, видевшие зверский произвол властей, отправились на Пушкинскую площадь, чтобы там гласно выразить свое отношение к преступному президенту. Но пока мы добирались, власти выслали ОМОН и туда. Только первая группа поднялась из метро к памятнику Пушкину, подкатили четыре автобуса, из них выскочили две сотни милиционеров и членов «Бейтар» и кинулись избивать митингующих. Избиения москвичей шли и в других частях Москвы. Один невольный свидетель этого беззакония очень точно заметил: «Послушайте, ведь это оккупация, это оккупация... Я такое только пацаном видел во время войны...»

Однако эти зверские меры против мирного населения только усилили непопулярность Ельцина и вызвали ненависть к нему. На многих московских домах, как и на Белом Доме, появились надписи типа: «Сионисты, вон из Кремля!», «Долой правительство национальной измены!», «Ельцин — еврейский президент», «Ельцин — палач», «Долой диктатуру негодяев!», «Ельцин, убирайся в свою Америку», «В отставку пьяного палача!», «Ельцин — резидент ЦРУ». Еще больше лозунгов и листовок появилось на Белом Доме и на зданиях, прилегающих к нему. На многих карикатурах хмельной президент изображался в обнимку с бутылкой, плеткой и пистолетом. Казалось, что все презрение и ненависть русского народа к этому отщепенцу вылились на стены московских домов.

Продолжение следует

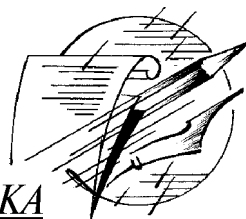
Семен ШУРТАКОВ

ИЗВЕЧНОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ?

После девятнадцатого, золотого века русской литературы в ученых кругах европейских стран заметно выросло число исследователей, которые более внимательно, чем прежде, стали вглядываться в историю русской культуры. Меняется и сама тональность исторических и литературоведческих изысканий. Хотя бить в литавры еще рано. Груз застарелых, сложившихся в течение не лет, а веков представлений, взглядов на Россию и ее культуру все еще дает о себе знать.

Это можно видеть и по вышедшей некоторое время назад книге Джона Феннела «Кризис средневековой Руси». Она посвящена как раз тому времени, о котором у нас и идет речь.

Английского ученого давно и серьезно интересует история России и ее культуры. Им опубликована «Переписка Ивана Грозного с Курбским», монографии «Иван Великий Московский», «Возвышение Москвы» и многие другие работы. Он хорошо, в подлинниках, знаком и с русскими летописями, и с трудами многих русских историков. Похвально широк круг научных пристрастий профессора Ок-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

сфордского университета. Ему интересны и Александр Невский, и Александр Пушкин. И, конечно же, по-доброму располагает к ученому его стремление знакомить своих соотечественников с творчеством нашего великого поэта. И даже то, что он не решился на поэтический перевод Пушкина, а издал его стихи в прозаическом пересказе, говорит и о его личной скромности и его недюжинном уме; не каждый, даже образованный, человек понимает: чтобы гений зазвучал на другом языке, — нужен не какой-то, а гениальный же перевод...

Правда, при всех высказанных похвалах ученому, несколькостораживает, что он в спорах о подлинности «Слова о полку...» пошел за А. Мазоном и тоже отодвигает «героическую песнь» в более поздние времена. Но, может, это было заблуждением молодости, и историк потом стал придерживаться уже более выверенных научных позиций? Так что не будем на этом акцентировать наше внимание.

Обратимся к помянутой книге и выпишем полностью ее название: «Кризис средневековой Руси. 1200—1304». Как видим, в названии уточняется расплывчатое понятие Средневековья рамками XIII века. И это, наверное, правильно. Но, однако же, сие уточнение сразу ставит меня, читателя, и в очень сложное, затруднительно-вопросительное положение. Я еще не раскрыл книгу, не успел вникнуть в ее текст, а цифры, обозначающие страшное, трагическое в русской истории тринадцатое столетие, уже омрачили мое первоначально доброе расположение к автору. Хочется вскрикнуть словами Маяковского: профессор, снимите очки-велосипед! Снимите и повнимательнее взгляните в тот век, когда на мирное, никому не угрожающее и высококультурное (по тем временам) государство хлынули из азиатских степей несметные полчища полудиких кочевников, предавая на своем пути все и вся огню и мечу. Разве вы не видите, как полыхает над Русью вселенский пожар, в котором гибнут люди и их жилища, превращаются в пепел тысячи и тысячи бесценных книг и рукописей?! Уцелеют лишь немногие на Русском Севере, куда не дохлестнула, не докатилась смертоносная волна вражеского нашествия...

Хотя вы нигде не определяете понятие «кризис», вынесенное в название книги, из текста можно понять, что кризисом вы считаете раздробленность тогдашней Руси, кризис национальной власти киевского князя. Однако же,

---

вы всего-навсего повторяете главную мысль «Слова о полку...», с той лишь разницей, что вы говорите об этом унылой прозой, а в «Слове...» она выражена в высокохудожественной, поэтической форме. Это — во-первых. А во-вторых, хотя раздробленность и не есть благо, в исторической науке, как вам хорошо известно, она оценивается далеко не однозначно. В истории таких государств, как Германия, Франция, Испания, ее принято считать как естественную стадию развития феодализма и даже временем роста и расцвета местных центров с их неповторимым своеобразием культуры. Ничего кризисного сама по себе раздробленность не несет. Так зачем же Русь-то вы меряете не общеевропейским, а каким-то другим аршином?

Да и вообще, не странно ли толковать о каких-то второстепенных околичностях на фоне страшной трагедии, разыгравшейся на просторах Руси в тот злосчастный век?! Не похоже ли это на то, что при виде горящего дома говорить убитому горем хозяину, что дом его пришел в пожарно-кризисное состояние от того, что на окна были косо навешены наличники... Неужто вас не смущает вопиющее «разночтение» в понимании происходившего в средние века на Руси: русский летописец пишет «Слово о погибели Русской земли», а вы — о каком-то кризисе. Давайте-ка вспомним, как начинается это трагическое «Слово».

«О светло-светлая и украсно-украшенная земля Русская! Многими красотами ты нас дивишь; дивишь... дубравами чистыми, полями чудными, зверьми различными и птицами бесчисленными, городами великими, селами чудными, садами монастырскими, храмами церковными и князьями грозными... Всего ты исполнена, Земля Русская!»

И куда уместнее, наверное, было бы показать в своей книге ужасающую картину разграбления этой всего исполненной земли, выжигания, уничтожения русских сел и городов, а заодно и воздать должное тем отчаянным попыткам русских людей оказать сопротивление непрошеным гостям, о которых документально свидетельствуют хорошо знакомые вам летописи. Вы же, если и упоминаете о некоторых такого рода событиях, то пишете о них так, словно сухую справку даете и побаиваетесь, как бы нечаянно не вырвалось слово осуждения завоевателей или слово сочувствия к их жертвам...

Вот — взятие Владимира:

«К полудню сражение закончилось, и все, кто мог, столпились в Успенском соборе, включая женщин и епископа Митрофана и все духовенство, там они были сожжены или зарезаны татарами».

«Стопились...» Почему бы не сказать: самоотверженно заперлись в соборе, предпочтя мученическую смерть чужеземному рабству?!

«Торжок продержался дольше, чем Владимир. Две недели по его стенам били осадные орудия». И все. Хотя в известной вам Новгородской летописи есть и леденящий сердце финал этой двухнедельной осады: «И тако погани взята град, изсекоша вся (убили всех) от мужеска полу до женска, иерейский чин (священников) весь и черноризский (монахов)».

Неужто эта зверская картина не вызывает у вас хотя бы обыкновенного человеческого сочувствия? Ведь не войны на поле битвы, а жители большого города все были «изсекоша». Или в этом вы видите военную, стратегическую необходимость?

«...Еще один город оказал какое-то сопротивление татарам — это был Козельск».

И опять язык не поворачивается у профессора, чтобы вместо «какое-то», сказать — героическое сопротивление. Выдержать семь недель осады — это же, без всякого преувеличения, настоящий общенародный героизм, недостижимая высота духа!

Как известно, Батый в ста верстах от Новгорода повернул обратно. И наши историки объясняют это тем, что в ожесточенных битвах на реке Сити, где «лилась кровь, как вода» или в том же Торжке (как потом и в Козельске) татары понесли столь большие потери, что не решились напасть на Новгород. Автор же книги в этом видит не что иное, как милостивое благородство Батыея: «Новгород был пощажен». Трогательно до слез!

Д. Феннел старательно преуменьшает разрушения, причиненные русским княжествам ордынским нашествием, всячески «смягчает» всем известную жестокость завоевателей и, в конечном счете, договаривается до того, что к общепринятому у всех историков определению «татаро-монгольское иго» добавляет-пришивает еще два словечка — «так называемое». То есть получается, что это лишь русским помстилась-померещилась погибель своей земли и какое-то иго, на самом же деле ничего такого не было!

Это как же надо не любить Россию, русский народ, чтобы докатиться до такого не только далекого от исторической правды, но и безнравственного, безжалостно-бесчеловечного утверждения!

Понятым становится, почему ученый «стыдливо» умалчивает о жестокости завоевателей, о том, что тысячи защитников того же Торжка или Козельска были поголовно зарублены — это никак не укладывается в его профессорскую концепцию.

И, может быть, не так горько было бы узнать-услышать такое от рядового русофоба, каких пруд пруди, или недоучившегося бакалавра, возжелавшего приобрести известность залихватским ниспровержением давно установленных истин. Но ведь автор книги — питомец Кембриджа, профессор и этого, и Оксфордского университетов, признанный (как сказано в краткой аннотации) глава английских историков-славистов. И это значит, что не одному Дэ Феннелу с далекого Альбиона Россия и русские видятся в таком неприглядном свете: и литература-то у них, темных, подала голос лишь только в восемнадцатом веке, и наличники они навешивают не так красиво, как принято в Европе...

Но как было бы хорошо, если бы кто-то из учеников Д. Феннела взял бы да написал книгу, концепция которой находилась бы в полном согласии с известными словами любимого профессором Александра Пушкина, относящимися к исследуемой нами эпохе: ценой собственной гибели мы остановили татаро-монгольское нашествие на самом краю Европы, чем и спасли европейскую цивилизацию.

Такую книгу с большим интересом прочитали бы не только мы, русские, ее бесполезно было бы почитать и всем европейцам!

* * *

Миновало двухсотсорокалетнее ордынское иго. Русь устояла. Хотя потрясения были столь великими, что сменилось даже название Руси на Владимиро-Суздальскую, затем на Московскую. И только-только возрожденная Русь стала на ноги, начала обустраиваться, даже расширять свои границы — на нее надвинулось новое испытание. Наступило время, которое народ назвал Смутным. К смуте в государственном управлении и народном сознании доба-

---

вилось еще и новое вражеское нашествие. На сей раз уже не с Востока, а с Запада. Как вы, наверное, уже поняли, я говорю о польской интервенции.

Давайте оживим в памяти эту страницу отечественной истории.

Пятидесятирехлетний Иван Грозный умирает за шахматной доской. После него остаются два сына: двадцатисемилетний Федор и полугодовалый Дмитрий. На опустевший трон сажают Федора Ивановича. Фактически правит страной брат жены Федора — боярин Борис Годунов. Живший в Угличе с матерью Дмитрий, то ли в припадке падучей болезни наткнулся на нож, то ли был убит по приказу Годунова. В конце шестнадцатого века Федор умирает, Земский собор избирает царем Бориса.

А в 1603 году в усадьбе польского князя Адама Вишневецкого объявляется молодой человек и называет себя царевичем Дмитрием, будто бы спасшимся от убийц, посланных Годуновым, хотя на самом-то деле это был беглый монах Григорий Отрепьев. Вскоре Самозванец был принят королем Польши Сигизмундом, тот обещал ему поддержку, и осенью 1604 года авантюрист с отрядом польской конницы, под командованием воеводы Мнишека, перешел Днепр и начал поход на Москву.

Финал самозванной истории всем памятен еще со школы. В апреле 1605 года Борис скоростижно умирает, а 20 июня Самозванец торжественно, под колокольный звон, въезжает в Московский Кремль. В мае следующего года играется пышная свадьба с Мариной Мнишек, а через какую-то неделю или две восставший люд Москвы Самозванца убивает и сжигает.

А теперь давайте посмотрим, как эти, кратко обозначенные события были восприняты нашими европейскими соседями, под каким углом зрения Смутное время в России виделось с той, западной стороны.

У меня в руках редкое, без какого-либо преувеличения уникальное, издание с многословным — на целую страницу — но уж зато и красноречивым, напечатанным разными шрифтами, названием:

«Повествование о замечательном и почти чудесном завоевании отцовской империи, совершенном яснейшим юношею Дмитрием, Великим князем Московским, в 1605 году, с описанием его венчания и всего, что он сделал после своего венчания».

Вы, наверное, уже почувствовали в самом тоне назва-

ния нескрываемую радость и ликование по поводу того, что яснейший юноша завоевал отцовскую империю и сел на московский царский трон. Вряд ли еще какое-либо другое венчание на Русское царство описывалось на Западе так велеречиво, с таким захлебом от восторга. И это понятно. Ведь писавшие эти высокопарные словеса хорошо знали, что яснейший юноша явлен был европейскому миру не в Рязани или Костроме, а в Польше. Что благословил его поход на Москву и даже дал большое ли, малое ли войско польский король. А предстоящая женитьба Дмитрия на католичке Марине Мнишек сулила и реальную возможность обращения в католичество как самого новоиспеченного царя, так и его подданных. И как тут не радоваться, как не ликовать!

Повествование состоит из тринадцати глав. Бегло перелистаем хотя бы некоторые из них.

В первой же главе напрямую утверждается, что «почти чудесное завоевание Дмитрием отцовской империи» — не простое стечение обстоятельств, а «великий Промысел Божий, поскольку в истории нескольких столетий едва ли найдется другой такой же пример». (Что верно, то верно!) Далее перечисляются неоднократные попытки папы Григория XIII установить контакт с Иваном Грозным в тайной надежде приблизить его к католичеству. В следующих главах речь идет о сыновьях Грозного, о Борисе Годунове, после чего повествование полностью сосредоточивается на фигуре Дмитрия, на его самозванной биографии.

Чуть подробнее — о последней главе.

Как известно из многих источников, после торжественного въезда в Московский Кремль Самозванец окружил себя польскими вельможами, начал раздавать направо и налево деньги, выслал огромную сумму своему будущему тестю Мнишеку, дочь Бориса Годунова принудил стать его любовницей. Польские наемники вели себя в Москве как завоеватели; не платили в лавках за взятые товары, насильничали, с презрением относились к населению.

В «Повествовании» тоже сказано, что «найжены девять сундуков с драгоценностями», а «Петр Басманов с 332 особами и 260 лошадьми отправлен с драгоценными дарами и почетным посольством к королю Польскому, чтобы принести ему благодарность и заключить теснейшую дружбу». Но сказано это, разумеется, не в укор яснейшему юноше: он же — царь, и что бы ни делал — это Промысел Божий. Даже вот как сказано: «Человеческий ра-

---

зум едва может постигнуть, с каким смирением, силою души и благоразумием Дмитрий принес благодарения Богу и начал устраивать дела своей империи». Трогательно, умирительно!

И в заключение — может быть, самое интересное. Кто автор «Повествования», когда оно было написано и в каком веке напечатано?

Внизу заглавной страницы помещен российский герб рядом с портретом молодого человека, держащего в руке царский скипетр, а также и «ответы» на все эти вопросы:

«Собрал из достовернейших источников Бареццо Бареоди.

Во Флоренции у Гуидуччи. С позволения старших. 1606».

Вас не удивили эти тексты? Ведь дело-то происходит четыреста лет назад, когда ни телеграфа, ни телефона, ни Интернета еще и в помине не было. Как, каким образом можно было узнать-собрать те самые «достовернейшие» известия о событиях, происходящих не тут вот, перед глазами, а в других государствах? Как можно было собранные известия переслать по нужному адресу и незамедлительно напечатать не на газетном листке, а книгой? Сто лет назад на такое и то уходили не месяцы, а годы. А тут о событиях, происходящих в России в 1605 году выходит книга чуть ли не в том же году, и где — в далекой Флоренции. Чудеса, да и только! Это же как надо было торопиться «старшим» скорее оповестить Европу о том, что в России — Смута, и что над этой огромной, непонятной и потому нелюбимой, если не сказать ненавистной, страной наконец-то простерлась смиряющая ее европейская длань...

* * *

Шли годы. За семнадцатым веком наступил восемнадцатый. Россия, еще в гибельную пору ордынского ига оставшая от Европы, теперь старательно учится у немцев, голландцев, англичан, приглашает итальянских архитекторов и художников, а дворянская знать не только отдает предпочтение европейскому платью перед своим русским, но и родной язык заменяет французским... Вполне естественно, что учителя на учеников посматривают свысока, но тут уж ничего не поделаешь: любой учитель по своему, так сказать, изначальному статусу стоит выше ученика. И это бы еще полбеда. Беда в другом. Среди наставников, которые выписывались из Франции для обучения дво-

---

рянских недорослей, далеко не все были Руссо или Дидро. В 1777 году Денис Иванович Фонвизин предпринял длительное путешествие по Франции. И вот что он писал своей сестре в одном из писем:

«Удивляешься, какие здесь невежды. Дворянство особливо ни уха, ни рыла не знают. Многие в первый раз слышат, что есть на свете Россия, и что мы говорим в России языком особенным, нежели они. Человеческое воображение постигнуть не может, как при таком множестве способов к просвещению здешняя земля полнехонька невеждами».

Ну, это вырвалось — к слову.

Вернемся вновь к главной «теме» нашего разговора: как нас понимают, что говорят и пишут о нас европейцы.

Приведенный выше отзыв Дениса Фонвизина о французах, обитающих у себя дома, если и справедлив, наверное, все же резковат: так ли уж обязательно жителям благословенного Прованса или Шампани знать о какой-то далекой России?! Вон их соотечественник Вольтер вознамерился писать историю Петра, как Фридрих II, узнав об этом, не удержался, чтобы не воскликнуть: «С чего вы вздумали писать историю волков и медведей сибирских! Я не буду читать истории этих варваров, мне бы хотелось даже вовсе не знать, что они живут на нашем полушарии».

И все же в конце восемнадцатого века история России была написана. Нет-нет, речь идет не об исторических трудах наших соотечественников Василия Татищева и Михаила Щербатова. Я говорю о шеститомной «Естественной, нравственной, гражданской и политической истории древней и новой России» Леклерка.

Вы спросите: кто такой этот Леклерк? О, это весьма образованный француз, медик и историк, принимавший участие, под руководством Дидро, в издании всемирно известной «Энциклопедии». Призванный в Россию в 1759 году Елизаветой Петровной, пробыл здесь четыре года, добился избрания Почетным членом Императорской Академии наук. Затем был врачом у герцога Орлеанского, опять вернулся в Россию и занимался сбором материалов для своей фундаментальной «Истории...»

Судя по многозначительному названию, а также и по объему труда — легко сказать: шесть томов! — это должно быть нечто уникальное и универсальное. Увы! Даже русская императрица (хотя, по рождению, и не очень-то рус-

---

ская) Екатерина II гневно отозвалась на клевету и глумление над нашей историей, учиненные Леклерком. Больше того: она села за сочинение своих «Записок, касательно русской истории для юношества», полагая, что «это выйдет противоядием негодникам, уничижающим российскую историю, каковы Леклерк и учитель Левек (тоже историк. — **С.Ш.**), оба скоты и скоты скучные и гнусные».

Сказано крепко, эмоционально, но одних эмоций тут было недостаточно, требовалось, так сказать, научно и предметно уличить Леклерка в его «сокрытых и явных охулениях России». Заняться этим умная Екатерина попросила Ивана Болтина, уже зарекомендовавшего себя к тому времени серьезным, патриотически ориентированным, выражаясь по-современному, знатоком отечественной истории. Достаточно сказать, что Иван Никитич, вместе с А.И. Мусиным-Пушкиным, издал знаменитый памятник нашей древней литературы «Русскую правду» и «Книгу Большому чертежу», а потом принимал самое близкое участие в истолковании так называемых «темных мест» в тексте недавно найденного «Слова о полку Игореве». Он убежденно считал историю наукой народного самосознания и потому был особенно суров и непримирим к любым ее искажениям.

Иван Болтин назвал свой труд всего лишь «Примечаниями на историю древняя и нынешняя России» г. Леклерка. Но это — два огромных тома, в которых последовательно и скрупулезно, постранично, а то и построчно, опровергаются все многочисленные клеветы и наветы на нашу историю.

Перечитаем хотя бы некоторые из них.

«В России, как в Исландии и Гренландии, — пишет Леклерк, — к суровостям зимы присоединяется еще неприятность коротких дней. Почва российская или водянистая и болотная или песчаная и сухая...» «Трудно вообразить, — восклицает по этому поводу И. Болтин, — а еще труднее другим уверить, что в таком обширном государстве, какова есть Россия, почва повсюду была токмо двух видов, то есть и болотная или песчаная. И что в Архангельске и Астрахани или в Киеве одинакая стужа бывает и одинаковой долготы дни... Но, оказывается, стужа не помеха для такой русской ягоды, как клюква: она, по Леклерку, прекрасно созревает под снегом...»

Эпоха удельных княжеств представляется Леклерку временами, не имеющими никаких законов, самодержавие

было без начальников, государи — без подданных. И. Болтин на это остроумно отвечает: хотя государство и разделено было на многие уделы, но каждое княжество имело законы. «Начальников же, по несчастью, было больше, нежели было нужно, и сих излишество главнейшим было несчастьем для России; мало было из них мудрых и великих, но таковых везде и во все времена бывает недостаточно».

Что пишет ученый муж о русском народе?

«Живем мы, по сказанию Леклерка, — с горечью замечает наш историк, — как дикари, пляшем, как сенегальские негры, род ведем от гуннов, а язык в великом числе заняли у татар...» Сам же Леклерк свое знание русского языка показывает на каждом шагу. «Слово «красавица» происходит от слова, означающего красный цвет. Для выражения хорошей женщины говорят прекрасная баба, то есть выкрашенная красною краскою...»

«Миряне могут жениться до трех раз, а четвертый брак признается за многоженство. Вследствие сея мысли не едят оне петухов, понеже, по мнению их, сии животные суть многоженцы...» Это — о еде. Теперь о питье. «Народ русский не пьет никогда воды. Пития его обыкновенные суть крепкое пиво, называемое квас, мед простой и кисловатый напиток нарочито приятный вкусом, именуемой кислые шти...»

Питие русских привлекло особое внимание французского историка, и он продолжает «углублять» эту тему. «Для возбуждения аппетита едят немного хлеба с солью, ломтик редьки и запивают потом водкою...»

То есть не выпивают и потом закусывают, а наоборот. Дальше в лес — больше дров. «Русские имеют около 104 праздников в году, и народ проводит их в пьянстве. На другой день праздника почти обыкновенно бывают пьяны. Называется то по-ихнему опохмелиться. И так выходит около 208 дней в году, употребляемых на пьянство».

Академик показывает читателям, что он и в арифметике силен так же, как в истории. Правда, остается непонятным, как это, при таком беспросветном безделье, Россия не только себя, но еще и Европу кормила, вывозя туда ежегодно до пятнадцати миллионов пудов хлеба.

Выпишу и еще одну вопиющую нелепость, находящуюся в явном противоречии с уже цитированными «петухами».

«Народ русский, не желая продолжати бытие свое и размножать род свой, не женится иначе, как по принуждению господина своего. Он отвращается от произведе-

---

ния на свет детей, ведая, что они также будут несчастливцы, как и отец их».

«Ложь и клевета ужасная! — бьет наотмашь И. Болтин. — Русские крестьяне детей за богатство считают: по деревням редко найдешь в двадцать лет неженатого. Каждый отец старается, сколь можно ранее, женить сына своего, для того, что прибудет в дом работница и в домашнем присмотре будет приспорье».

Остается сказать в заключение, что все эти сокрытые и явные охуления были написаны человеком, прожившим в России в общей сложности десять лет.

* * *

Переступим из восемнадцатого в век девятнадцатый.

И тут нам никак нельзя будет пройти мимо двух путешественников, удостоивших Россию своим просвещенным вниманием — Франсуа Ансело и маркиза де Кюстина.

Поэт и драматург Ф. Ансело побывал у нас в 1826 году и тогда же написал, а в следующем году издал книгу «Шесть месяцев в России». Должно быть, для придания увиденному и услышанному в путешествии некоего интимного шарма, автор облек их в форму модных в те времена писем к другу. Добавим: не к какому-то отвлеченно-воображаемому, а к вполне реальному — литератору Ксавье Сентину.

В русском переводе сочинение Ф. Ансело вышло лишь в наше время, три года назад. Однако же читающей публикой России, знавшей французский язык не хуже русского, «Шесть месяцев...» были прочитаны тогда же. А писатели Яков Толстой и Петр Вяземский даже не замедлили и откликнуться на них.

Давая как бы обобщающую характеристику книге, П. Вяземский посетовал: «Нет нам счастья на пишущих путешественников. По большей части все напечатанное иностранцами о России составлено из пустяков, живых рассказов и ложных заключений».

Одно из многих, сомнительных по своему смыслу, «заключений» цитирует в своем отзыве и Я. Толстой.

«Преступления в России редки, потому что кровь течет в жилах русских медленнее и не возбуждает сильных страстей...» Потом приводит то место из записок, где говорится о Валдае, о том, как там «коляску окружает несметная толпа торговков баранками, которые не дают чужестранцу ни минуты покоя... И чтобы сохранить добродетель

тель, путешественник должен призвать на помощь всю свою осторожность». Вон какие страсти-мордасти!

«Могу успокоить путешественника, — иронизирует Я. Толстой, — девицы эти вовсе не так угодливы... Так что его добродетель не подвергалась ни малейшему риску».

П. Вяземский тоже с усмешкой упоминает «забавное опасение путешественника, который дрожал за добродетель свою, сильно угроженную в Валдае прелестями торговых баранками». Однако, общий тон его отзыва на книгу, как мы уже видели, более серьезен и суров. Выпишу еще одно тому подтверждение.

«Французские путешественники тем отличаются от других, что приезжают они в чужой край, а особенно в российский, не как любознательные изыскатели или ученики, чтобы чему-нибудь новому научиться: нет, они являются магистрами, профессорами, уполномоченными судьями, чтобы провозгласить над страной, над народом свой приговор, давно уже ими составленный. Стоит только применить этот приговор к заранее осужденному — и дело с концом, и книга написана».

Обращаясь же конкретно к книге Ф. Ансело, П. Вяземский пишет, что автор «мельком и строго судит нашу литературу... Не должно, — говорит он, — требовать хода оригинального и свободного от литературы русской: в ней упражняются люди, коих воспитание иноплеменное, образованность, понятия и самый язык заимствованы из Франции, и, следовательно, она не может быть иначе, как литература подражательная».

Маркиз же Кюстин побывал в России спустя тринадцать лет. Его принимали в Петербурге на высшем, как бы мы нынче сказали, уровне: сам царь приглашал его на балы и обеды в Зимний дворец. Маркиз, как и его, так сказать, предшественник, тоже был писателем. Так что свои впечатления от вояжа он потом изложил в довольно объемистой книге, над названием которой, надо полагать, раздумывал не очень долго: «Россия в 1839 году».

И что Кюстин написал в своей книге?

Как бы подхватывая эстафетную палочку от Ансело, он тоже отказывает русским не то что в талантах, а даже в каких-либо способностях, «кроме способности подражать другим».

Но это, как говорится, только еще цветики. Многие другие суждения маркиза удивительно похожи на те

профессорские, судебские приговоры России и русскому народу, о которых только что речь.

Обозревая архитектурные памятники Петербурга, он прямо говорит, что «усилия русских напрасны». А чтобы мы на сей счет и наперед не заблуждались, пророчески добавляет: «старания их будут напрасными и в будущем».

Он пишет также, что «сам воздух страны враждебен искусству... И при таких условиях нечего ждать, чтобы создалась серьезная литература».

И писано это было, напомню, в 1839 году. То есть уже после Пушкина. Россия уже дождалась своего национального гения, а ей все еще твердят: нет у вас литературы и ждать нечего!

Маркиз пишет не только о литературе и искусстве, близких, так сказать, ему материях. В книге много его суждений и рассуждений, касающихся самых разных, ну что ли, аспектов русской жизни, характера русского народа, русской армии.

Обратимся к текстам.

«Русские солдаты менее блестящи, чем наши, — с присущей французам галантностью изъясняется маркиз. И как бы расшифровывая не совсем определенное словечко «менее», добавляет: «Русские не дадут миру героев». Где уж там! Дальше. «Русские воинственны, но лишь для завоевательных войн; они сражаются из повиновения или из жадности...» И это говорится после недавнего наполеоновского нашествия на Россию! Оказывается, в 1812 году не французы, а наши, менее блестящие солдаты вели завоевательную войну на подмосковных полях вроде Бородинского. Да при этом еще и не были достаточно деликатными (в другом месте маркиз говорит, что «русские мало деликатны»): надо было отдать Наполеону Россию, а они, смотри-ка, не отдали, пожадничали...

Начав с наших негеройских солдат, маркиз далее переходит к русской нации в целом: «Этой нации недостает нравственного начала; она находится еще в периоде завоевательных войн, между тем как Франция и другие Западные государства ведут войны исключительно для пропаганды».

Какая глубокая мысль! И звучит-то как современно — ну будто вчера сказано. Только что Западные государства вели пропагандистскую войну против славянской Сербии, а позже кассетными бомбами пропагандировали Ирак... Правда, сербы оказались непонятливыми — не

сообразили, что им добра хотят. А иракцы — вот что значит неблагодарный, нецивилизованный народ! — те и вовсе поднялись на борьбу с западными пропагандистами...

«Я не ставлю в вину русским того, каковы они есть, — милостиво великодушничает Кюстин, — но я порицаю в них притязание казаться тем же, что мы...»

Середина девятнадцатого века, а смотрите-ка, опять прямо-таки по-сегодняшнему звучит! Слова-то немножко другие — как-никак писалось сто шестьдесят пять лет назад — но суть-то, суть та же самая: неча со своим азиатским рылом в европейский калашный ряд лезть — ишь чего захотели!..

Да, сто шестьдесят пять лет минуло, столько войн и революций и у них, и у нас прогремело, а в отношении Европы к России мало что, а можно сказать, и ничего не изменилось. Если маркиз говорил о нас: «вот люди, пропавшие для дикого состояния и потерянные для цивилизации», то разве не то же самое мы слышим в свой адрес от нынешних европейцев?!

И как тут не вспомнить точные — их надо бы в бронзе отлить или на мраморе высечь — пушкинские слова: «Европа по отношению к России всегда была столь же невежественна, сколь и неблагодарна».

«Какую благодарность имеет в виду Пушкин?» — могут спросить недруги России, и Пушкин им отвечает (тут я сознательно повторяюсь, памятуя, что истина от повторения не умалывается): ценой собственной гибели мы остановили татаро-монгольское нашествие на самом краю Европы, чем и спасли европейскую цивилизацию. И пока мы слепли в дыму пожарищ, Европа строила дворцы и соборы, открывала университеты и библиотеки. Мы были щитом между Европой и Азией...

Эту же мысль о спасении Европы Россией, разве что в несколько иной «редакции» Пушкин повторит и в своем замечательном публицистическом стихотворении «Клеветникам России». Вспомним хотя бы несколько строк этой блистательной отповеди.

*О чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас?
...И ненавидите вы нас...
За что ж? Ответствуйте: за то ли
Что на развалинах пылающей Москвы*

---

*Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?..*

* * *

Пушкин говорил об Отечественной войне 1812 года. Но разве политическая ситуация почти в зеркальном отражении не повторяется в наше время? Советский Союз, сиречь Советская Россия, в войне 1941—1945 годов — уже в который раз! — ценой большой крови спасла Европу да и весь мир от фашизма, страшной чумы двадцатого века. Факт, вроде бы, общепризнанный, не подлежащий ревизии или какому-либо «переосмыслению». И как же ныне, по истечении некоторого времени, «благодарит» нас высокоцивилизованное европейское сообщество, о чем шумят нынешние витии?

Благодарит, можно сказать, в лучших традициях прошлого. Помпезно отмечая пятидесятилетие высадки англо-американского десанта в Нормандии, события в масштабе великой войны не такого уже и значительного, наши союзники не только сочли возможным не пригласить нас, но и «подали» это событие как главную решающую победу над Германией.

Как видим, «переосмысление» идет полным ходом. Победа России переадресовывается другим государствам.

Но и этого кое-кому как из забугорных, так и доморощенных недругов и клеветников России показалось мало. В средствах информации (правильнее бы говорить — дезинформации) замелькали сообщения о некоей грозящей миру опасности, исходящей... Вам, наверное, уже понятно, откуда исходящей — разумеется, не из просвещенной Америки или еще более светлой Европы, а из варварской, все еще нецивилизованной, России. Именно оттуда, оказывается, исходит угроза — страшно вымолвить! — русского фашизма...

Известную нашу поговорку — ври, да знай меру — видимо, надо считать безнадежно устаревшей. Современные пираты пера не брезгают пользоваться «технологиями» из арсенала Геббельса, который говорил, что ложь, чтобы быть эффективной, должна быть чудовищной.

Впрочем, удивляться или тем паче возмущаться этой наглой ложью было бы по меньшей мере наивно. Удивляться надо тому, как Сталину удалось сделать всегдашних недругов России своими союзниками. Правда, плата-взнос в этот союз были разными: мы платили кровью, человеческими жизнями, они же ленд-лизом и тушенкой. И с открытием второго фронта не очень-то торопились: высадились в Нормандии лишь после того, когда исход войны был уже предрешен.

Да и в само понятие «союзники» они вкладывали нечто иное, чем мы. Вот что писал Черчилль в одном из недавно рассекреченных меморандумов в те, может быть, самые критические для нашей Родины месяцы, когда Красная Армия вела судьбоносные бои под Сталинградом.

«Все мои помыслы обращены прежде всего к Европе. Произошла бы страшная катастрофа, если бы русское варварство уничтожило культуру и независимость древних европейских государств. Хотя и трудно говорить об этом сейчас, я верю, что европейская семья наций сможет действовать единым фронтом, как единое целое...»

Повнимательней присмотримся к этим очень серьезным, поражающим своей откровенной прямоотой умозаключениям. Тем более, что принадлежат они не рядовому европейцу, а умнейшему, если не сказать выдающемуся государственному деятелю.

Немцы без объявления войны вторглись в нашу страну, дошли до Волги и, как знать, может, решается вопрос: устоит или не устоит Советская Россия, быть ей вообще или не быть. Черчилля же меньше всего занимает судьба обливающейся кровью России, его заботит другое: а что, если эти «русские варвары» выстоят, устоят и погонят непрошенных гостей на запад? Это же будет катастрофой для европейской культуры, для древних европейских государств! Вот такой цивилизованный, исполненный неприкрытого цинизма, ход мысли.

Во второй части своего суждения Черчилль выражает веру и надежду на то, что европейская семья наций сможет действовать, как единое целое. Это, конечно, не более, как жалкое, не имеющее под собой никакой реальной основы и потому неприличествующее государственному мужу, самоутешение. Интересно, кто же мешал европейской «семье наций» действовать, как единое целое, еще до вторжения Гитлера в Советский Союз? Еще тогда, когда фюрер одного за другим подминал под себя членов

этой «семьи», чтобы весь промышленный потенциал работал на Великую Германию. И выходит, что Черчилль высказывает свою веру в единый фронт европейских наций в их действиях не против фашистской Германии, а против русского варварства? Как поется в детской песенке: весело было нам — все делили пополам...

И опять, повторяюсь, такие чувства, как возмущение или негодование, из каких бы благородных побуждений они ни исходили, здесь вряд ли уместны. Будем помнить, что такая точка зрения высказана не рядовым лавочником или мелким рантье — это говорил как бы от имени всей Европы один из ее известнейших высокоавторитетных государственных столпов. И излагал он не столько личный субъективный взгляд на Россию, сколько вполне объективные взгляды и мысли, имеющие широкое хождение среди политической и иной интеллектуальной элиты многих европейских стран.

Точно так же, называя нас варварами, сэр Уинстон Черчилль вовсе не хотел обругать или как-то унизить. Просто он так думал и никогда не считал Россию частью Европы: Россия — это Россия, а Европа — это Европа. В европейской семье нас он попросту не мыслил, вот и все. Так что не надо усматривать в этом какую-то дискриминацию.

* * *

Обратимся еще раз к нашему Пушкину. Гениальный поэт был ее и столь же талантливый историком. События отечественной истории, как мы знаем, нашли свое воплощение и в «Борисе Годунове», и в «Полтаве», в «Медном всаднике»... — надо ли продолжать? Здесь же, кстати, и к месту будет вспомнить одну глубокую мысль Пушкина, которая ни до, ни после него не высказывалась так определенно учеными-историками.

«Поймите же, — обращаясь к тогдашним западникам, говорил поэт, — что Россия никогда ничего не имела общего с остальной Европой, что история ее требует другой мысли, другой формулы...»

То есть, иначе говоря, не надо Россию мерить европейским аршином — у нее своя мера. Не надо ее за уши тащить в «семью» европейских народов — Россия сама является семьей более ста народов. Ну и, разумеется, нет никакой необходимости цивилизовать ее по европейским образцам и стандартам, Россия — сама по себе цивилизация.

Как бы вторит Пушкину и высоко ценимый им Петр Чаадаев: «Мы — не Запад... И не говорите, что мы молодцы, что мы отстали... У нас другое начало цивилизации... нам незачем бежать за другими...»

Пушкин, в свою очередь, в одном из писем своему старшему другу, развивает его «цивилизованную» концепцию, высказывая твердую веру в великое будущее России. Он как бы пророчески предвидел расцвет, если не сказать горный взлет русского духа во всех видах искусства — живописи, музыке и особенно — в литературе. Тургенев, Толстой, Достоевский, Чехов, Бунин — много ли таких же великих художников слова наберется во всей Европе?

Россия создала великую духовную цивилизацию.

При том, что у нас одна с европейцами религия — христианство, — мы уже почти тысячу лет живем в разных верах. В странах Европы почитается накопительство, богатство, у нас — нестяжательство («бедность — не порок»). Там за содеянные грехи можно откупиться, у нас грехи надо замаливать. Там не только уважаем, а прямо-таки обожаем индивидуализм, и отсюда: человек человеку — волк. У нас же исстари велось: человек человеку — друг, ибо почитается, как наиглавнейшая, заповедь Христа: возлюби ближнего, как самого себя. И отсюда — наша русская община, наш традиционный коллективизм. У нас и новая изба крестьянину ставилась в один день «помочью» всей деревни, и брага, по окончании дела или в праздники пилась из ковша с красноречивым названием «братина». Даже спасение в вере и то признавалось сообщим: стяжи в себе дух мирен и вокруг тебя спасутся тысячи, — говорил Серафим Саровский. Кстати сказать: в Европе много чтимых святых, но там не было ни Сергия Радонежского, ни Серафима Саровского, который каждого, кто приходил к нему, встречал словами: «Радость моя...»

«Духовной жаждою томим...» Напрягите свою память и попробуйте отыскать у поэтов мира подобное гениальному «Пророку» стихотворение, даже хотя бы подобную строку.

Не найдете!

И не потому, что в мире перевелись таланты. А потому, что в европейском буржуазном обществе и раньше-то людей, мучимых духовной жаждой, было немного, да и те немногие никогда не были в чести, в последнее же время они и вовсе перевелись. О Соединенных Штатах Николай Васильевич Гоголь еще вон когда сказал, что «человек в них выветрился до того, что выеденного яйца не

стоит» — о какой духовной жажде можно с ним вести речь! Само-то понятие это на Западе уже давно стало анахронизмом. Там знают только две жажды — жажду накопительства и жажду потребительства. И лучшая, мыслящая часть западного общества уже давно — с середины девятнадцатого века — за утолением духовной жажды обращается к великой русской литературе, к русской гуманистической, проникнутой любовью к человеку, культуре.

Чтобы как-то умалить величие гениального творения Пушкина, а заодно и блеснуть своей образованностью ненавистники России указывают на то, что поэтом, мол, сюжет стихотворения заимствован из Библии. Но ведь это, если чуть-чуть подумать, не только не унижает, а лишь возвышает нашего русского гения. Библия-то — книга, известная во всем мире и, спрашивается, что мешало другим поэтам использовать этот сюжет? Почему-то на космическом перепутье шестикрылый серафим — носитель Божественной духовности — явился не к кому-то, а именно нашему поэту — сыну России.

* * *

Наши цивилизации не просто разные, они противостоят одна другой.

Когда же это началось, какие исторические события способствовали возникновению противостояния? Если попытаться ответить на этот вопрос, придется опять вспомнить более чем двухсотлетнее ордынское иго: «Именно в это злосчастное время, — по слову Герцена, — Россия и дала обогнать себя Европе». Самой же Европе неинтересно было задумываться, по какой причине мы от нее отстали, она вполне довольствовалась тем, что при такой ситуации ей можно было смотреть на нас свысока. Шли годы и века. Мы прилежно учились у просвещенной Европы, особенно усердно — в течение восемнадцатого века и, в общем-то, оказались неплохими учениками. Если же сюда прибавить еще и то, что Россия никогда не была бедной на таланты, то в девятнадцатом стало уже видно даже невооруженным глазом, что свое «отставание» она успешно преодолевает.

Однако же Европа в своем взгляде на Россию, в своем отношении к ней так и осталась на той точке, с какой глядел на нее маркиз де Кюстин: он в 1839-м называл нас варварами, ими же мы остались в 1942-м и для Черчилля.

В противостоянии цивилизаций, если оно не перехо-

дит в противоборство, ничего особо драматичного, в общем-то, нет. А если притом еще и наличествует своеобразный паритет уважительного отношения между ними — и вовсе хорошо: мало ли чему можно научиться, мало ли чего можно перенять друг у друга! Именно так Россия и поступала, о чем только что шла речь. И не какой-то там «западник», а скорее «почвенник», великий патриот России Федор Достоевский в своей речи на открытии памятника Пушкину в 1880 году сказал замечательные слова: «Для настоящего русского Европа и ее удел так же дороги, как и сама Россия, как и удел своей родной земли». И это были не просто слова. В пушкинском «Современнике» отзывы на выходявшие во Франции романы иногда видели свет раньше, чем в Париже. Сам Пушкин, знакомая русских читателей с новинками европейской поэзии, кого только не переводил: и французов, и англичан, и немцев, и итальянцев. Да и разве он один?! Федор Михайлович и то свою руку приложил к этому доброму делу, переведя, в свое время, «Евгению Гранде» Бальзака.

А чем отвечала нам Европа? В том же 1880 году Флобер, в разговоре с Тургеневым, скажет: «Он же плоский, ваш Пушкин». И объяснение тут самое простое: как мог этот, пусть и большой, писатель по достоинству оценить поэзию Пушкина, не зная русского языка? А на французский, как и на другие европейские языки, достойных переводов не было. Не появились они в близком будущем. Мережковский, уже будучи в эмиграции, горько сетовал: «Величайшее слово России не услышано миром... Солнце России для многих еще не взошло».

Это что же выходит: ведь Пушкин не просто поэт, писавший стихи. Пушкин, по определению Горького, «самое полное выражение духовных сил России», то есть голос самой России. И голос этот, увы, не услышан западным миром...

У англичан есть мудрая поговорка: нет более глухого человека, чем тот, кто не хочет слышать. Наверное, ее можно применить не только к отдельным людям... Западный мир не просто относится к нам с безразличным равнодушием. Запад, как уже было сказано, всегда рассматривал и сегодня смотрит на Россию как на враждебную цивилизацию. А еще, можно добавить, и как на вожака лакомый кус. Помните слова одного из щедринских героев: «И кто же не представляет Россию в виде пирога, к которому подходи, отрезай и закусывай»? Только за последние два века Европа дважды, в 1812 и

1941 годах, приходила на русские пироги. («Европа» потому, что в армиях как Наполеона, так и Гитлера, были солдаты двенадцати национальностей). Россия же, если и приходила в Европу, то лишь по вынужденной вежливости — провожала незваных гостей то до Парижа, то до Берлина...

С тех пор много воды утекло и в Москве-реке, и в Сене, и в Шпрее, а много ли изменилось? Европа, а шире — Запад и по сей день поглядывает на нас свысока, поучает, как и что нам делать. Вот уже который год русским читают спецкурс по цивилизации и новому мышлению. Вообще-то нам не привыкать учиться, но ладно бы по-доброму, по-хорошему, как учат старшие («высокоцивилизованные») младших (пока еще «недоцивилизованных»). Так нет же, будто мы для учителей-наставников не добрые соседи, а заклятые враги.

За что, за какие провинности Запад три месяца подряд, изо дня в день бомбил наших славянских братьев сербов? Какой цивилизованный урок он этим хотел преподать и сербам, и России, выступавшей против варварских — тут словцо на месте! — бомбардировок? Югославия кому-то угрожала? Нет. Возник этнический конфликт в Косово? Да. Но Косово — не какая-то общеевропейская территория, а земля Сербии, — пусть сами сербы во всем этом и разбираются.

Похожий конфликт уже сколько лет имеет место в Ольстере, однако же Англию никто еще не бомбил и бомбить вроде бы не намеревается.

И уж кому-кому, а их премьер-министру в такой пикантной ситуации надо бы тихонько сидеть и не высовываться... Куда там! Он кричал о необходимости бомбардировок Югославии громче всех; на другом берегу Атлантического океана, говорят, и то было слышно... Европе надо бы радоваться, что мы ведем борьбу с международным терроризмом — для нее-то он тоже немалая угроза. Вместо этого окрик: не то и не так делаете!

И этот цивилизованный урок тоже не мог пойти нам впрок. И не потому, что мы такие тупые. Нам очень трудно понять возмущение Запада недостаточно гуманным поведением наших солдат в войне с бандитами-головорезами — с одной стороны, и гробовое молчание европейских правозащитников, когда девятнадцать западных стран «гуманитарно» бомбили ни в чем перед ним не провинившуюся Сербию — с другой.

---

* * *

Я привел лишь отдельные факты нашего противостояния, но они мало что объясняют. Если Запад нам говорит, что мы делаем что-то не так, как надо, то в высшей степени наивно и России «упрекать» Запад в том, что он тоже делает не совсем то и не совсем так. Потому что подобные суждения — область морали, нравственности. А какая мораль, какие высшие цели лежали в бомбежке мирных сербов или в разгроме Ирака? И там, и тут была голая, ничем не прикрытая (разве что «прикрытая» словесной шелухой) демонстрация силы, показ своего превосходства. О твердой уверенности Запада в своем превосходстве над всеми существующими на Земле цивилизациями ныне говорится прямо, что называется, открытым текстом: «Мы высоко возвышаемся над другими и поэтому видим дальше, чем они» (М. Олбрайт).

В «новом мировом порядке», который с 1991 года создается по западным образцам, каждой стране предназначена своя роль и свое место. Не надо пояснять, кому отводится первое место и главенствующая роль. А какое же место уготовано нашей России? Послушаем одного из авторитетнейших идеологов западного мира, к тому же проявляющего на протяжении многих десятилетий особый, если не сказать пристальный, интерес к нашей стране, — З. Бжезинского: «Новый мировой порядок» будет строиться против России, за счет России и на обломках России». Кажется, еще крепче!

Итак, «новый мировой порядок». Уж не его ли имел в виду «Человек с заплаткой», когда проповедовал нам «новое мышление» и приоритет общечеловеческих ценностей над национальными?

Хотя, строго говоря, ничего нового во всем этом нет. Отдадим должное закоренелому ненавистнику России, что он столь точно и лаконично, в одной фразе, выразил суть отношения Запада к России на современном, так сказать, этапе. Само же отношение как было, так и оставалось из века в век стабильно неизменным. И пока что нет никаких оснований считать или мечтать, что оно в близком или не очень близком будущем изменится в лучшую сторону.

Юрий КРУГЛОВ,
доктор филологических наук
Татьяна ВЛАДИМИРОВА,
кандидат филологических наук

ДЕЯНИЕ, БЛИЗКОЕ К СВЯТОТАТСТВУ

(ШОЛОХОВ И СОЛЖЕНИЦЫН)

Гений и злодейство — две вещи несовместные.
А.С. Пушкин

Что такое оккупация?

Без борьбы нет движения. И для нее всегда необходимы два противоположных начала. В культуре они чаще всего образуют две оси: существует борьба между своим и чужим, между старым и новым. Старое и свое, объединяясь, выступает против чужого, а новое выступает против своего и старого. Естественно, термины «старое» и «свое» могут пониматься как «традиционное», «классическое», «родное» и «близкое», но в речах противников будут всегда звучать как «затхлое», «закоснелое», «доморощенное», пахнущее национализмом и патриотизмом. Потому под знаком новизны, обновления чаще всего протаскивается идеология, чуждая народу, враждебная по отношению к «своему», «родному». И такая борьба далеко не безобидна. Она, как разрушительная война, сметала и будет сметать в небытие народы и целые страны. Так исчезла и страна с названием Советский Союз, а до того — была Русь, Россия... О современной России точ-

ДОСЬЕ "МГ"

нее, чем сказал В. Распутин, не скажешь. Выступая на IX Всемирном Русском Народном Соборе, он произнес горькие слова: «Сегодня мы живем в оккупированной стране, в этом не может быть никакого сомнения... Что такое оккупация? Это устройство чужого порядка на занятой противником территории. Отвечает ли нынешнее положение России этому условию? Еще как! Чужие способы управления и хозяйствования, вывоз национальных богатств, коренное население на положении людей третьего сорта, чужая культура и чужое образование, чужие песни и нравы, чужие законы и праздники, чужие голоса в средствах массовой информации, чужая любовь и чужая архитектура городов и поселков — все почти чужое, и если что позволено свое, то в скудных нормах оккупационного режима».

Сражения ведутся на разных направлениях. Огромным и важным полем борьбы является искусство. С античности известно: кто побеждает на этом поле, тот хозяин страны, государства, народа. Потому-то деструктивное начало, подрывающее, взрывающее общество изнутри, прежде всего обращается к разрушению образа прошлого. Так было всегда и везде.

Самым невинным способом разрушения традиции является внушение современному обществу взгляда на прошлое как на что-то устаревшее, не имеющее права быть. Пример тому — великий А. С. Пушкин. В начале XX века буйно призывали сбросить его с «корабля современности». Не получилось. И вот в начале XXI века опять тот же призыв. Прозвучал он не со страниц малотиражных газет и журналов, а с телеэкрана, из уст в том числе, надо полагать, человека проникательного и понимающего великую роль искусства — М. Швыдкого.

Но если классика не поддается быстрому натиску, ее надо разрушить изнутри. Конечно, невозможно переписать полотна мастеров-художников или романы признанных на родине и в мире писателей, однако есть театр, кино, телевидение, где с классикой обращаются как с уличной девкой: что хотят, то и делают. Моцарт и Сальери матерятся на сцене, Мцыри без зазрения совести демонстрирует гениталии, Аркадина с Тригориным имитируют половой акт, Онегин с Ленским стреляются, потому что один из них «голубой». Русская классика, по мнению многих исследователей, в свете «нового культурного сознания», представляется уже сплошным блудилищем, где

все как на подбор — сексуальные маньяки и извращенцы. Но еще хуже того: черное выдается за белое — положительными героями стали в интерпретации иных прогрессистов-режиссеров и Чичиков, и Смердяков, и даже лакей Яшка.

Итак, классика не нужна современному обществу, традиционное ее восприятие считается вредным для молодежи, она может существовать только в «осовремененном» виде. Куда ей до уровня нынешних «мастеров пера» Вл. Сорокина, Викт. Ерофеева, Б.Акунина, Д.Быкова! И кто такой Лев Толстой? Ату его! Вот только что появилась книга о нем Б. Лукьянова под недвусмысленным названием «Досье на классика, или Почему Льва Толстого не следует изучать в школе» (М., 2007). «Русский Вестник» (2007, №25) так рекламирует ее: «Книга посвящена анализу обычно замалчиваемых антихудожественных черт метода Толстого-писателя в романе «Война и мир». Впервые за послереволюционное время автор делает попытку взглянуть предвзято на отвратительные, по сути, карикатурные фигуры Андрея Болконского, Пьера Безухова и некоторых других персонажей столь обласканного нашей критикой романа. С помощью множества цитат показано, как идейная тенденциозность Толстого губительно сказывается на его художественном методе вплоть до его любимых образов Наташи Ростовской, княжны Марьи и других, не говоря уже об Элен».

Долой классика из нашей жизни! Долой!..

Но есть и третий путь шельмования классики, если не помогают первые два. Например, выразить сомнение в подлинности «Слова о полку Игореве», зародить подозрение, а не списали ли А.С. Грибоедов свою драму с французского оригинала, а Н.В. Гоголь своего «Ревизора» — с украинского... Верный путь дискредитации — обвинить писателя в плагиате. Пример тому — классик русской советской литературы М.А. Шолохов и его роман-эпопея «Тихий Дон», ставший выдающимся явлением не только в истории русской культуры, но и мирового искусства.

Всем поклонникам русской культуры памятно полупостыдное празднование в 2005 году 100-летия М.А. Шолохова. СМИ обрушили на читающую и внимающую публику такую непотребную информацию, что можно было диву даваться: да уж в России ли мы живем? Издано было столько негативного материала (в том числе и книг), что

его, казалось, хватит еще на сто лет. Но вот прошел год — в 2006 году в Москве в издательствах «Яуза» и «Эксмо» вышли две толстые книги, одинаково оформленные: Сергей Семанов — «Тихий Дон»: белые пятна. Подлинная история главной книги XX века» и Сергей Корягин — «Тихий Дон»: черные пятна. Как уродовали историю казачества».

Не знаем причин, почему издательства фактически под одной обложкой опубликовали две разные по своему отношению к писателю книги. Как будто абсолютно на равных могут сосуществовать две точки зрения на «Тихий Дон»: к гениальному произведению можно относиться с пиететом (С.Семанов), но можно и «заплевать» не только сам роман, но и его автора. И если, чтобы уничтожить автора, в каких только плагиатах писателя не обвиняли, считая все-таки «Тихий Дон» книгой века, то в книге Корягина сделан другой шаг — посеять недоверие и к роману, который якобы искажает историю донских казаков, их нравы и быт. Корягин считает, что в «Тихом Доне» казачество описано «в столь непригодном виде, что современное представление о Шолохове как гордости донских казаков само по себе можно рассматривать как дурной анекдот». Рядом с его книгой книга С.Семанова — глоток свежего воздуха, вдруг повеявшего утром в солдатской казарме времен Гражданской войны.

Но мало того: «казак» Корягин, обидевшись на «иногороднего» М.А. Шолохова, в том же году издает еще одну книгу — под названием «А.С. Серафимович — автор «Тихого Дона» (М., 2006). Не будем останавливаться сейчас на этой неуклюжей, глупой поделке. Каков автор, такое и «произведение», но согласимся с мнением В. Новикова об этом «плодовитом» авторе: «Утешает, что масштабы заведомо несопоставимы: любимый миллионами роман (т.е. «Тихий Дон». — **Авт.**) и классический (не то слово! — **Авт.**) дилетант-историк. Не хотелось бы никого обижать, но поневоле вспоминается моська, лаявшая на слона»...

Пределов хамского отношения к классику русской литературы для антишолоховедов не существует. 23 мая 2005 года (за день до 100-летнего юбилея писателя) в Ассоциации исследователей российского общества прошло заседание на тему «В тени «Тихого Дона». Федор Крюков — забытый русский писатель». «Героем» встречи оказался очередной антишолоховед В. Самарин, издавший в этой Ассоциации книжку «Страсти по «Тихому Дону» (М., 2005)

и похваливший себя за это во время своего выступления. На том же заседании выступил некто Ю. Кувалдин, который утверждал: «Шолохова-писателя не было! Это нанятый неграмотный пролеткультовец. В 17 лет сидел в тюрьме с Петром Громославским. Петр Громославский со своей семьей — соавтор «Тихого Дона». <...> Свинопас Шолохов — неграмотный, не написавший ни одной строчки. <...> Я помню, как этот пастух вышел на трибуну. Что он нёс?! Так называемый писатель Шолохов, не написавший ни строчки. Он неграмотный, он не прочитал ни одного слова. У него нет книг, нет записок, нет почерка».

Ну, казалось, собрались собаки (образ М.А. Шолохова) перед столетним юбилеем, погавкали да и разбежались... Как бы не так! Год спустя появляется брошюрка «В тени «Тихого Дона». Федор Крюков — забытый русский писатель», в которой опубликованы все приведенные выше слова о М.А. Шолохове. Кроме того, для усиления впечатления от стенограммы в брошюрке в очередной раз публикуются измышления А. и С. Макаровых на тему: почему М.А. Шолохов не автор «Тихого Дона», а также их «размышления» о том, «насколько отрицательным было непосредственное впечатление от общения с писателем Шолоховым», о его алкоголизме («вино, вино, вино...»).

К сожалению, ложь о М.А. Шолохове умножается огромными тиражами газет, телевизионными передачами, рассчитанными на миллионы абсолютно неподготовленных зрителей, закормленных черной информацией, сенсациями. Совсем недавно «Аргументы и факты» сообщили: «По сей день вопрос, кто же, собственно, создал роман, остается открытым». Да кто же этот вопрос «открыл»? Неужели кучка возомнивших себя правдолюбцами нечестивых «ученых»? Они ничего не доказали, но кричат громче всех, и никто не смеет их остановить. Так можно действовать только, по словам В.Распутина, в оккупированной стране.

«Драться буду до конца»

А всё складывалось так хорошо! Жене Шолохов писал: «Мой роман произвел в литературных кругах «шумиху»: шепчутся, просят читать, есть предложения печатать отрывки» (13 окт. 1927 г.). Ей же — 13 мая 1928 г.: «Роман мой гремит! Читала ли статью Серафимовича в «Правде»? Каково? Здесь она произвела сильное впечатление. Пло-

---

ды славы пожиною... Вчера вызывают меня в изд-ство «Пролетарий», и зав. изд-ством Аверкин предлагает заключить договор на следующую вещь, причем сроками не связывает и дает 20% стоимости вещи. Что значит — писатель идет в зенит!». В ростовском журнале «На подъеме» (1928, №10) писали: «Этот роман — целое событие в литературе: отзывы о нем не сходят со страниц журналов и газет вот уже несколько месяцев. Причем все отзывы благоприятные, на редкость единодушные. Роман в самом деле хороший, что называется «выдающийся». А. В. Луначарский в январе 1929 года, подводя итоги ушедшего литературного года, назвал «Тихий Дон» романом «исключительной силы по широте картин, знанию жизни и людей, по горечи своей фабулы»; по его мнению, роман — «лучшее явление русской литературы всех времен».

Но предчувствия не обманули молодого писателя. Н. Тришин, писатель и журналист, вспоминал, как в 20-х числах сентября 1927 года он вместе с Шолоховым шагал по Тверской «мимо поднявшегося ввысь Центрального телеграфа. Шолохов, улыбаясь, заметил: «В прошлом году в моем Огаревом только фундамент был, а теперь, глянь, какая махина выросла!» — «Вроде тебя, — говорю. — В прошлом году еще и фундамента не было, а сегодня роман готов. Растешь быстрее этого телеграфа». — «Ох, далеко моему роману до крыши! Ведь только первый этаж сделан, а вдруг разнесут?»

Как в воду смотрел молодой, но наблюдательный писатель. В письмах жене Шолохов рассказывает: «Ты не можешь себе представить, как далеко распространилась эта клевета против меня!» Клевета — не он написал роман, не мог он написать такой роман, «литературный вор» он. «Об этом только и разговоров в литературных и читательских кругах. Знает не только Москва, но и вся провинция. Меня спрашивали об этом в Миллерово и по железной дороге. Позавчера у Авербаха спрашивал об этом т. Сталин. Позавчера же иностранные корреспонденты спрашивали у РОСТА соглашение, чтобы телеграфировать в иностранные газеты о «шолоховском плагиате». Разрешение, конечно, дано не было.

А до этого ходили такие слухи, будто я подьесаул Донской армии, работал в контрразведке и вообще заядлый белогвардеец. Слухи эти не привились ввиду их явной нелепости, но и про это спрашивал Микоян; причем — любопытная подробность — когда его убедили в ложно-

---

сти этих слухов, он сказал: «Даже если бы Шолохов и был офицером, за «Тихий Дон» мы бы ему все простили!» (письмо от 23 марта 1929 г.).

Л.Л. Авербах — генеральный секретарь Российской ассоциации пролетарских писателей, членом которой был М.А. Шолохов. Как предполагает известный шолоховед В.В. Петелин, «Генеральный секретарь правящей партии дал указание Генеральному секретарю РАПП опубликовать письмо в «Правде», которое должно было положить конец распространению этой клеветы. Сам Авербах не мог бы взять на себя такую смелость».

«Ты всего не представляешь! — возмущался в письме к жене Шолохов. — Ох, как закрутили, сукины сыны. Вот по Москве слух, что авторитетная комиссия установила мой плагиат (позаимствование, грубее говоря — воровство) и передала материалы прокурору Верховного суда Крыленко. Из «Октября» ему звонят. Крыленко руками разводит: «В первый раз слышу!» А слухи уж виляют: «Материалы в ЦК партии!» Звонят туда — и там ничего не знают. Сплетня выбивается в следующее русло: «Материалы, обличающие Шолохова, в ЦИКе и уже наложен арест на 50% гонорара». По выяснении — ерунда. И так последовательно ссылаются на «Правду», на редакции разных газет, а когда там справятся, на поверку выходит — сплетни. В издательстве непрерывные звонки, в магазинах бессмысленные вопросы, на фабриках, на вечерах то же самое... Неплохо атаковали?» (в том же письме).

Откуда поползла эта сплетня? А.С. Серафимович, конечно же, был «в курсе». В письме П. Е. Безруких в мае 1929 г. он делился с ним своими впечатлениями от «литературной» борьбы: «В литературном мире, как и везде, — драки. Пролетарские писатели разбились на две организации: РАПП (Российская ассоциация пролетарских писателей) и «Кузница», и идет жестокий мордобой. Читали ли Вы Шолохова «Тихий Дон»? Чудная вещь! Успех громадный. Шолохов еще мальчуган — лет 25—26. Талант огромный, яркий, с своим лицом. Нашлись завистники — стали кричать, что он у кого-то украл рукопись. Эта подлая клеветническая сплетня поползла буквально по всему Союзу. Вот ведь псы!»

Кто же эти «псы»? Сам Шолохов их хорошо знал. Все в том же письме М. П. Шолоховой он недвусмысленно заявляет: «Дратья буду до конца! Писатели из «Кузницы» Березовский, Никифоров, Гладков, Малышкин, Санни-

---

ков и пр. людишки со сволочной душонкой сеют эти слухи и даже имеют наглость выступать публично с заявлениями подобного рода. Об этом только и разговору везде и всюду. Я крепко и с грустью разочаровываюсь в людях... Гады, завистники и мерзавцы, и даже партбилеты не облагородили их мешански реакционного нутра» (письмо от 23 марта 1929 г.).

Феоктист Березовский, так себе писатель, редактор некоторых рассказов Шолохова, одним из первых, например, стал вслух возмущаться: он, уже опытный писатель, не смог бы написать так, как это сделал молодой Шолохов!..

«Дело о плагиате» обернулось необходимостью представить авторитетной комиссии во главе с М. И. Ульяновой рукописи романа, и 29 марта 1929 г. в газете «Правда» появилось «Письмо в редакцию», подписанное А. Серафимовичем, Л. Авербахом, В. Киршоном, А. Фадеевым и В. Ставским, в котором в духе того времени было заявлено:

«В связи с тем заслуженным успехом, который получил роман пролетарского писателя Шолохова «Тихий Дон», врагами пролетарской диктатуры распространяется злостная клевета о том, что роман Шолохова является якобы плагиатом с чужой рукописи, что материалы об этом имеются якобы в ЦК ВКП (б) или в прокуратуре (называются также редакции газет и журналов). Мелкая клевета эта сама по себе не нуждается в опровержении. Всякий, даже не искушенный в литературе читатель, знающий изданные ранее произведения Шолохова, может без труда заметить общие для тех его ранних произведений и для «Тихого Дона» стилистические особенности, манеру письма, подход к изображению людей.

Пролетарские писатели, работающие не один год с т. Шолоховым, знают весь его творческий путь, его работу в течение нескольких лет над «Тихим Доном», материалы, которые он собирал и изучал, работая над романом, черновики его рукописей.

Никаких материалов, порочащих работу т. Шолохова, нет и не может быть в указанных выше учреждениях. Их не может быть ни в каких других учреждениях, потому что материалов таких не существует в природе.

Однако мы считаем необходимым выступить с настоящим письмом, поскольку сплетни, аналогичные этой, приобретают систематический характер, сопровождая

выдвижение почти каждого нового талантливого пролетарского писателя.

Обывательская клевета, сплетня являются старым и испытанным средством борьбы наших классовых противников. Видно, пролетарская литература стала силой, видно, пролетарская литература стала действенным оружием в руках рабочего класса, если враги принуждены бороться с ней при помощи злобной и мелкой клеветы.

Чтобы неповадно было клеветникам и сплетникам, мы просим литературную и советскую общественность помочь нам в выявлении «конкретных носителей зла» для привлечения их к судебной ответственности».

Это «Письмо в редакцию» довольно часто цитируют недруги М.А. Шолохова, но, естественно, не полностью, главным образом — последний абзац, говоря тем самым читателям, не имеющим возможности прочитать его полностью, что был «окрик» со стороны партии и потому многие годы, даже десятилетия вопрос о плагиате в печати не поднимался. Однако «Письмо» показало, что выше «слухов и толков» (сплетен) их авторы не поднимались, ведь в «Письме» сказано и о стилевом единстве «Донских рассказов» и «Тихого Дона», и о рукописях романа.

Хотели бы особо обратить внимание на 4-й абзац «Письма в редакцию», в котором вскрыта первопричина сплетни. М.А. Шолохов был не единственным писателем, о котором говорили как о «литературном воре», сплетни имели «систематический характер, сопровождая выдвижение почти каждого нового талантливого пролетарского писателя». То есть, в основе сплетен — **зависть**, давняя болезнь человечества. Сколько горя и зла принесла она миру и конкретно — талантливым, гениальным творцам! Да только ли им? Иосиф Флавий почти две тысячи лет назад в своей «Иудейской войне» признавался: «Нельзя никаким образом в счастье избежать зависти» и восклицал: «Никакое благородное и возвышенное чувство не достаточно сильно, чтобы оказать противодействие низкому чувству зависти».

В творческой среде чувство зависти неистребимо. Конфликт Моцарта и Сальери вечен. Благополучная народная артистка из рассказа П. Проскурина «Однажды в сумерках» Евдокия Савельевна Зыбкина размышляет: «У меня все есть — здоровье, красота, талант... голос есть... Плохо только — зависть кругом... Ох, отчего люди так завистливы? Не украла, никого не ограбила — все своим

трудом, своими ножками — чему завидовать?» У М.А. Шолохова всё тоже было — и здоровье, и красота, и талант, то есть всё то, чему можно, должно завидовать, потому и сопровождался его шумный успех столь же яростной клеветой, поначалу, как это и определено жанру слухов и толков в фольклористике, в устной форме.

К чему стремится клеветник? К уничтожению противника. В руках у него безобидное, на первый взгляд, оружие, однако безотказное. К тому же невидимое. Может ли кто-нибудь, осмотревшись, вспомнить о громком наказании клеветника? Вряд ли, хотя, между прочим, стоит напомнить о том, что и по действующему Уголовному кодексу клевета считается уголовным преступлением.

На время появления «Письма в редакцию» сплетни о плагиате существовали в устной форме, и они не принесли ожидаемого эффекта. А «Письмо в редакцию» все-таки сыграло роль громоотвода. После этого ни в одном издании не появилось ни слова о плагиате автора «Тихого Дона». Но необходимо при этом заметить, что и не могло появиться, так как **никакой доказательной базы (хотя бы надуманной) у клеветников и не было.** Но Шолохов нисколько не преувеличивал, когда признавался: «Меня организовано и здорово травят». Однако «Письмо в редакцию» не остановило клеветников. В письме А.С. Серафимовичу из Вешенской (1 апр. 1930 г.) он жалуется: *«Вновь ходят слухи о том, что я украл «Тихий Дон» у критика Голоушева — друга Л. Андреева, и будто неоспоримые тому доказательства имеются в книге-реквиеме памяти Л. Андреева, выпущенной его близкими. На днях получил я и книгу эту <...>. Там подлинно есть такое место в письме Андреева С. Голоушеву, где он говорит о том, что забраковал его «Тихий Дон». «Тихим Доном» Голоушев — на мое горе и беду! — назвал свои путевые и бытовые очерки, где основное внимание (судя по письму), уделено политич[еским] настроениям донцов в 17 г. Часто упоминаются имена Корнилова и Каледина. Это-то и дало повод моим многочисленным «друзьям» поднять против меня новую кампанию клеветы. И они «раздуют» кадило, я глубочайше убежден в этом!*

Что мне делать, Александр Серафимович? Мне крепко надоело быть «вором». На меня и так много грязи вылили. А тут для всех клеветников — удачный момент: кончил я временами, описанными Голоушевым в его очерках (Каледин, Корнилов, 1917—18 гг.). Третью книгу моего «Тихого Дона» не печатают. Это даст им (клеветникам) повод говорить:

---

*«Вот, мол, писал, пока кормился Голоушевым, а потом ис-
сяк родник».*

Так оно и случилось, и только К. Прийма, как представляется, распутал этот клубок. По его глубокому убеждению, речь в письме Л. Андреева шла об очерке Голоушева «С тихого Дона», отвергнутом им и опубликованном в другом издании. Голоушев писал Андрееву: «Когда я получил назад «С тихого Дона», я пришел в недоумение... Рукопись отдал в «Народный вестник», там ее с благодарностью взяли, и я даже про нее перестал вспоминать». К. Прийма задался вопросом: «Вызывает недоумение: почему в «Реквиеме» <...> в письме Л. Андреева рукопись С. Голоушева именуется «Тихий Дон», а в письме С. Голоушева, подтверждающем получение от Л. Андреева забракованной рукописи, она называется «С тихого Дона» и под этим же названием опубликована в «Народном вестнике»?» Ученый уверен: ответ на этот вопрос мог бы дать оригинал письма Л. Андреева, если бы он был сохранен. Но в «Архиве Л.Н. Андреева», хранящемся в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) АН среди великого множества автографов писателя отсутствует автограф его письма Голоушеву от 3 сентября 1917 года. Он кем-то изъят: вместо оригинала-автографа в пачку писем вложен машинописный текст (причем копия!) с подклейкой последних трех строк (тоже машинописных) без подписи Л. Андреева. «Есть все основания предполагать, что авторы машинописного текста «письма Андреева» от 3 сентября 1917 года, фальсифицируя этот документ, украли у Шолохова заглавие «Тихий Дон», подменили им заглавие очерка «С тихого Дона» Голоушева и эту фальшивку опубликовали в «Реквиеме» как письмо Л. Андреева, для вящей убедительности трижды употребив фразу «Твой «Тихий Дон».

Вот такая чуть ли не детективная история с несостоявшимся «Тихим Доном» Голоушева. Только в этой истории К. Прийма обвиняет не «кузнецов»: разоблачить «в печати эту фальсификацию «письма Андреева» было нетрудно, но «вожди» РАПП и критики-рапповцы этого не сделали», — писал он.

М.А. Шолохов нисколько не оговорился, когда назвал обвинения в плагиате «организованной травлей». Много позже (в 1977 г.) в беседе с норвежским славистом Г. Хьетсо, одним из авторов книги «Кто написал «Тихий Дон», писатель снова вспомнил об «организованной зависти».

В связи с этим любопытна оценка скандинавского ученого всей этой ситуации с плагиатом — оценка как бы со стороны. Для него «обвинение, предъявленное Шолохову, можно считать уникальным: **Шолохов «в такой степени является предметом национальной гордости, что бросать тень сомнения на подлинность его таqпип opus <...> значит совершать деяние, близкое к святотатству»** (здесь и далее выделено нами. — Авт.).

И все же святотатство произошло, и ученый это объясняет атмосферой всеобщей подозрительности, существовавшей в то время в стране. В такой атмосфере «любое голословное утверждение могло найти сторонников, и слухи расцветали пышным цветом», — сослался он на мнение советского шолоховеда А. Хватова. Вместе с тем ученый возражает против «организованного начала» в травле Шолохова, против мнения К. Приймы о том, что во всей этой неприглядной истории виден след троцкизма. «На первый взгляд, — пишет он, — теория Приймы выглядит довольно убедительной. Однако ей не хватает доказательств. <...> Правда, в сентябре 1929 года в одной из ростовских газет появилась статья, в которой Шолохов подвергался нападкам за политическую неблагонадежность и идеологическую слабость. Однако о политических симпатиях ее автора ничего не известно, равно как и его связях с троцкистами. Ничто не указывает на то, что эти люди или те, кто был с ними связан, могут быть заподозрены в обвинении Шолохова в плагиате. Напротив, некоторые члены редакционной коллегии (Л. Авербах, В. Киришон и А. Фадеев), последовав, по версии Приймы, совету Сырцова прекратить публикацию романа, вскоре подписали письмо в «Правду», в котором утверждалось, что книга не является подделкой. Можно предположить, конечно, что все это было двойной политической игрой, но, пока не будут представлены более убедительные доказательства, обвинения, выдвинутые против троцкистов, кажутся несколько преждевременными».

Значит, троцкизм был, клевета о плагиате «цвела пышным цветом», в газетах и журналах печатались обвинения в пособничестве писателя кулакам, белогвардейских его симпатиях, а «организованной травли» не было? Мы, естественно, тоже считаем, что специальной тайной (подпольной) секты по травле Шолохова не существовало, но то, что на судьбе писателя и его романа сказалась внутривластная борьба с троцкизмом, в этом сомнений тоже быть не может...

И подчеркнем еще раз: в средствах массовой информации это был единственный факт публикации, на основании которого можно было вести устные разговоры о плагиате, о чем и писал сам М.А. Шолохов. Но никакой доказательной силы он, этот факт, не имел, однако стал на время причиной новой волны слухов и толков. Но, как известно, нельзя остановить клеветников в их стремлении уничтожить предмет зависти. Они пошли по другому пути, воспользовавшись для этого средствами массовой информации. Вместо плагиата они стали публично говорить о политической неблагонадежности молодого писателя.

Г. Хьетсо вспоминал о статье в «одной из ростовских газет». Речь шла о статье Н. Прокофьева «Творцы чистой литературы», опубликованной в молодежной газете «Большевицкая смена» 8 сентября 1929 года. В ней, в частности, утверждалось:

«Человек, давший прекрасный «Тихий Дон», очень далек от советской общественности. Он стоит в стороне от житейской суеты, политических тревожений.

Политика — не его дело.

Никакого участия в общественной жизни станицы Вешенской, расположенной за 150 верст от железной дороги, где нет культурных сил, где помощь Шолохова могла бы принести большую пользу. <...>

Это к нему являются целые делегации с просьбой помочь, походатайствовать о снижении налога, с жалобами на советскую власть. Кто ходит? Бедняки у Шолохова не были.

Когда бывший атаман станицы Букановской, а сейчас, в связи с ликвидацией таких чинов в советской республике, превратился в попа и за неуплату налога должен был продать свое имущество, то Шолохов согласился уплатить за этого лишенца, чуждого советской власти человека, — весь налог.

Писание в газету он считает ниже своего достоинства.

Почему родственница Шолохова, будучи в станице Букановской, была лишена избирательных прав, а по приезде в Вешенскую восстановлена?

Вот они, факты.

Мы привели эти факты с Шолоховым для того, чтобы показать, как иногда и наш писатель считает политику чем-то отвлеченным, которое его не касается. Мы, мол, творцы чистой литературы и... общественность не наше дело. Отходят от политики и общественности.

А к чему это приводит — лучше всего говорит случай с Пильняком».

Что это такое? Не что иное, как донос. Можно ли предположить, что это случайная «выходка» наивного журналиста? Естественно, нет, особенно в той социально-политической обстановке конца 20-х — нач. 30-х гг., особенно — в связи с упоминанием Бориса Пильняка, опубликовавшего в это время за рубежом повесть «Красное дерево», отвергнутую журналом «Красная новь». Публикация же за рубежом даже в 50-х — нач. 60 гг. считалась преступлением (Б. Пильняк был репрессирован в 1937 году). Именно поэтому так возмущен был Шолохов. Он писал Е. Г. Левицкой (ей он посвятил рассказ «Судьба человека»): «Один литературный подлец (это мягко выражаясь), сотрудник краевой комсомольской газеты «Больше[вистская] смена», летом был в Вешках, собрал сплетни, связав с моим именем, и после пильняковского дела выступил в газете с сенсационными разоблачениями по моему адресу. «Факты», которые он приводит, ни в какой мере не соответствуют действительности. <...> Из-за этого бросил работу, поехал в Ростов. Да, я сейчас послал письмо в редакцию, где категорически опровергаю эти вымышленные факты, но редакция не печатала письмо 2 недели до моего приезда. Меня автор этой гнусной статьи обвинял в пособничестве кулакам и в уплате налога за тестя, б[ывшего] атамана, и еще черт знает в чем. <...> Меня сознательно и грязно оклеветали в печати» (письмо от 14 октября 1929 г.).

В конце концов (5 ноября) газета поместила сообщение секретариата Северо-Кавказской Ассоциации пролетарских писателей, в котором было заявлено, что «выдвинутые против т. Шолохова обвинения являются гнуснейшей клеветой и при расследовании ни одно из этих обвинений не подтвердилось».

Но если бы этот случай был единственным в судьбе писателя, можно было согласиться с мнением Г. Хьетсо, однако Н. Прокофьев был не одинок. Практически одновременно в новосибирском журнале «Настоящее» (№ 8—9, 1929) была опубликована статья «Почему «Тихий Дон» понравился белогвардейцам?», в которой спрашивалось: «Задание какого же класса выполнил, затушевывая классовую борьбу в дореволюционной деревне, пролетарский писатель Шолохов?» Ответ был дан «со всей четкостью и определенностью»: «Имея самые лучшие субъективные

намерения, Шолохов объективно выполнил задание кулака... В результате произведение Шолохова стало приемлемым даже для белогвардейцев».

Г. Хьетсо, возражая, вспомнил о том, что некоторые члены редакционной коллегии журнала «Октябрь», в котором печатался «Тихий Дон», — Л. Авербах, В. Киршон и А. Фадеев — подписали «Письмо в редакцию» «Правды», но означало ли это «безоблачность» в жизни писателя и в издании «Тихого Дона»? Конечно же, нет. Еще не законченный, роман широко обсуждался. У рядовых читателей он вызвал неподдельный интерес и восторг. В письме к жене сам писатель, например, вспоминал: «Я попал в какой-то дьявольский водоворот: у меня нет свободного часа, чтобы уделить его на письмо или отдых. Достаточно сказать, что ежедневно выступаем по два-три раза, на заводах в обеденный перерыв, в клубах и в Доме печати по вечерам. Вместе со мною в Ростове поэт М. Светлов, потом приехал Ляшко, и вот втроем мы подвигаемся. Всего выступили в Доме печати, в Университете, на рабфаке, в Доме работников просвещения, на заводе «Аксай», в Ленинских мастерских, в вечере «Большевицкая смена» у рабкоров; затем у коммунальщиков в клубе был устроен диспут о «Тих. Доне». Выступили профессора: Сретенский, Беляев, Ходжаев и целый ряд других товарищей. Всего описать невозможно, приеду — тогда. Но одно можно сказать с уверенностью — Ростов «покорен». 8-го едем в Москву» (письмо от 5 декабря 1928 г.).

Казалось бы, успех — колоссальный, и М.А. Шолохова ныне живущие средние и старшие поколения знают и помнят как успешного писателя — мастера, вряд ли догадываясь о том, что сплетни конца XX века, бурьяном вскинувшиеся на литературной ниве в начале XXI века, были высеяны в конце 20-х гг. XX века. Для современного читателя, не доверяющего правде современных средств информации, могут показаться даже ничтожными по своему значению небольшие статьи в одной молодежной краевой газете и одном далеком сибирском журнале. Но в те жестокие годы средства информации были «действенным оружием» в руках тех, кто ими владел: с их помощью и возносились высоко, и падали больно, нередко — сразу в могилы. Поэтому можно понять чрезвычайную обеспокоенность молодого М.А. Шолохова, когда надо было ждать появления «Письма в редакцию», мчаться в Ростов, чтобы газета, опубликовавшая пасквиль, сама бы и

напечатала опровержение. Надо было самому заботиться о собственной безопасности, безопасности своей молодой семьи. Тем более что названными двумя публикациями травля его не ограничилась. Об этом свидетельствует и довольно серьезная дискуссия, не закончившаяся устным обсуждением романа: она была опубликована на страницах хотя и краевого, но известного в России журнала. Современный читатель, познакомившийся с материалами дискуссии, сразу же ощутит всю тревожность и опасность для свободы и жизни М.А. Шолохова этой очень опасной интриги.

Реакционный романтик

Содержание дискуссии следующее. Ростовский журнал «На подъеме» организовал обсуждение далеко еще не законченного романа «Тихий Дон» и опубликовал (что чрезвычайно редко случалось в литературной практике) на своих страницах в 12 номере (1930 год) доклад Н. Л. Янчевского под выразительным названием «Реакционная романтика» и ряд выступлений в прениях.

И если высокие художественные достоинства «Тихого Дона» ни у кого не вызвали желания обругать роман, то политическое лицо автора, а потому и идеологические просчеты в романе были подвергнуты в разной степени уничтожающей критике. Особенно уверенно и безапелляционно громил М.А. Шолохова Янчевский. «В период ожесточенной классовой борьбы — говорил он, — <...> охвостье, выражаясь фигурально, оставшееся в пределах Советского Союза, и голова, которая находится за границей, пускают в ход все средства, чтобы отвоевать хоть какие-нибудь позиции. <...> Шолохов в романе «Тихий Дон» совершенно сознательно проводит те идеи, под знаменем которых боролись здесь, на Северном Кавказе, в частности на Дону, кулацкая контрреволюция и донское дворянство, которое сейчас выброшено за границу».

И в чем только историк Янчевский не обвинял писателя Шолохова! «Дано — пролетариат, буржуазия и казачество, — утверждал он, — требуется доказать, что казачество является особой национальностью, что эта национальность имеет особый исторический путь, что этот путь не совпадает с путем пролетариата, что среди казачьей национальности нет предпосылок для классовой борьбы, что казак, уклонившийся с казачьего пути, обречен на

гибель, если не возвратится в лоно казачества. Доказательству всех этих положений посвящен роман «Тихий Дон».

И что же? Янчевский в своем большом докладе поставил доказать все это. Прозвучали обвинения в идеализации старины и быта, в понимании казачества как «особой национальности», в затушевывании в казачестве классовый борьбы, в том, что большевики рождаются «не из казачества, они являются посторонним, инородным телом в патриархальной казачьей среде», да и «пролетариат на Дону — чуждый, пришлый, неказачий» и т. д. Шолохов «холуйски-почтительно описывает белых генералов — Корнилова, Каледина и прочих — и не менее почтительно называет жену Каледина — Мария Петровна, и не жалеет красок для размазывания грязи вокруг Подтелкова и Кривошлыкова. Сцены между Кривошлыковым и «шмарой», подтелковской Зинкой, которая Кривошлыкова называет «подхвостной дрожалкой» и «сопляком», и вся базарная брань даны не случайно. Умолчав о героическом, автор выдвинул на первый план то, что ему было нужно, чтобы морально дискредитировать как Подтелкова, так и Кривошлыкова».

И не случайна в связи со всем сказанным оговорка Янчевского: «Каждый писатель прекрасно знает, что он пишет, и если он то или иное пишет, то он знает, зачем он пишет, почему и чего хочет этим достигнуть».

И опять возникает вопрос: так ли уж «безоблачна» была жизнь молодого гения, не было ли организованной травли его: с одной стороны — слухи и толки, сплетня, с другой — обвинение в антисоветском изображении Гражданской войны и Октябрьской революции? Разве Янчевский не знал, зачем он выступил с докладом «Реакционная романтика» и чего он этим хотел достичь? Ведь его доклад — публичный донос в ГПУ...

Оценку Янчевского «Тихого Дона», слава богу, не во всем приняли его оппоненты. Например, Л. Шемшелевич в своем выступлении «Чего не понял Янчевский» «обнажил» позицию историка-критика: «Янчевский заявил, что объективизм Шолохова — это сознательно надетая маска классового врага», «Янчевский рассматривает «Тихий Дон» как законченно классово-враждебное пролетариату произведение, которое, если сделать «оргвыводы» из его доклада, нужно изъять». С такой оценкой романа Шемшелевич не согласен, однако и он высказал ряд се-

---

рзнейших замечаний в адрес молодого писателя, отнюдь не делавших его жизнь безоблачной. Он отказывает Шолохову в праве называться пролетарским писателем (а обсуждали роман, напомним, в Ростовской ассоциации пролетарских писателей), делает его попутчиком и упрекает тоже в «реакционном казацком романтизме», в «лакировке действительности казацкого Дона, в пацифизме («сказал бы я, в ремаркизме»), в правдоискательстве, характеризующем «мелкобуржуазное мировоззрение Шолохова», в «объективизме, который делает роман в высшей степени идейно шатким произведением», наконец, ставит ему в вину, что он «почти не показал классового расчленения на Дону».

И выступление Шемшелевича обнаруживает неслучайность появления имени Б. Пильняка в клеветнической статье Прокофьева. *«Не так давно, — говорил оппонент Янчевского, — Пильняк за границей издал контрреволюционное «Красное дерево». «Красное дерево» он сейчас переделал, отшлифовал и сделал роман «Волга впадает в Каспийское море». Но даже при поверхностном чтении видно, что это поверхностная перелицовка, видно, что у Пильняка за красными словами скрывается белая сердцевина.*

И вот т. Янчевский в своем докладе попытался провести какой-то литературный «Волга-Дон». Он попытался доказать, что «Тихий Дон» связан с буржуазным романом Пильняка «Волга впадает в Каспийское море», что по существу «Тихий Дон» является контрреволюционным произведением. Я думаю, что такая попытка соединить буржуазный роман Пильняка «Волга впадает в Каспийское море» с левопутническим произведением «Тихий Дон» Шолохова — это дело не умное и не реальное».

Понятно, почему М.А. Шолохов бросился в Ростов защищаться от клеветнических наветов, которые, высказанные «сознательно» или «бессознательно», призывали изъять из жизни не только роман, но и его автора. Примечательно, что письмо М.А. Шолохова о статье Прокофьева было опубликовано тоже в журнале «На подъеме», только двумя годами раньше (1928, №7), в котором он, естественно, был не согласен с обвинениями Прокофьева «в пособничестве кулакам и антисоветским лицам». «Обвинения эти лживы насквозь. Считаю своим долгом заявить, — писал он, — что я целиком и полностью согласен с политикой партии и Сов. власти по крестьянскому вопросу. Я твердо убежден в том, что в период ре-

---

конструкции сельского хозяйства нажим на кулака, задерживающего хлебные излишки, есть единственно правильная линия. Уже по одному этому я не могу быть защитником кулацких интересов».

Дискуссия в Ростовской ассоциации пролетарских писателей — это своеобразная предыстория антишолоховедения. Вопросы к Шолохову о его необычной писательской позиции (со стороны белых), когда практически все советские писатели смотрели на Октябрьский переворот и Гражданскую войну с точки зрения победившего пролетариата, легко могли быть сформулированы и в плане авторства: он ли написал этот роман? Не белый ли офицер на самом деле? «Каков общий смысл романа Шолохова?» — спрашивал в конце своего большого выступления Янчевский и подводил основной итог: «Все те моменты, о которых мы говорили, и установка, которая имеется в романе Шолохова «Тихий Дон», в своей исторической и программно-политической части <...> нам враждебны». То есть, если продолжить, можно сделать заключение: не Шолохов, написавший «Донские рассказы», автор антисоветского романа. В лучшем случае ему принадлежат худшие страницы романа, например, те, на которых рассказывается о персонажах-коммунистах. Отсюда — мысль о том, что у романа два автора: один на самом деле автор, а другой — соавтор, в руках которого очутилась рукопись романа, по своему содержанию чуждая советской идеологии. Что совершенно очевидно, на рубеже 20—30-х гг. создавалась почва для объединения публично выраженного мнения о том, что Шолохов фактически не мог написать «Тихий Дон», со сплетней (всегда распространявшейся тайно) о плагиате: Шолохов под своим именем издал чужую рукопись. Антишолоховецы, опираясь на то и другое, подбросили «научную» гипотезу: конечно же, Шолохов был неглупым человеком, найденную или похищенную рукопись, чтобы ее можно было издать в советских условиях, необходимо было доработать, переработать, дополнить...

И надо сказать — оппоненты Янчевского ответили в главном и будущим антишолоховедам, утверждая целостность идеологической, политической и художественной сути романа. Остановимся только на двух моментах.

В литературе о Шолохове довольно часто указывается на то, что писатель развивал в своем творчестве традиции, заложенные в русской литературе Л.Н. Толстым. Но

мало кто изучает вопрос о влиянии Ф.М. Достоевского на молодого писателя. А ведь у Достоевского оказался превосходный ученик, понявший все достоинства его творческого полифонизма. И «критики» М.А. Шолохова почувствовали эту новизну его подхода к изображению действительности сразу же, правда, плохо к этому отнесясь. М.А. Шолохова обвинили в объективизме, в недостаточно отчетливом выражении своего отношения к персонажам и событиям, изображенным в романе. Янчевский по своему проницательно заметил: «Сложность понимания романа Шолохова заключается в том, что у него нет того лица, которое являлось бы «alter ego» автора и высказывало мысли автора в романе. У него существует разделение труда между отдельными персонажами. Например, Листницкий классифицирует большевиков, а Шолохов в романе это доказывает. Атарщиков поэтически говорит о любви к тихому Дону, а Шолохов это доказывает и показывает, Изварин развивает теорию кулацко-казахской самостийности, и это пытается доказать в своем романе Шолохов». Шемшелевич еще определеннее написал: «Самый основной недостаток — это «объективизм», который делает роман в высшей степени идейно шатким произведением». Д. Мазнин утверждал: «Автор не сливается в полной мере ни с одним из героев романа. Он не поднимается еще до уровня Бунчука или Лагутина, не овладел пролетарским мировоззрением». Критики — как писавшие на рубеже 20—30-х годов, так и пишущие сейчас — понимали и понимают, что роман необычен, в том числе и для современной литературы, именно тем, что авторская позиция в нем никак **прямо** не выражена, автор никого не идеализирует и не «клеимит позором», он старается как бы со стороны, объективно, встав на позиции и тех и других, показать правду жизни, а не правду класса или победивших красных, советской власти. Именно поэтому, с одной стороны, Янчевский и его оппоненты обвиняли молодого писателя во всех возможных и невозможных грехах, связанных с классовой борьбой, с другой — антишолоховеды «увидели» две позиции в романе, ярко выраженные, — позицию «за белых» и позицию «за красных». Поскольку позиция «за белых» их более устраивает (как мог коммунист Шолохов симпатизировать им!), они, несколько не смущаясь, увидели в страницах, им посвященных, одного автора, истинного, а поскольку позиция «за красных» им не очень по душе, они приписали стра-

---

ницы романа, рассказывающие о красных, о советской власти, М.А. Шолохову, при этом стараются всеми правдами и неправдами его дискредитировать как писателя, сделать его только «соавтором» автора «Тихого Дона».

Янчевский и его оппоненты, конечно же, не могли не обратиться к освещению событий недавнего для них прошлого и отношения писателя к событиям. И, разумеется, увидели, что Шолохов не воспроизвел «в художественных образах всей глубины расслоения казачества» и не дал «развернутой картины жизни батрацко-бедняцких слоев как казачества, так и иногородних в их отношении к кулакам», недостаточно показал «революционизирующую роль города», «влияние шахтеров», и вообще — он не «пролетарский писатель», а только лишь «мелкобуржуазный интеллигент-попутчик, приближающийся к пролетариату» — в лучшем случае. А Янчевский вообще заявил, что роман, «высокий по своей художественности <...>, по своей идее выражает то, чем оперировала самая махровая донская контрреволюция».

Так что, как видим, в этом — прямое расхождение критиков 20—30-х гг. М.А. Шолохова, для которых писатель — антисоветчик, антикоммунист, и нынешних антишолоховедов, считающих писателя или приспособленцем, которому выгодно было присоединиться к советской идеологии, или коммунистом.

Но расхождения и в другом: в подходе к самому историческому материалу. Современные антишолоховеды и самостоятельно, и на основании исторических исследований стараются «поймать» писателя на ошибках в описании тех или других событий, поступков исторических персонажей романа и т.д. Но уже на рубеже 20—30-х гг. была сформулирована совершенно правильная методологически позиция оценки личностей и событий, становящихся со временем историческими. Мазнин, оппонент Янчевского, говорил: «Мы могли бы к «Тихому Дону» подойти как к роману историческому в строгом смысле этого слова. В этом случае мы имели бы право проверять каждую страницу романа с точки зрения соответствия объективной действительности. Но вовсе не таким романом является «Тихий Дон», и в ряде моментов Янчевский бьет мимо цели, утверждая, что того-то и того-то в действительности не было, а если и было, то не так, как описано в романе. Мы уже давно отошли от такой критики. Для нас важно найти в «Тихом Доне» не соответствие тем

или иным фактам, имевшимся в истории донского казачества, а соответствие диалектике объективной действительности, ходу исторического процесса».

Еще в 20-е годы ушедшего века литературоведы «давно отошли» от критики, определявшей, было ли в действительности то-то и то-то, что изображено в художественном произведении, а спустя 80 лет антишолоховеды, очевидно, не понимающие или делающие вид, что не понимают, для чего создается искусство, продолжают искать «ошибки» гения, чтобы унижить его, уличить в «литературном воровстве», чтобы заставить нас усомниться в высоких художественных достоинствах «Тихого Дона».

На рубеже 20—30-х гг. возникли и непреодолимые трудности, очень большие осложнения в самом издании романа. Почти на 3 года задержалась его публикация... В письме А.С. Серафимовичу (от 1 апреля 1930 года) М.А. Шолохов сообщал: «Вам уже наверное известно, что 6-ю ч. «Тих. Дона» печатать не будут, и Фадеев (он прислал мне на днях письмо) предлагает мне такие исправления, которые для меня никак не приемлемы».

А ведь 31 июля 1929 года Шолохов из Вешек писал Е. Г. Левицкой: «Сейчас туго работаю над 6-й частью. А «Октябрь» меня осаждает. Что я им продался, что ли? Корабельников готов и недопеченное слопать. Блажен, кто кумсом не привередлив. Злят меня очень. Три или четыре т-ммы получил». И вот 2 апреля 1930 года из Вешек он сообщает все той же Е. Г. Левицкой: «Фадеев предлагает мне сделать такие изменения, которые для меня неприемлемы никак. Он говорит, ежели я Григория не сделаю своим, то роман не может быть напечатан. А Вы знаете, как я мыслил конец III кн[иги]. Делать Григория окончательно большевиком я не могу. <...> Об этом я написал и Фадееву. Что касается других исправлений (по 6-й ч.), — я не возражаю, но делать всю вещь — и главное конец — так, как кому-то хочется, я не стану. Заявляю это категорически. Я предпочту лучше совсем не печатать, нежели делать это помимо своего желания, в ущерб и роману, и себе. Вот так я ставлю вопрос. И пусть Фадеев (он же «вождь» теперь...) не доказывает мне, что закон художеств[енного] произведения требует такого конца, иначе роман будет объективно реакционным. Это — не закон. Тон его письма — безапелляционен. А я не хочу, чтобы со мной говорили таким тоном, и ежели они (актив РАП-Па) будут в этаким духе обсуждать со мной вопросы, свя-

---

занные с концом книги, то не лучше ли вообще не об-суждать. Я предпочитаю последнее».

Почему 6-я часть романа так напугала Фадеева, и не только его? Да потому что, во-первых, рассказывала о Вешенском (Верхне-Донском) казачьем мятеже против советской власти, о котором, благодаря хорошо поставленной пропаганде, многие и не подозревали; во-вторых, в ней показаны причины этого мятежа — зверства Красной Армии в отношении казаков-стариков, вообще — политика расказачивания, а в-третьих, в ней, с одной стороны, изображался Троцкий, яростный враг Сталина, с другой — упоминались Сырцов и Малкин (первый был в это время председателем Совнаркома, второй — членом коллегии ГПУ; оба принимали очень уж активное участие в расказачивании Дона).

Самой главной причиной восстания сам Шолохов считал допущенные перегибы «по отношению к казаку-средняку». И вообще, писал он, вопрос «об отношении к среднему крестьянству еще долго будет стоять и перед нами, и перед коммунистами тех стран, какие пойдут дорогой нашей революции. Прошлогодняя история с коллективизацией и перегибами, в какой-то мере аналогичными перегибами 1919 г., подтверждают это». Такими мыслями делился он в письме от 6 июня 1931 года с А.М. Горьким, обращаясь к нему с просьбой помочь в публикации 6-й части романа, уже посланной ему.

Горький прочитал 3 книгу романа (в нее входит 6 часть) и в письме от 3 июня 1931 г. Фадееву так оценил ее: *«Третья часть «Тихого Дона» — произведение высокого достоинства, на мой взгляд — она значительнее второй, лучше сделана. <...> Если исключить «областные» настроения автора, рукопись кажется мне достаточно «объективной» политически, и я, разумеется, за то, чтоб ее печатать, хотя она доставит эмигрантскому казачеству несколько приятных минут. За это наша критика обязана доставить автору несколько неприятных часов. <...>*

Шолохов очень даровит, из него может выработаться отличнейший советский литератор, с этим надобно считаться».

Очевидно, зная уже «вождя» Фадеева и не надеясь на быстрое удовлетворение своей просьбы, Горький организует у себя на даче в конце июня — начале июля встречу М.А. Шолохова со Сталиным. Сталин читал роман, в том числе и 3-ю книгу. Со слов самого писателя вот как пере-

---

дает эту встречу известный шолоховед В. О. Осипов: «Сидели за столом. Горький все больше молчал, курил да жег спички над пепельницей. Кучу целую за разговор нажег.

Сталин задал вопрос: «Почему вы так смягченно описываете генерала Корнилова? Надо его образ ужесточить».

Я ответил: «Поступки Корнилова вывел без смягчения. Но действительно некоторые манеры и рассуждения изобразил в соответствии с пониманием облика этого воспитанного на офицерском кодексе чести и храброго на германской войне человека, который объективно любил Россию. Он даже из германского плена бежал».

Сталин воскликнул: «Как это — честен?! Он же против народа пошел! Лес виселиц и море крови!»

Должен сказать, что эта обнаженная правда убедила меня. Я почти отредактировал рукопись. <...>

Сталин новый вопрос задал: «Где взял факты о перегибах Донбюро РКП(б) и Реввоенсовета Южфронта по отношению к казаку-середняку?» <...>

Я ответил, что роман описывает произвол строго документально — по материалам архивов. Но историки, — сказал, — материалы обходят и Гражданскую войну показывают не по правде жизни. Они скрывают произвол троцкистов, тех, кто обрушил репрессии на казаков. Троцкисты разрушили союз советской власти с середняком. Троцкий проявил вероломство. В этом трагедия казачества. <...>

В конце встречи Сталин произнес: «Некоторым кажется, что третий том романа доставит много удовольствия тем нашим врагам, белогвардейщине, которая эмигрировала». И он спросил меня и Горького: «Что вы об этом скажете?» Горький сказал: «Они даже самое хорошее, положительное могут извращать, чтобы повернуть против советской власти». Я тоже ответил: «Для белогвардейцев хорошего в романе мало. Я ведь показываю полный их разгром на Дону и Кубани...» Сталин тогда проговорил: «Да, согласен. Изображение хода событий в третьей книге «Тихого Дона» работает на нас, на революцию».

По другим источникам, вождь еще сказал: «6-ю часть «Тихого Дона» печатать будем».

Так, благодаря Горькому и Сталину, публикация «Тихого Дона» продолжилась.

И вот спрашиваем теперь: случайно или не случайно в жизни Шолохова одновременно сплелись сплетни о плагиате, обвинения в пособничестве кулакам и симпатиях белогвардейцам и почти трехлетняя задержка публикации

6-й части «Тихого Дона»? Фадеев же требовал изъятия более 15 глав! В том же письме Горькому Шолохов признавался: «Непременным условием печатания мне ставят изъятие ряда мест, наиболее дорогих мне (лирические куски и еще кое-что). Занятно то, что десять человек предлагают выбросить десять разных мест. И если всех слушать, то 3/4 нужно выбросить».

Вот ведь сукины дети! По верному выражению самого писателя...

«Ну, а каковы же итоги дискуссии, устроенной журналом «На подъеме»?» — спросит внимательный читатель. Цель, которую ставили организаторы ее, не осуществилась: М.А. Шолохов остался на свободе, а желавшие ему смерти, в том числе и творческой, пострадали серьезно. «В начале 1931 года руководство Северо-Кавказской ассоциации пролетарских писателей было смещено. Бюро Северо-Кавказского крайкома партии обновило редколлегию журнала «На подъеме» и указало на допущенные политические ошибки, выразившиеся в публикации статьи Н. Янчевского» (К.И. Прийма). Повинен ли был в этом М.А. Шолохов? Скажем так: не он первым начал, и речь шла о его жизни и смерти... Но политический момент способствовал победе писателя: в разгаре была борьба с троцкизмом. В решении бюро Северо-Кавказского крайкома ВКП(б) от 27 декабря 1931 г. Н. Янчевский характеризовался как человек, «систематически проводивший троцкистские установки в своей работе «Гражданская война на Северном Кавказе». В 1937 году он был арестован и расстрелян. Однако в том вины Шолохова не было: в 1937—1938 гг. над ним самим опять сгустились тревожные тучи.

Не в этих ли событиях кроются истоки злобы антишолоховедов к гению М.А. Шолохову?

И напомним: в 1931 году писатель закончил работу над «Поднятой целиной», которая с начала 1932 года стала печататься в «Новом мире» (№№1—9) и вышла в этом же году отдельной книгой в Москве в издательстве «Федерация» двумя тиражами.

Он написал правду

«Письмо в редакцию» А. Серафимовича, Л. Авербаха, В. Киршона, А. Фадеева, В. Ставского, опубликованное в «Правде» 29 марта 1929 года (одновременно оно появи-

---

лось и в «Рабочей газете») явилось единственным **письменным** свидетельством «слухов и толков» о «литературном воровстве» М.А. Шолохова. Вплоть до 90-х годов сплетни о плагиате писателя в советской печати не появлялись. Антишолоховеды это объясняют единственной, на их взгляд, причиной: все были запуганы легкой возможностью попасть за решетку без суда и следствия... Именно таково их отношение и к «Письму в редакцию». Однако причина совсем в другом: **никакой доказательной базы «литературного воровства» не существовало, как ее не существует и до сих пор.** Но это не значит, что клевета не бытовала в своей естественной форме — в виде «слухов и толков», подогреваемых теми или иными обстоятельствами социально-политической жизни страны. Первое же печатное сообщение о плагиате, очевидно, необходимо отнести к зарубежной эмигрантской прессе, в целом с восторгом принявшей роман «Тихий Дон». В эмигрантских парижских «Последних новостях» (22 мая 1930 г.) было опубликовано сообщение о докладе А. Каменского о положении писателей в Советском Союзе. Суть доклада такова: *«Творческая энергия писателей, лишенных возможности писать и издаваться, выражается зачастую в самых невероятных рассказах, в болезненных бредовых толках о всяких литературных событиях. Легенды рождаются ежедневно десятками, и легендам этим верят. Так, например, недавно всю литературную Москву потрясла история с «Тихим Доном», романом молодого беллетриста Шолохова. В писательских кругах внезапно «обнаружили», что автором нашумевшего романа является вовсе не Шолохов, а неизвестный белый офицер-кавказец, убитый в свое время в Чека. Случай помог якобы Шолохову, служившему в Чека, завладеть бумагами расстрелянного офицера, среди которых находилась и рукопись романа.*

Мало того: по выходе романа в свет правление «Гиза» получило — как передавали — от проживающей в глухой провинции старушки письмо, в котором она сообщала, что роман является произведением ее сына, которого она не видела много лет и почитала погибшим. «Гиз», желая порадовать писателя, выписал старушку в Москву и устроил ей свидание с Шолоховым, окончившееся ничем... Вся эта история передавалась в писательской среде с мельчайшими подробностями. В дело вмешались власти, организовавшие нечто вроде «домашнего трибунала» с массовым допросом свидетелей. На «процессе» фигурировали почти все москов-

---

ские писатели во главе с Пильняком, Лидиным и др. «Судебное разбирательство» завершилось реабилитацией Шолохова, которому удалось доказать, что роман написан действительно им. Виновники слухов обнаружены не были».

Сам А. Каменский в эту сплетню не верил, как не поверили и многие другие. Разумеется, в России в быту устно «слухи и толки» продолжали жить: одни, поддерживая их, завидовали писателю, другие, слушая с любопытством, охали и ахали...

Следует, конечно же, отметить, что рассказ А. Каменского — типичный фабулат устной, фольклорной, сказочной прозы. Фабулат потому, что история с плагиатом представляет собой сюжетное повествование, абсолютно вымышленное, рассчитанное на возбуждение интереса к кровавым, трагическим моментам жизни. Как и полагаются, бывальщина (у фольклористов существует и такой термин) круто замешана на «трагедии», в которой главным персонажем является процветающий писатель, построивший свое счастье на несчастье других. Разрушенные семейные узы свидетельствуют о суровом социально-политическом конфликте (ЧК, белый офицер, следователь). Чем не шекспировские страсти? И общая оценка (в том числе эмоциональная) не в пользу писателя: для этого устный рассказ и создавался.

Отметим и факт, на который обращали уже внимание, когда вели речь о «Письме в редакцию». Рассказы, причиной которых была зависть, а целью — дискредитация «счастливчиков», создавались не только о М.А. Шолохова. Создание «самых невероятных историй» и распространение «диких и нездоровых слухов», по словам А. Каменского, сопровождало «любое сколь-либо значительное событие в литературе».

За рубежом в 30—50-х гг., как и в России, продолжали обсуждать проблему «литературного воровства» М.А. Шолохова. Свидетельства об этом проникали и в печать. Однако они не поднимались выше уровня сплетен, не преследовали цель политически дискредитировать писателя М.А. Шолохова и тем самым унижить советскую литературу, советскую культуру. Более того, в эмигрантской печати в эти годы появились публикации, в которых опровергалась клевета на писателя. В поисках возможного автора «Тихого Дона» в среде русской эмиграции стали называть Ф. Д. Крюкова, одного из самых известных донских писателей начала XX века, умершего в 1920 году от

тифа во время исхода казаков с Дона к Новороссийску. И это чрезвычайно важные публикации, которые совершенно игнорируются антишолоховедами, так как опровергнуть их нет никакой возможности, а рассказать о них неискушенному читателю — значит подрубить сук, на котором они все вместе сидят.

Одной из таких публикаций является статья Д. Воротынского «Близкое — далекое (Новочеркасск — Шолохов)», опубликованная в парижском журнале «Станица» (1936, №20). Д. Воротынский — прозаик, литературный критик, мемуарист, ученик и друг Ф.Д. Крюкова — еще в 30-е годы опроверг слух о том, что Ф.Д. Крюков работал над большим романом о жизни казаков, и сплетню о том, что М.А. Шолохов воспользовался его несуществовавшей рукописью. Он писал: *«К прискорбию, около двух лет тому назад некий литературный критик в одной русской газете «уличал» Шолохова чуть ли не в литературном плагиате, что-де рукопись первой части романа «Тихий Дон» во время великого исхода из родной земли была утеряна неизвестным автором и ею какими-то путями и воспользовался М.А. Шолохов. Отсюда был сделан вывод, что первая часть «Тихого Дона» написана блестяще, а последующие части посредственно, ибо их писал уже сам Шолохов.*

Мне бы хотелось разъяснить «мнимую легенду», брошенную в эмигрантскую толпу этим критиком. Во время нашего великого исхода из России на Дону было два крупных казачьих писателя: Ф.Д. Крюков и Р.П. Кумов. <...> С Ф.Д. Крюковым я был связан многолетней дружбой, я был посвящен в планы его замыслов, и если некоторые приписывают ему «потерю» начала «Тихого Дона», то я достоверно знаю, что такого романа он никогда и не мыслил писать. Что касается Р.П. Кумова, которого тоже впутывают в эту легенду, то и Кумов такого романа писать не собирался. Есть у Кумова незаконченный роман «Пирамиды», тоже из жизни донских казаков, но он не опубликован и рукопись хранится в Берлине по сие время. Из мелких донских писателей (подчеркиваю, донских, ибо надо знать красоты казачьей разговорной речи) такой рукописи, конечно, ни у кого не имелось...».

Свидетельство Д. Воротынского важно и в другом утверждении: второй по известности в начале XX века донской писатель Р.П. Кумов также не мог быть автором рукописи романа, которой якобы воспользовался М.А.

Шолохов, ибо рукопись незаконченного романа «хранится в Берлине».

Свидетельством истинности сказанного Д. Воротынским является то, что приемный сын Ф.Д. Крюкова П.Ф. Крюков, по словам Ф.Ф. Кузнецова, известный поэт и публицист казачьей эмиграции, «был близок с П. Кудиновым, одно время выступал в качестве соредатора издававшегося П. Кудиновым журнала «Вольный Дон», публиковал в этом и других изданиях свои стихи, очерки, воспоминания об отце», нигде, ни единой строкой или хотя бы намеком не высказывал предположения, будто бы Ф. Крюков, а не Шолохов был автором «Тихого Дона», никогда и нигде не подвергал сомнению авторство Шолохова.

Известно, что среди претендентов на авторство «Тихого Дона» антишолоховеды видят еще одного крупного донского писателя — П.Н. Краснова, автора нескольких больших романов, написанных им в эмиграции. И не замечают, что естественно для них, огромной важности свидетельства эмигранта второй волны Б.Н. Ширяева, прозаика, публициста, литературного критика, о том, как он в 1944 году формировал сборник на тему «Кзаки в русской литературе». Об этом он написал в статье «Воля к правде», опубликованной в бельгийском журнале «Часовой» в 1966 году (№476 (2)). *«Я начал с Пушкина, — писал он, — и кончил отрывками из произведений ген. П. Н. Краснова и Михаила Шолохова. Насколько я помню, на долю П. Н. Краснова пришлось восемь отрывков, на долю М. Шолохова — двенадцать. <...> Официальным редактором этого сборника был Е. Тарусский, но он не дал мне своего заключения, а вместо него вручил пространную, дельно и умно написанную рецензию на мою работу. В ней, между прочим, стояло: «Составитель сделал большую ошибку: такому крупному писателю, как М. Шолохов, он уделит только двенадцать отрывков, а стоящему много ниже его П. Н. Краснову дал слишком много — целых восемь...». Рецензия подписана не была.*

— Кто писал эту рецензию, если не секрет? — спросил я у Тарусского.

— Пожалуй, что и секрет, но все-таки скажу его вам при условии молчания. Ее писал генерал Петр Николаевич Краснов.

Теперь я думаю, что могу говорить об этом, так как нет уже в живых ни генерала П. Н. Краснова, ни Е. Тарусского.

Но тогда, в Берлине, в силу данного обещания, я не смог лично глубже поговорить с генералом П. Н. Красновым и, по правде сказать, считал эти написанные им строки за жест писательской скромности. Поговорить с генералом П. Н. Красновым о М. Шолохове мне удалось несколько позже, уже в Северной Италии.

— Это исключительно огромный по размерам своего таланта писатель, — говорил мне генерал П. Н. Краснов, — и вы увидите, как он развернется еще в дальнейшем.

— Вы, может быть, переоцениваете его, — ответил я, — потому что и Вас, Ваше Высокопревосходительство, и коммуниста Шолохова объединяет одна и та же глубокая, искренняя любовь к родному Дону.

*— Не только это и даже это не главное. Я столь высоко ценю Михаила Шолохова потому, что он **написал правду**.*

Мне казалось тогда, что ген. П.Н. Краснов ошибался и в этом. Ведь я знал, что после второго тома, действительно до глубины души взволновавшего подсоветского русского читателя, к Шолохову будет приставлен партийный дядька, и это, несомненно, должно было отразиться и на самом его творчестве. Я сказал об этом генералу и закончил шутливым вопросом: значит и то, что написано им о Вас, Ваше Высокопревосходительство, тоже глубоко правдиво?

— Безусловно. Факты верны, — ответил ген. П. Н. Краснов, — освещение этих фактов?.. Должно быть, и оно соответствует истине... Ведь у меня тогда не было перед собой зеркала! — закончил также шуткой писатель-генерал».

П.Н. Краснову не было никакого резона как защищать, так и уничтожать своего литературного соперника, принявшего советскую власть. И он нисколько не усомнился ни в авторстве М.А. Шолохова, ни в его огромном таланте («Исключительно огромный по размерам своего таланта писатель»).

К этому же времени (30-е гг.) относится признание атамана П. Х. Попова, послужившего прототипом генерала Попова в «Тихом Доне». Он познакомился с романом, когда жил в Болгарии: «Первое издание вышло тетрадками и было набрано на машинке. На Дону оно произвело впечатление сильное. Грамотные люди даже заподозрили, что не Ф. Д. ли Крюков автор романа? И сейчас же прислали мне несколько тетрадок с запросом, какое мое мнение? Я прочитал и сейчас же ответил: «Нет, автор не Ф. Д. К., язык не его, и, хотя

автор бойкий, но, видимо, начинающий... судя по началу, видно, что автор не казак, — живет на Дону, казачий быт изучает».

Мнение генерала, как видим, вполне определенное: М.А. Шолохов — автор романа, хотя и бойкий, и начинающий, и не казак... Приведено оно было в статье одного из признанных шолоховедов Г. С. Ермолаева. Но вот как оно подается для непосвященного читателя в статье-обзоре антишолоховеда Л. Кациса: статья Г. С. Ермолаева «разбирает реакцию генерала П. Х. Попова (заметим, крайне отрицательную) на изображение Шолоховым эпизодов с участием генерала». И все! Прием известный: раз отношение атамана «крайне отрицательное», значит, он считает писателя подонком и не автором романа.

Разумеется, чисто бытовое восприятие клеветы на М.А. Шолохова в 30—60-е гг. перемежалось с политическими инсинуациями: не могли простить ему того, что он — советский писатель, что зарубежная его слава есть прославление советского искусства и культуры. Потому не могли забыть ему (и не забывают) некоторых выступлений, событий в его жизни.

На пресс-конференции для иностранных журналистов в Стокгольме 7 декабря 1965 г. по случаю вручения Нобелевской премии был М.А. Шолохову задан вопрос: «Считают, что вы получили Нобелевскую премию с запозданием на тридцать лет. Что вы думаете по этому поводу?» — «Я тоже так думаю», — ответил писатель.

Нобелевская премия — самая престижная премия в мире. А мир давно уже, три десятка лет, зачитывался «Тихим Доном». В 1940 году роман был закончен, но началась Вторая мировая война, затем «холодная» — не до премий было, тем более — писателю-коммунисту. Но о Шолохове как писателе, достойном Нобелевской премии, начали говорить еще с середины 30-х гг. и что важно подчеркнуть — за границей. В той же Швеции в 1935 году (роман еще не был завершен) уже писали о том, что он достоин этой премии, что он — всемирно известный, мировой писатель, а его роман — советская «Война и мир». И только политика была помехой в получении премии. Достаточно сказать, что в 1953 году лауреатами Нобелевской премии стали У. Черчилль, отец «холодной войны», и Дж. Маршалл, бывший министр обороны США, инициатор милитаристского возрождения Германии и ярый сторонник установления гегемонии США в Европе.

Вполне очевидно, что члены Нобелевского комитета не могли не знать о «слухах и толках» по поводу авторства романа, однако сочли их ложью, враньем. Уже в 1953 году Нобелевский комитет официально обратился к С. Н. Сергееву-Ценскому, авторитетному советскому писателю и академику, с просьбой назвать кандидата на премию — «не позднее февраля 1954 года», и был назван Шолохов. Но премию он получил лишь спустя 11 лет. Все-таки у Нобелевского комитета были и свои политические пристрастия.

В 1958 году Нобелевская премия была присуждена Б. Л. Пастернаку за роман «Доктор Живаго», опубликованный за границей, а в СССР увидевший свет только в 1988 году. Художественными достоинствами он не блистал (Д. С. Лихачев писал о нем, что это «даже не роман», а «род автобиографии», причем лирической автобиографии), однако был издан не в Советском Союзе. Учитывая противостояние СССР и Запада, можно себе представить, какую антисоветскую роль сыграл роман в те годы (Пастернак даже отказался от премии). Западная пресса была переполнена идеологическими, политическими славословиями в адрес романа: «бестселлер в Европе», «роман стоит в блестящем одиночестве», «голос иной России» и наконец: «Нобелевская премия против коммунизма».

Естественно, хотели знать мнение Шолохова о романе и его авторе. И он в апреле 1959 года, находясь во Франции, в интервью газете «Франс-суар» заявил прямо: «Коллективное руководство Союза советских писателей потеряло хладнокровие. Надо было опубликовать книгу Пастернака «Доктор Живаго» в Советском Союзе вместо того, чтобы запрещать ее. Надо было, чтобы Пастернаку нанесли поражение его читатели, вместо того, чтобы выносить его на обсуждение. Если бы действовали таким образом, наши читатели, которые являются очень требовательными, уже забыли бы о нем. Что касается меня, то я считаю, что творчество Пастернака в целом лишено какого-либо значения, если не считать его переводов, которые являются блестящими. Что касается книги «Доктор Живаго», рукопись которой я читал в Москве, то это бесформенное произведение, аморфная масса, не заслуживающая названия романа».

Нелицеприятная, горькая оценка, тем более прозвучавшая из уст всемирно известного писателя да еще зарубежом. Этого простить Шолохову не могли антисоветски

настроенные диссиденты и нынешние антишолоховеды. Кстати, мнение М.А. Шолохова о Б. Л. Пастернаке не менялось... На той же пресс-конференции, о которой только что шла речь, ему был задан вопрос американским журналистом: «Каково ваше мнение как художника о романе «Доктор Живаго»? Крупный ли это роман?» Шолохов ответил: «Я не меняю мнений. Я говорил и сейчас повторяю, что «Живаго» — плохой роман. Пастернак был талантливым поэтом и еще более талантливым переводчиком. Бунин был лицом без гражданства, а Пастернак — внутренним эмигрантом».

Враги Шолохова напали бы на него в открытую, если бы не Жан Поль Сартр, который замечательно высказался по поводу того, как порою присуждаются премии А. Нобеля. Сам он отказался от Нобелевской премии в 1964 году, заявив при этом: «В нынешних условиях Нобелевская премия объективно выглядит как награда либо писателям Запада, либо строптивцам с Востока. Ею, например, не увенчали Пабло Неруду, одного из крупнейших поэтов Америки. Речь никогда всерьез не шла и о Луи Арагоне, который, однако, ее вполне заслуживает. Достойно сожаления, что премию присудили Пастернаку прежде, чем Шолохову, и что единственное советское произведение, достойное награды, — это книга, изданная за границей».

И в следующем 1965 году Шолохов стал лауреатом Нобелевской премии. За что? Об этом также не любят говорить антишолоховеды. А в дипломе лауреата формулировка точная: «...в знак признания художественной силы и честности, которые он проявил в своей донской эпопее об исторических фазах жизни русского народа».

Именно выступление М.А. Шолохова с оценкой романа Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» и получение им в декабре 1965 года Нобелевской премии вызвали всплеск публикаций против него в зарубежной прессе. «После присуждения Шолохову Нобелевской премии в 1965 году, — справедливо пишет В.В. Васильев, — были реанимированы слухи о плагиате автора «Тихого Дона», переведенные в плоскость откровенно политических нападок на писателя, принявших тотальный характер «охотничьей» травли. За давностью времени трудно установить, кому именно принадлежит приоритет в развязывании тогда и до сих пор не унимающейся облыжной и пошлой кампании. Кому первому и на какой технологи-

---

ческой кузне лжи пришла в голову совершенно дикая, а главное — широко поддержанная мысль о том, что Шолохов «никак» не может представлять русскую интеллигенцию, народ и Россию перед «лицом» Нобелевского комитета и фонда. Более того, как уверяли «мировое сообщество» «Грани», автор «Тихого Дона» «примазывается к величию и благородству русского народа» и тем самым «позорит и его величие, и его благородство, и, конечно, по этой причине «современная русская интеллигенция» «никогда не простит западной культуре присуждения Нобелевской премии Шолохову». Закавыченные слова принадлежат Ю. Галанскову, известному в те годы диссиденту. «Вспомнили» о плагиате в 1965—1967 гг. и многие средства массовой информации, в том числе русская (казачья) печать.

А ведь М.А. Шолохов (если бы антишолоховеды внимательно его читали и не лгали) еще во время нобелевских торжеств, как бы предугадывая их претензии, ответил на целый ряд будущих «обвинений». В этом плане особенно интересна его беседа со студентами факультета славистики шведского университета в г. Упсала в декабре 1965 года.

Упрекают М.А. Шолохова за то, что он якобы никак не мог знать досконально казачий быт. Рассказывая о своих корнях (и украинец он, и русский, даже казак, только не швед), писатель вполне определенно отвечал: «Я родился в хуторе Кружилином станицы Вешенской. Почти всю жизнь провел я там и живу до сих пор в той же местности. Естественно, что впечатления детских лет, постоянные невольные наблюдения за жизнью и бытом моих одноклассников давали мне живой материал для воссоздания мирной эпохи на Дону».

Антишолоховеды, особенно Макаровы, вменяют в вину писателю, что он использовал чужие материалы, мемуары и т.д. Но при написании исторических полотен такое использование «чужих» текстов, устных и письменных, вполне естественно, и М.А. Шолохов это не скрывал, рассказал об этом будущим своим недругам: «Мне приходилось изучать материалы по истории Гражданской войны двусторонним образом: кроме личных наблюдений и личных впечатлений, естественно, я пользовался архивами — нашими, советскими архивами, но, чтобы не попасть впропуск, использовал и материалы зарубежные, в частности, «Очерки русской смуты» генерала Деникина, воспомина-

---

ния генерала Краснова, бывшего донского атамана, и массу других, повременных изданий, которые выходили во Франции и в Англии, вообще всюду за рубежом».

Мы уже говорили о том, что М.А. Шолохов, как писатель, исторически верно изобразил и Первую мировую войну, и Гражданскую, однако роман — не научная монография по отечественной истории, а потому возможны в романе даже ошибки. И писатель не боялся говорить об этом. Характерен следующий факт — пример с английским линкором «Император Индии». В первых изданиях романа у линкора были «двенадцатидюймовые орудия», но писатель получил письмо от бывшего морского офицера с упреком: «Вы допустили ошибку: «Император Индии» <...> был оснащен не двенадцатидюймовыми орудиями, а восьмидюймовыми. Потрудитесь исправить», и ошибка в следующем издании была исправлена. «Так что исправления, — признавался М.А. Шолохов, — шли по многим путям... Писатели, особенно в таком сложном предприятии, как роман, ни в какой мере не гарантированы от ошибок — и частных, и более крупных».

Не боялся М.А. Шолохов признаваться в ошибках! Да и историческая наука все эти годы не стояла на месте... Так почему же все надо сводить к плагиату, все лучшее и точное приписывать мифическому автору, а все ошибки «сваливать» на «соавтора» М.А. Шолохова?

Отношение к прототипам у антишолоховедов резко отрицательное, так как прототипы, без сомнения, указывают на авторство Шолохова, при этом антишолоховеды часто ссылаются на мнение якобы самого писателя, который утверждал, что никаких прототипов нет, а есть персонажи, созданные фантазией художника. При этом цитируют Шолохова, который вспоминал ответ Льва Толстого на вопрос княгини Волконской, кто являлся прототипом князя Болконского. «Толстой ей отвечал, — говорил Шолохов на той же встрече со шведскими студентами, — что он не фотограф, что он не обязан придерживаться протокольной правды, что он свободный художник». На этом основании почему-то делают вывод об отсутствии прототипов у персонажей «Тихого Дона». Но ведь далее у М.А. Шолохова (как и у Толстого) сказано: художник «волен, взяв какой-нибудь прототип, формировать его по своему усмотрению». То есть прототипы есть, но в художественном произведении они не копируются, приобретают такие качества, проходят через такие испы-

---

тания, которые необходимы автору для выражения его замысла. (Кстати, это же характерно для воссоздания исторической обстановки.) И уж куда более наглядно М.А. Шолохов продемонстрировал (в том числе и для своих недругов) свое понимание, что такое прототипы, на примере Григория Мелехова. «Меня часто спрашивают: был ли прототип Григория Мелехова. Уже здесь, в Стокгольме, я видел телепередачу: шведы ездили в Вешенскую — говорили с дочерью Ермакова. Был такой казак, военная биография которого была сходна с биографией Мелехова. <...> Но жизнь и быт не его: ни Натальи не было, ни Аксиньи не было. Это уже художественный домysel».

Так что и о прототипах М.А. Шолохов давно ответил своим нечестным оппонентам, которые, конечно же, вольны в русле своей концепции утверждать, что в жизни Григория Натальи и Аксиньи — от мифического «автора», а его «служивская» биография — от «соавтора», М.А. Шолохова.

На многие каверзные вопросы будущих антишолоховедов писатель давным-давно ответил, даже о хуторе Татарском. По местоположению хутора они пытаются определить, кто же на самом деле был автором «Тихого Дона». Иные утверждают, что хутор Татарский располагался в Усть-Медведицком округе, а именно из этого округа родом Ф. Д. Крюков, значит — он автор романа; другие (Венков, например) определяют хутор Татарский как «блуждающий» хутор: в разных частях романа он описывается по-разному, а это значит, что Шолохов «переписывал» несколько рукописей, принадлежащих перу не одного автора. Сам же писатель говорил, не подозревая будущих обвинений своих недругов, еще в 1965 году буквально следующее: «Какой хутор можно назвать Татарским? Я могу указать целый ряд таких хуторов. Но я был целиком связан, если бы сказал, что это хутор Семеновский — все бы ехали в этот хутор и искали бы там героев романа. И нужно было навести тень на плетень, как говорят. Вот так». То есть нет в романе «фотографии» хутора, но есть типичный казачий хутор со своей рекой, майданом, церковью, жителями.

Все сказанное говорит о чем? О том, что антишолоховедов надо повнимательнее читать не только художественные тексты (в таком случае не было бы утверждений, что «Донские рассказы» написаны М.А. Шолоховым, а «Тихий Дон» — другими писателями), но и его публицистику: очерки, статьи выступления, интервью, в которых со-

---

держатся ответы на многие вопросы «любопытных» и «сомневающихся» критиков.

Таким образом, 1965 год, на первый взгляд, сложился для М.А. Шолохова счастливо. Несмотря на сопровождавший получение Нобелевской премии гул и вой неприятелей, он стал ее лауреатом. Но тремя годами раньше произошла его встреча, произошло его знакомство с А.И. Солженицыным, сыгравшем в жизни писателя роль злодея.

«Ваш А. Солженицын»

17 декабря 1962 года состоялась известная встреча Н. С. Хрущева с интеллигенцией. На нее был приглашен и А. И. Солженицын, автор только что опубликованной, но уже нашумевшей повести «Один день Ивана Денисовича». На этой встрече он увидел М.А. Шолохова и спустя три дня отправил ему заказное письмо (с обратным уведомлением), в котором писал:

«Глубокоуважаемый Михаил Александрович!

Я очень сожалею, что вся обстановка встречи 17 декабря, совершенно для меня необычная, и то обстоятельство, что как раз перед Вами я был представлен Никите Сергеевичу, — помешали мне выразить Вам тогда мое неизменное чувство: как высоко я ценю автора бессмертного «Тихого Дона».

От души хочется пожелать Вам успешного труда, а для того прежде всего — здоровья!

Ваш А. Солженицын».

Известно, что М.А. Шолохов «с большим одобрением отозвался об «Иване Денисовиче» и просил «передать поцелуй автору повести» (из письма А. Твардовского К. Федину).

Так что же произошло?

В конце 50-х, в 60-е гг. постепенно рядом с писательской сформировалась и более широкая среда, в которой циркулировали сплетни о «литературном воровстве» М.А. Шолохова, — среда диссидентов, однозначно видевших в нем своего непримиримого врага. И что очевидно, особенно обострились эти слухи после получения М.А. Шолоховым Нобелевской премии, после его острого выступления против диссидентов на XXIII съезде КПСС и в связи с приближающимся 70-летием. Конечно, в советской печати об этом не было ни слова, опять разговоры о плаги-

---

ате распространялись на Западе, например, в книге Джона Бэррона о КГБ (KGB. The Secret Work of Soviet Agents. London, 1974). Вспомним, книга появилась в разгар «холодной» войны, и автор ее, в отличие от А. Каменского, почти верит в то, о чем пишет, даже рассказывает со слов эмигранта, некоего Алексея Якушева, о том, как Шолохов похитил рукопись романа: *«В начале 1968 года в редакцию «Нового мира» (любопытная деталь, не правда ли? — Авт.) пришло пространное письмо от одной ленинградки, в котором она утверждала, что ее брат написал роман о своей службе в рядах белой гвардии во время Гражданской войны. В начале 20-х годов он был арестован и приговорен к расстрелу. Опасаясь, что в случае его смерти роман будет утерян, брат этой женщины рассказал священнику, сидевшему с ним в одной камере, где спрятана рукопись.»*

Сразу же после ареста брата женщина оставила донбасский поселок, где они жили раньше. Позже, когда она вернулась обратно, то из записки, написанной ее братом перед казнью, ей стало известно о существовании рукописи, которая была доверена священнику. От соседей она также узнала, что следователем ОГПУ, допрашивавшим священника, был не кто иной, как Михаил Шолохов.

Женщина так и не нашла рукописи, о которой упоминал ее брат. Однако она обнаружила ранний черновик романа и многочисленные записки, которые он использовал при его написании, и сумела все это сохранить. В письме говорилось, что за исключением незначительных разночтений, в основном в именах и диалогах, черновик, который она сохранила, полностью совпадает с текстом «Тихого Дона», опубликованного под именем Шолохова. Преодолев, наконец, страх перед оглаской и желая довести дело до конца еще при жизни, женщина обратилась в «Новый мир» с просьбой помочь организовать официальное расследование, которое бы могло восстановить подлинного автора романа.

Главный редактор журнала Александр Твардовский сразу же ответил на письмо, посоветовав женщине передать рукопись в ленинградскую прокуратуру, сопроводив ее соответствующим официальным заявлением. Вскоре Твардовский сам посетил эту женщину. Она подтвердила, что письмо было написано ею, и рассказала, что, следуя данному ей совету, передала черновик и записки в прокуратуру. Однако от дальнейшего разговора на эту тему она отказалась, явно напуганная чем-то. Тогда Твардовский сам обратился в про-

---

курутуру с просьбой проверить рукопись. Однако прокурор заявил ему, что дело закрыто, и посоветовал не вмешиваться. Позже друзья рассказали Твардовскому, что за несколько дней до его приезда в прокуратуру Ленинграда приходил Шолохов «в весьма возбужденном состоянии». Тем дело и закончилось».

Вот такая «развесистая клюква», и трудно не согласиться с Г. Хьетсо, давшим ей убедительное разъяснение. Называя рассказ Бэррона «фантастической историей», он пишет: «Во-первых, как мог Шолохов в «начале 20-х годов», когда ему было всего 15—16 лет, работать следователем <...> ОГПУ? Что же касается появления Шолохова в ленинградской прокуратуре «в весьма возбужденном состоянии», то нам точно известно (из письма К. И. Приймы к автору от 9 сент. 1977 г. — **Авт.**), что в 1968 году писатель вообще не ездил в Ленинград. Бэррон несомненно прав, когда пишет, что эта история никоим образом не является «доказательством плагиата», однако трудно согласиться с тем, что столь неправдоподобный рассказ, в котором не упоминается даже имя «претендента», дает основание для проведения беспристрастной научной оценки литературной репутации Шолохова и выяснения правомерности присуждения ему Нобелевской премии».

«Неправдоподобный рассказ», как и в случае истории, которую поведал А. Каменский, — типичный фабулат. В нем все приметы сюжетных «слухов и толков»: опять семейная тема, но персонажи другие — брат и сестра; родственные отношения не по воле сестры и брата трагически разрушены; смерть преследует, как и в истории А. Каменского, «действительного» автора романа. Для еще более убедительной достоверности в повествование введен реальный персонаж — А.Т. Твардовский и не менее важная достоверная деталь — журнал «Новый мир». В таких вот реалиях и состоит все «волшебство» сказочной прозы. Создаваемая в ней действительность находится в зыбких границах «правды-неправды»: хочешь — верь, хочешь — не верь, но как не поверить, если знаешь, что между А.Т. Твардовским и М.А. Шолоховым были далеко не приятельские отношения, а потому сестра писателя «создавшего» роман, обращается не в «Неву» и не в «Молодую гвардию» и не в «Знамя», например, а именно в «Новый мир»...

И в том-то и дело, что эти придуманные истории, рассчитанные на то, чтобы в них поверили, создаются таким

образом, что они в принципе непроверяемы. Имея реальную эффектность («охи» и «ахи» слушателей, инфаркты и инсульты тех, против кого направлены), они ничем не опасны как для их создателей (которых невозможно установить юридически, в судебном порядке), так и для самих рассказчиков. Очевидно, сам М.А. Шолохов это хорошо понимал и, без сомнения, глубоко переживая клевету, ни разу не обратился в судебные органы. Очевидно, только такие наивные иностранцы, как Г. Хьетсо, могли всерьез поверить в эти «рассказы» и серьезно заняться их опровержением. Да и так ли уж убедительны доводы Г. Хьетсо? «Всего 15—16 лет...», но ведь А.П. Гайдару было всего 18 лет, а он командовал полком; и так ли убедительно утверждение, что в 1968 году М.А. Шолохов не приехал в Ленинград, основывающееся на информации десятилетней давности, полученной от горячего поклонника таланта писателя?

Гораздо правдивее выглядит вся эта история с плагиатом, если сравнить между собой два вышеприведенных фабулата. В таком случае они являются неопровержимым доказательством того, что никакого плагиата не было, ибо об одном и том же естественном желании унижить, уничтожить более талантливого соперника было создано **два совершенно разных по своему реальному содержанию рассказа**. Разумеется, создавались и другие «истории о плагиате» (об одной еще речь впереди), но можно с полной уверенностью говорить о том, **что никаких доказательств плагиата не было.**

И так бы и остались эти «фантастические истории» в анналах «холодной» войны, если бы не А.И. Солженицын. Обратим внимание на год издания книги Бэррона — 1974. В этом же году в Париже на русском языке с предисловием Солженицына выходит книга Д* (И.Н. Медведевой-Томашевской) «Стремя «Тихого Дона» (Загадки романа)», в которой впервые представлена попытка научно доказать «литературное воровство» русского гения. Заметим, что через год у М.А. Шолохова юбилей — 70-летие!

Так что случилось?

А случилось вот что. Шолохов, приветствовавший появление в 1962 году повести «Один день Ивана Денисовича», через 5 лет (в сентябре 1967 года), когда на секретариате Союза советских писателей должно было обсуждаться «дело Солженицына», дал письменный отзыв о его творчестве. Отзыв был резкий, нелюбезный.

«Прочитал Солженицына «Пир победителей» и «В круге первом», — писал М.А. Шолохов. — Поражает — если так можно сказать — какое-то болезненное бесстыдство автора, указывающего со злостью и остервенением на все ошибки, все промахи, допущенные Советской властью. Что касается формы пьесы, то она беспомощна и неумна. Можно ли о трагедийных событиях писать в опереточном стиле, да еще виршиами, такими примитивными и слабенькими, каких избегали в свое время даже одержимые поэтической чесоткой гимназисты былых времен! Все командиры русские и украинец либо законченные подлецы, либо колеблющиеся и ни во что не верящие люди. Как же при таких условиях батарея, в которой служил Солженицын, дошла до Кенигсберга? Или только персональными стараниями автора?»

Почему в батарее из «Пира победителей» все, кроме Нерожина и «демонической» Галины, никчемные, никудышные люди? Почему осмеяны солдаты русские («солдаты-поварята») и солдаты татары? Почему власовцы — изменники Родины, на чьей совести тысячи убитых и замученных наших, прославляются как выразители чаяний русского народа? На этом же политическом и художественном уровне стоит и роман «В круге первом».

У меня одно время сложилось впечатление о Солженицыне (в частности, после его письма к съезду писателей в мае этого года), что он — душевнобольной человек, страдающий манией величия. Что он, Солженицын, отсидев некогда, не выдержал тяжелого испытания и свихнулся. Я не психиатр, и не мое дело определять степень пораженности психики Солженицына. Но если это так, — человеку нельзя доверять перо: злобный сумасшедший, потерявший контроль над разумом, помешавшийся на трагических событиях 37 года и последующих лет, принесет огромную опасность всем читателям, и молодым особенно.

Если же Солженицын психически нормальный, то тогда он по существу открытый и злобный антисоветский человек. И в том и в другом случае Солженицыну не место в рядах ССП. Я безоговорочно за то, чтобы Солженицына из Союза советских писателей исключить».

Оскорбленный Солженицын, затаив зло, начал плести сеть заговора, всячески поддерживая ложь о «Тихом Доне». «Не ей первой, и не первый раз, — признавался он, вспоминая свои уговоры И. Н. Медведевой-Томашевской написать книгу о Шолохове-плагиаторе, — говорил в литературных компаниях, надеясь кого-то надоумить, увлечь:

доказать юридически, может быть, уже никому не удастся — поздно, потеряно (!), тем более открыть подлинного автора. Но что **не** Шолохов писал «Тихий Дон» — доступно доказать основательному (!) литературоведу, не очень много положив труда: только сравнить стиль, язык, все художественные приемы «Тихого Дона» и «Поднятой целины».

Надо заметить, что Солженицын очень хорошо понимает силу сплетен. «В детстве я много слышал о том разговоров, все уверены были, что — не Шолохов писал. Методически не работал никто над тем. Но до всех в разное время доходили разного объема слухи».

Обратим внимание: обвинение М.А. Шолохова у Солженицына выросло из недр несказочной фольклорной прозы, в которой не было ни грамма правды. Заметим также, что печатно зафиксировав «слухи и толки» об авторе «Тихого Дона», Солженицын публично, желая этого или нет, стал заниматься распространением клеветы, став одним из ее авторов: «все уверены были» — это уже неопровержимое свидетельство его лепты в общую копилку лжи. Именно так и говорят, убеждая слушателей, исполнители фабулатов.

Но не только в детстве ему были интересны сплетни о М.А. Шолохове: *«Летом 1965 года передали мне рассказ Петрова-Бирюка за ресторанным столом (!) ЦДЛ, — вспоминает он. — Году в 1932, когда он был председателем писательской ассоциации Азово-Черноморского края, к нему явился какой-то человек и заявил, что имеет полные доказательства: Шолохов не писал «Тихого Дона». Петров-Бирюк удивился: какое же доказательство может быть таким неопровержимым? Незнакомец положил черновики «Тихого Дона», — которых Шолохов никогда не имел и не предъявлял, а вот они — лежали, и от другого (!) почерка! Петров-Бирюк, что б он о Шолохове ни думал (а — боялся, тогда уже — его боялись), позвонил в отдел агитации крайкома партии. Там сказали: а пришли-ка нам этого человека, с его бумагами.*

И — тот человек, и те черновики исчезли навсегда».

Надо полагать, что человек этот побывал в отделе агитации, и его уничтожили...

Это уже третий фабулат о плагиате. По реальному содержанию он не имеет ничего общего с первыми двумя историями и также не содержит никаких доказательств вины М.А. Шолохова. Но для Солженицына, как для че-

---

ловека, заинтересованного в распространении клеветы, это не суть важно, как и то, что Д.И. Петров-Бирюк никогда не был «председателем писательской ассоциации Азово-Черноморского края».

Нагнетание страстей — один из основных признаков т.н. устных рассказов («слухов и толков»). Солженицын, создавший структуру письменного мифа о плагиате М.А. Шолохова, использовал это свойство устных рассказов, организовав в реальности написание и издание «Стремени Тихого Дона» Томашевской, а вокруг нее самой — атмосферу страха и тайны. Томашевская боится («за такую работу еще голову оттяпают»), Солженицын придумывает ей псевдоним (многие годы названная книга имела автора «Д»), в разговорах с ней или о ней по телефону использовался только этот псевдоним, с «Д» работали священные, смерть ее окутана покровом недосказанности. «Обстоятельства смерти И.Н. остались загадочны для нас», — замечает он.

Боязнь наказания, мания преследования, героизм — в основе рассказа Солженицына о создателе книги Томашевской. «Не подписывала она петиций, ни с кем не встречалась — в одинокой замкнутости проходила свой путь к подвигу», — утверждает он.

Для чего все это? Тоже — из устной традиции. Надо создать для слушателя (читателя) реальный авторитетный источник информации. Вспомним, как во втором фабулате речь идет об А. Т. Твардовском (несомненный авторитет), в третьем (солженицынском) — о П. И. Петрове-Бирюке (менее авторитетный источник, поэтому писателя надо было «повысить» в должности). Никакого авторитета — у Томашевской, а потому, чтобы читатель поверил, Солженицын рассказывает столько любопытного, таинственного, почти детективного из ее жизни! Но, заметим, фактически ничего о том, какой она была специалисткой, чем зарекомендовала себя в ученом мире, какие труды создала. Ровным счетом ничего не говорит, например, такой отзыв Солженицына об авторе «Стремени «Тихого Дона»: «литературовед высокого класса», «взялся, между многими другими работами, еще и за эту».

Завеса тайны, страха исчезает, когда речь заходит о конкретных обвинениях М.А. Шолохову. *«Перед читающей публикой проступил (!) случай небывалый в мировой литературе. 23-летний дебютант создал произведение на материале, далеко превосходящем свой (!) жизненный опыт и*

своей (!) уровень образованности (4-х-классный). <...> Сам происхождением и биографией «иногородний», молодой автор направил пафос романа против чуждой «иногородности», губящей донские устои, родную Донщину, — чего, однако, никогда не повторил в жизни, в живом высказывании, до сегодня оставшись верен идеологии продотрядов и ЧОНа. Автор с живостью и знанием описал мировую войну, оконченную, когда ему исполнилось 14 лет. <...> Книга удалась такой художественной силой, которая достижима лишь после многих проб опытного мастера, — но лучший 1-й том, начат в 1926 г., подан готовым в редакцию в 1927-м; через год же за 1-м был готов и великолепный 2-й; и даже менее года за 2-м подан и 3-й, и только пролетарской цензурой задержан этот ошеломительный ход. Тогда — несравненный гений? Но последующей 45-летней жизнью никогда не были подтверждены и повторены ни эта высота, ни этот темп. <...>

Видимо, истинную историю этой книги знал, понимал Александр Серафимович, донской писатель, преклонного к тому времени возраста. Но, горячий приверженец Дона, он более всего был заинтересован, чтобы яркому роману о Доне был открыт путь, всякие же выяснения о каком-то «белогвардейском» авторе могли только закрыть печатание. <...>

И в самом «Тихом Доне» более внимательный взгляд может обнаружить многие странности: для большого мастера необъяснимую неряшливость и забывчивость — потери персонажей (притом явно любимых, носителей сокровенных идей автора!), обрывы личных линий, вставок, больших отдельных кусков другого качества и никак не связанных с повествованием; наконец, при высоком художественном вкусе места грубейших пропагандистских вставок (в 20-е годы литература еще к этому не привыкла)».

И назван возможный автор — Ф. Д. Крюков, обозначен его «кованный сундучок».

И, наконец, «Д»: сначала вошел в материалы, создал общий план возможной работы, создал «гипотезу о вкладе истинного автора и ходе наслоений от непрошеного «соавтора» и поставил своей задачей отслоить текст первого от текста второго».

Насколько оригинален Солженицын в своем отрицании авторства М.А. Шолохова? Нам представляется, что он лишь повторил в своих претензиях то, что слышал в 12-летнем возрасте в Ростове, отчетливо запомнив «эти

разговоры взрослых». Ведь все приметы «слухов и толков» налицо, только вместо Твардовского и Петрова-Бирюка в роли авторитета выступил он сам. Не побоялся...

Все сказанное им легло в основу всех последующих статей и книг антишолоховедов. Утверждения Солженицына тонут в обширных комментариях, уточнениях, развитии. Нам представляется, что и Томашевская, не будучи специалистом в области русской литературы XX века, казачьей истории и быта, только попыталась создать на солженицынской основе 1-й вариант своей книги. Во всяком случае, взъяренный Солженицын намного дольше ее размышлял об отщени М.А. Шолохову, а Томашевская, более пяти лет работая с «Тихим Доном», так и не закончила книгу. И не только смерть тому причина, а сложность самой работы, особенно по разделению текстов «автора» и «соавтора». Обвинение М.А. Шолохову получилось всего на 80 страницах (брошюра, в общем-то) и напоминает конспект без развернутой системы доказательств, примеров. В связи с этим любопытен ее «Анализ перед написанием работы», напоминающий тезисы, развивающие «концепцию» Солженицына. И по ее мнению, в романе четко просматривается наличие двух совершенно различных, но сосуществующих авторских начал. Эталон для отслойки одного от другого устанавливается по первым двум книгам романа, которые в целом принадлежат, по ее мнению, перу автора — истинного создателя эпопеи.

Ниже кратко суть этих тезисов.

Сочинения «соавтора» разительно отличаются от написанного автором-создателем. Для сочиненного «соавтором» характерна полная независимость от авторского поэтического замысла, образа. Здесь нет поэтики, а есть лишь откровенная, голая политическая формула, из которой исходит «соавтор» в своих сюжетах и характеристиках. Эта формула (великие идеи коммунизма в России должны уничтожить косный казачий сепаратизм) — прямо противоположна мыслям автора-создателя.

В той мере, в какой автор является художником, «соавтор» — публицистом-агитатором. Язык «соавтора» отличается бедностью и даже беспомощностью, отсутствием профессиональных беглости и грамотности. Он не владеет диалектом, а потому персонажи его говорят на каком-то вымученном языке, в состав которого входят и диалектные речения, характерные для быта и газетной литера-

---

туры 1920—1930 гг. Стилизуя описания природы и обстановки под описательные эскизы автора, «соавтор» зачастую создает нечто карикатурно безграмотное или нелепое, а главное — не имеющее связи с героями и событиями. «Соавтор» настолько не задумывается над своей фразеологией, что даже когда цитирует народные речения или поговорки, не может их переосмыслить или перевирает их. **(Кстати, ни одного примера в книжке-конпекте нет.)**

Книга первая и вторая представляют собой свершенную часть романа, дошедшую до нас, однако, с некоторыми изъятиями (несколько глав). Наряду с лакунами в тексте имеются и вставные главы, сюжеты, персонажи, стиль которых резко выделяется на фоне основных глав как текст инородный, автору не принадлежащий.

Ряд основных, наиболее впечатляющих и художественно полноценных глав и фрагментов третьей и четвертой книг романа также принадлежит автору-создателю. Однако метод обработки этих глав, монтаж третьей и четвертой книг, сделанный «соавтором», свидетельствует о том, что в руках его были лишь отдельные куски, наброски и материалы из принадлежащих замыслу, который полностью осуществлен не был. О том, что связующие звенья и вся финальная часть романа написаны «соавтором», говорит редкий разноречивый между главами, катастрофическая непоследовательность написанного «соавтором». Непоследовательность эта искажала художественный замысел всей эпопеи.

Деятельность «соавтора» заключалась в следующем: в редактировании (идейном) авторского текста с изъятиями глав, страниц, отдельных строк, не соответствующих идейной установке «соавтора»; во вклинивании в текст ряда глав собственного сочинения, составивших в романе особую идеологическую зону; в компиляции глав и фрагментов авторского текста путем скрепления их текстом соавторского сочинения; в использовании в соавторском тексте материалов автора (исторических документов и сводок событий, а также различных записей-заготовок).

Все сказанное Томашевской абсолютно никак не доказано. Впечатление создается такое: Солженицын объяснил свои требования, и ею была сделана первая разработка-план. Поскольку же Томашевская не смогла аргументировать сказанное, за нее в той или иной форме это делают сейчас другие антишолоховеды, но, сразу скажем, также малоубедительно.

Самое удивительное: ни Солженицын, ни Томашевская, характеризуя столь отрицательно способности «соавтора» — М.А. Шолохова, будто не заметили, что они начали дискредитацию художественного исполнения романа. **Знаменитый шедевр мирового искусства признавался ими уже в середине 70-х гг. ущербным, художественно неполноценным, убогим.** Неужели Солженицын считает, что все им написанное только высокохудожественно, что «В круге первом», например, всё — от первого до последнего слова — пример для подражания?

Но обратимся все же непосредственно к размышлениям самого Солженицына над проблемой плагиата М.А. Шолохова.

«Он во сто раз талантливее меня...»

Первое обвинение М.А. Шолохову — не мог он таким молодым написать «Тихий Дон». Но молодость — не помеха для творчества, если есть талант. Мы знаем много случаев, когда уже признанные писатели, пишущие на склоне лет, через короткое время после смерти забывались. А талант может просыпаться рано, и талант, просыпаясь рано в человеке, позволяет ему увидеть в жизни то, что многие из нас не могут понять и в зрелом, и в старческом возрасте. И если Солженицыну для создания «Красного колеса» или «Августа» надо было дожить до 50—60 лет, это вовсе не значит, что и М.А. Шолохову, чтобы не приставали, следовало ждать своего 60-летия и только после этого издавать «Тихий Дон». И кто сейчас помнит о писателе Феоктисте Березовском, одном из первых усомнившихся завистников, заявившем: «Я старый писатель, но такой книги, как «Тихий Дон» не мог бы написать... Разве можно поверить, что в 23 года, не имея никакого образования, человек мог написать такую глубокую, такую психологически правдивую книгу... Что-то неладно!»

А талант М.А. Шолохова сразу был замечен. А.С. Серафимович признавался: «Он моложе меня более чем на сорок лет, но я должен признаться, во сто раз талантливее меня». М. Горький, скуповатый на оценки, тоже хвалил: «Шолохов <...> талантлив <...>. Вот это — радость. Очень, анафемски, талантлива Русь!»

Необходимо еще раз подчеркнуть: талант Шолохова

проявился рано и активно. Появившиеся рассказы и повести, составившие два его первых сборника «Донские рассказы» и «Лазоревая степь», вызвали у читателей и издателей громадный интерес. 17 августа 1926 г. в письме жене, М.П. Шолоховой, он пишет: «Сегодня видел Жарова, просит, ради всего святого, дай рассказ! Только что приехал из Саратова и там его завалили требованиями. Дай нам Шолохова, и шабаш! И ты знаешь, что я ему даю? «Батраки»! <...> Сегодня из типографии пришла корректура сборника №1. Взял на дом, сейчас сажусь править и делать сноски».

Жаров — это не обычный литсотрудник, а Александр Алексеевич Жаров (1904—1984) — известнейший русский поэт, понимавший «толк» в литературе, а сборник №1 — «Донские рассказы».

Двадцатилетний писатель, приехавший с Дона завоевывать литературную Москву, «захлебывается» в своих признаниях жене: «Идут такие дела, что ахнуть — ахнешь, а сказать ничего не успеешь, уж все сделано. Например: рассказ «Жеребенок». Печатал в «Мол. Лен.». Теперь отдал в «ЖКМ» <...> и в «Прожектор». Приняли и там. Охо-хо-хо-хо! Дела наши тяжкие» (письмо от 2 сентября 1926 г.). В другом письме (от 1 апр. 1926 г.): «Рассказ «Смертный враг», тот экземпляр, который ты переписала и отослала мы 30/1, Васька Кудашев передал Жарову в «Комсомолию» (в «ЖКМ» он не подошел); идет он, т.е. рассказ, в март[овском] №. Книга выходит на днях. <...> «Жеребенок» принят в «Мол. Ленинце». «Червоточина» идет в майском № «Смены». А самое главное это то, что «Чужая кровь» произвела в «Прожекторе» фурор. Даже Воронский похвалил».

Воронский — это Александр Константинович Воронский (1884—1937), писатель, авторитетнейший критик 20—30-х гг., тоже понимавший «толк» в литературе.

Никому не известный еще год-полтора назад, юный Шолохов, не хвалясь, пишет жене: «Договора все подписал, кончу с корректурами — возьмусь, что-нибудь настрочу. «Донские рассказы» разошлись почти все. Моя книжка покупалась на рынке лучше всех. Потому-то «Нов. Москва» так спешит с моим сборником. Читал в «Новом мире» рецензию на «Донские рассказы». Хвалят. Ждут от Шолохова многого. Пусть подождут, не к спеху, скоро только блох ловят».

Но рецензии на первый сборник (и положительные,

хвалебные!) появились в журналах «Октябрь», «Комсомолия», «На литературном посту», «Книгоноша», «Деревенский коммунист»...

Таким ли уж ничтожным писателишкой, каким призывали сейчас изображать молодого Шолохова его недоброжелатели, предстает он перед нами? Наконец, стоит напомнить о том, что 15 октября 1927 года Шолохов стал заведующим литературно-художественным отделом популярного издания — «Журнала крестьянской молодежи» (ЖКМ). В письме от 13 октября он признается жене: «Сегодня я утвержден отделом печати ЦК ВКП(б) на должность зав. лит.-худож. Отделом ЖКМ <...>. Против моей кандидатуры не только не возражали, но приняли весьма благосклонно. Оказывается, знают нас там к нашей радости».

А ведь ему только-только идет 22-й год!

И творческой энергии ему было не занимать. В письме от 24 августа 1926 года он признается жене: «Склоняюсь к тому, чтобы <.. > написать роман (к маю [будущего года] я напишу его, это вне всякого сомнения); отдыхая от романа, [буду] писать рассказы, хоть один в месяц...». 3 апреля 1927 года он впервые упоминает в письме сотруднику издательства «Московский рабочий» А.М. Стасевичу: «Кратко о романе: зовется «Тихий Дон». Размер 40 (приблизительно) печатных листов. Частей 9. Эпоха 1912—1922 гг. Эпиграф не интересуется?» А в письме М.П. Шолоховой от 13 октября 1927 г. уже отчитывается: «О романе: сдал в «Моск. раб.» вчера 2 части, завтра отнесу 3-ю <...>. Платят сейчас не 120 и не 130, а... 200—250 за лист».

«200—250 за лист»: увеличение гонорара в два раза совсем молодому писателю — это ведь тоже свидетельство признания его значительности для молодой советской культуры. «Мои дорогие! — восклицал он, обращаясь в письме (от 24 октября 1927 г.) к семье. — Позавчера (суббота) неожиданно получил 50 р., неожиданно потому, что не знал и не ведал, что 2 моих рассказа из «Лазоревой степи» включены изд[атель]ством «Моск. рабочий» в сборник лучших произведений о Гражданской войне. И вот наравне с корифеями литературы включен туда и аз грешный».

Как видим, молодой Шолохов, еще до публикации «Тихого Дона», уже известный писатель, талантливый автор нескольких сборников рассказов и повестей. Так что мо-

---

лодость писателя никак не может быть аргументом против его авторства «Тихого Дона». Именно потому антишолоховеды или замалчивают «Донские рассказы» (Солженицын, всячески издеваясь над писателем М.А. Шолоховым, даже не упоминает их), или же считают рассказы жалкими поделками бесталанного, пытающего стать писателем М.А. Шолохова.

Кстати, современные педагоги и психологи уже несколько десятилетий, привлекая внимание общества, пишут о детях-индиго, то есть об одаренных детях, наделенных такими способностями, какими не обладают обычные, рядовые, люди (в том числе и все антишолоховеды). Эти дети наделены ясновидением, предвидением, пророчеством, чтением мыслей, способностью интуитивно получать информацию обо всем происходящем в самых отдаленных уголках мира, огромным творческим потенциалом. Они очень неудобны обществу, доставляют много хлопот семье, вызывают кровную зависть у лишенных сверхъестественных способностей ничтожных современников, пытающихся унизить их.

Но трудно сейчас оспорить жизнь среди нас и таких людей. И они были всегда, их было немного. Как правило, талант таких людей обнаруживался рано, но жизнь гениев была коротка и трагична. Одаренным, талантливым, гениальным человеком был Михаил Александрович Шолохов. И как прав В.В. Петелин, назвавший свою книгу о писателе «Трагедия русского гения»!

И даже как-то неудобно напоминать сейчас весьма осведомленным антишолоховодам, знатокам темных, черных сторон жизни, что гений может проявляться не только в молодом возрасте, но и даже в юном, даже в отрочестве. Чуть более 17 лет прожила Надя Рушева. Уже в 12 лет о ней знала вся страна. Многочисленные выставки, в том числе и за рубежом, вызвали восхищение не только у обычных зрителей, но и у коллег-художников. Скульптор В. А. Ватагин так говорил о Наде Рушевой: «Ее рисунки далеко выходят за пределы детского творчества, но и среди взрослых художников едва ли многие могут поспорить с легкостью ее техники, чувством композиции, с остротой ее образов, с ее творческим восприятием мира».

Немногие сейчас помнят о Нике Турбиной — юной поэтессе, получившей одну из самых престижных международных премий в области искусства — «Золотого льва». Она была второй русской поэтессой, награжденной этой

премией, а первой стала Анна Ахматова. Но Анне Ахматовой в год вручения премии исполнилось 60 лет, а Нике Турбиной в год вручения премии было 12 лет... И очень странно, почему это Е. Евтушенко, взяв даже на себя обязанность ее «продюсера», так и не сумел принять ранее проявление гения М.А. Шолохова.

И по жизни творческая судьба Н. Рушевой и Н. Турбиной очень напоминают восприятие творчества М.А. Шолохова современниками: те же слухи и толки, та же клевета — не они творили, а за них работали художники и поэты. И слава богу: не встретились на их пути подобные Солженицыну «творцы», не вылилось это в борьбу «титанов» с гениями.

Да и сам Солженицын, удивленный, замирает от непостижимости понять разумом тайну истинного творчества. В своей нобелевской лекции он обронил такое признание: «Однако вся иррациональность искусства, его ослепительные извивы, непредсказуемые находки, его сотрясающее воздействие на людей — слишком волшебны, чтоб исчерпать их мировоззрением художника, замыслом его или работой его недостойных пальцев». Но разве на примере М.А. Шолохова и его «Тихого Дона» мы не можем говорить об иррациональности искусства, его ослепительных извивах, непредсказуемых находках, наконец — о волшебстве? Неужели необходимо все воспринимать в рамках представлений о себе обычного человека?

Да и что ж это такое? Почему предъявляют обвинение Шолохову в том, что он в 22 года написал «Тихий Дон», но не предъявляют претензии к Пушкину, который в 23 года начал писать «Евгения Онегина», к Лермонтову, в 23 года создавшего и «Смерть поэта», и «Бородино», а в 25 — «Мцыри», а в 26 — «Героя нашего времени»? К Гоголю, написавшему в 22 года «Вечера на хуторе близ Диканьки», а в 26 — «Миргород»? К тому же Фадееву, в 25 лет опубликовавшему роман «Разгром», ставший классическим произведением советской литературы? И как не вспомнить другого гениального эпика русской литературы Леонида Леонова, в таком же раннем возрасте, как и Михаил Шолохов, удивившего знатоков культуры своим талантом. И.С. Остроухов, художественный руководитель Третьяковской галереи, в письме Ф.И. Шаляпину с восторгом и умилением сообщал: «Несколько месяцев назад объявился у нас гениальный юноша (я взвешиваю эти слова), имя ему Леонов. Ему 22 года. И он видел уже

жизнь! Как там умеет он в такие годы увидеть — диво дивное! Люди говорят «предвидение», другие «подсознание». Ну там «пред» и «под», а дело в том, что это диво дивное за год таких шедевров натворило, что только Бога слава да Русь-матушку! Что же дальше-то оно наделает — пошли ему Бог здоровья! Вот теперь-то мы все рты пораскрывали».

Ну, кто и «рты пораскрывал» (к счастью Леонова), а кто и зубы стиснул. Но ведь в признании Остроухова и ответ на, казалось бы, сокрушительное сомнение Солженицына в том, как мог 23-летний дебютант создать произведение, далеко превосходящее его, Шолохова, жизненный опыт. Солженицына поразила и скорость написания «Тихого Дона» (только пролетарской цензурой, считает он, был задержан этот ошеломительный ход)...

Все антишолоховеды, в их числе и Солженицын, лукавят, когда утверждают, что «Тихий Дон» был создан 22-летним юнцом. К сожалению, этот юный возраст («в 20 лет», «в 22 года») растиражирован средствами массовой информации, и те, кто читает впервые роман полностью, не может не удивляться тому, как юный писатель смог создать эпопею. Тем более что ему, читателю, внушают: именно в таком возрасте написан роман... Однако были закончены лишь 1-я и 2-я книги, а в полном виде роман завершен лишь в 1940 году, **когда его автору исполнилось 35 лет.**

Упрекают образованием (4 класса). Образование — важная составляющая нашей жизни, многие имеют даже по нескольку высших образований. И что же: разве образованный человек обязательно талантлив? А иногда талант мешает получению образования (вспомним И. Бунина). Не заканчивали университетов ни Пушкин, ни Лермонтов... Лев Толстой был отчислен из Казанского университета. Однако могут возразить: и у Пушкина, и у Лермонтова, и у Толстого было еще домашнее воспитание! Но и у Шолохова (как у Горького) было «домашнее воспитание», которое позволило ему написать роман именно о казаках...

И есть еще самообразование. И умные, и дураки все время учатся у жизни, даже не замечая этого, но по-разному. А люди талантливые изначально наделены мудростью и такими качествами, которые резко выделяют их из толпы.

Вопрос об образовании при определении степени та-

лантливости любого человека, особенно в современных условиях, чрезвычайно важен, но не образование все-таки является основой, причиной талантливости. Это — как говорит сам народ — божий дар. Яркий пример тому — устное народное творчество, фольклор, который в древние времена, в Средневековье создавался абсолютно неграмотным народом (что вовсе не свидетельствует о его бескультурье). Сказки, былины, великолепный обрядовый и необрядовый фольклор, загадки, пословицы и поговорки, детский фольклор — все это художественное богатство было создано безграмотным в большинстве своем народом. Но не абстрактно — народом, а конкретными его представителями, творческими лицами, в том числе и гениями. Можно и нужно удивляться этому: как известно, отрицая творческие возможности народных исполнителей, ученые в конце XIX — начале XX века даже сформулировали теорию аристократического происхождения фольклора — мол, создан он в княжеской, боярской среде, а потом уже воспринят необразованным народом. Да и грамотность, образованность, культура — понятия совершенно не тождественные. Более того, стать грамотным, образованным человеком, овладеть культурой родного или чужого народа — непереносимая задача любого разумного современного человека, однако это, даже вместе взятое, не является свидетельством его таланта. А Шолохов — гений, и все попытки обвинить его в безграмотности, необразованности, бескультурье — чудовищный злой умысел.

Сомнение Солженицына — как же мог «иностранец» Шолохов так ярко и с любовью изобразить казаков, едва терпевших «иностранцев» — вряд ли может быть принято серьезно. Ведь и сам Солженицын, воспитывавшийся советским обществом, стал антисоветчиком. И вполне понятно, почему акцентируется наше внимание на «иностранности» Шолохова: в таком случае не мог он быть автором «Тихого Дона». А Томашевская, ведя речь об «авторе» и «соавторе», утверждала, что автором был казак, талантливый казак, может быть — Ф.Д. Крюков, отстаивавший самостоятельность казаков, их государственную самостоятельность.

Солженицын не верит в то, что именно М.А. Шолохов изобразил Первую мировую и Гражданскую войны, на которых не мог быть из-за возраста. Стандартное возражение, что, мол, Лев Толстой тоже не участвовал, но напи-

---

сал же об Отечественной войне 1812 года, не убеждает его. Изобразить войну может только человек, побывавший на ней, считает Солженицын. Ему возражают, говорят, что и он не участвовал в Февральской и Октябрьской революциях, в Гражданской войне, а пишет же... «Мне возражают, что и я не участвовал, а описал же. Но я воевал во второй войне, а первую много лет изучал, не юношей напечатался»...

И наконец — самый главный аргумент: «последующей 45-летней жизнью не были подтверждены и повторены ни эта высота, ни этот темп». Но позвольте! А «Поднятая целина», а «Судьба человека», наконец (незаконченный, правда) роман «Они сражались за родину»? Все это ерунда, отвечает он. «Отрывки «Сражались за родину» трудно отнести к художественной литературе, а ложь «Судьбы человека» я разобрал (!) в «Архипелаге», — заявляет он. А о 1-м томе «Поднятой целины» имеет такое мнение: «Автор «Целины»: хотя и зная Дон, не проявляет любви к его жителям, а мысли содержит (!) на уровне советского агитпропа. Народное бедствие он описывает бесчестно, лживо, глумливо, а как художник провально ниже уровнем», чем автор «Тихого Дона». В 1959 году «появился 2-й том «Целины» — позорный по уровню даже в сравнении с 1-м».

Грустно читать такое. Ведь выговаривает все это не Лукешка-косая, но мэтр, которому и невдомек, что уже сейчас в открытую, не боясь, что посадят, говорят: после «Одного дня» он не создал ничего путного. А в будущем, может, и останется только тем, что организовал и участвовал в травле великого М.А. Шолохова. Верить ли в это?

Ну, а как можно оценить с точки зрения нравственности «признания» Солженицына, почерпнутые из той же «кладовой сплетен»?

Вот откровенная сплетня: Солженицын для пущей важности прибегает к авторитету А.Т. Твардовского. «Твардовский передавал мне сцену о вешенском аборигене, как тот сердечно признавался почитателю, что не только ничего не пишет, но даже и не читает давно ничего».

Очень понравилась Солженицыну и сплетня о том, что М.А. Шолохову помогал в написании романов его тесть П.Я. Громославский. «Знающие донцы (вот так! — Авт.) называют рядом Петра Громославского, бывшего станичного атамана, баловавшего до революции и литературой, побывавшего и в белом Новочеркасске с Крюковым. Ра-

---

зумеется, бывшему атаману печататься при Советах не светило. Однако в 20-е годы он выдал дочь за Шолохова, и был все безопасней (!) по мере утверждения последнего. Умер в престарелости в 50-х годах. И с тех пор 25-летнее полное молчание». Сплетня так понравилась Солженицыну, что он повторяет ее спустя семь лет в статье «Стремя «Тихого Дона» (статья «По донскому разбору», из которой вышеприведенная цитата, опубликована впервые за границей в журнале «Вестник РХД», 1984, №141): «Громославский еще жив был в 50-е годы, тогда-то и появилась 2-я книга «Поднятой целины», а после смерти Громославского за 20 лет Шолохов не выдал уже ни строчки». И здесь же, как бы пересказывая признания некоего С.П. Старикова, без зазрения совести пишет: Громославский «был близок к Крюкову, отступал вместе с ним на Кубань, там и похоронил его, завладел рукописью, ее-то, мол, и дал Мишке в приданое вместе со своей перестаркой дочерью Марией (жениху было, говорил, 19 лет, невесте — 25). А после смерти Громославского уже *никак* (выделено Солженицыным. — Авт.) не писал и Шолохов». Кстати, Солженицыну как человеку грамотному, образованному, культурному, надо было бы, с нравственной точки зрения, поинтересоваться все-таки, была ли «перестаркой» М.П. Шолохова? На всякий случай сообщаем другим антишолоховодам: родилась Мария Петровна Шолохова (в девичестве Громославская) в 1902 году и пережила своего мужа Михаила Александровича Шолохова — умерла в 1992 году.

И всё это написал нобелевский лауреат, утверждавший, что даже «Поднятую целину», 2-й том, писал не М.А. Шолохов, а его тесть! Отметим, что слова эти были «начертаны» Солженицыным в январе 1984 года, а в феврале великого М.А. Шолохова не стало. Не мог не знать о смертельных болезнях М.А. Шолохова Солженицын, не мог не знать...

И для всех антишолоховедов, включая нобелевского лауреата, сообщаем: Петр Яковлевич Громославский, «бывший станичный атаман», тесть М.А. Шолохова, **умер... в 1939 году!** Совсем недавно, в 2007 году, появилась наконец-то работа, в которой собраны в том числе и достоверные сведения о П. Я. Громославском. Родился он в 1870 году. Семья Громославских среди станичников пользовалась уважением. Петр Яковлевич в молодые годы был красив, выше среднего роста, с прекрасным басис-

---

тым голосом. В церковном хоре голоса Громославских звучали по-особенному. Говорят, что за это и фамилия была пожалована семье от Войска. Петр Яковлевич был хозяином, отцом большого семейства, заботился о нем. По воспоминаниям В. В. Громославского, дед его Иван Петрович рассказывал о том, как умер Петр Яковлевич: «Было это 15 марта 1939 года. Шолоховы из Москвы приехали домой. Все их очень ждали. Знали, что всегда с гостинцами приезжали для всех, подарки привозили каждому. Да и интересно было новости узнать. Михаил Александрович и Мария Петровна пригласили к себе на чаепитие всех Громославских часам к 10 утра. Чаепитие Громославские любили и устраивали их по разному поводу. Ходили друг к другу в гости. Вот и в этот день все оделись во все лучшее, довольные, с настроением пошли. И Петр Яковлевич с ними. Встретили их Шолоховы радушно. За стол все сели, смеются, разговаривают, чай пьют. Мария Петровна рюмочку водки налила и подает Петру Яковлевичу. Петр Яковлевич выпил и сразу же повалился, упал на пол. Тут уж не до чаепития. Все вскочили, бросились к нему, а он мертвый. Врачи сказали, что приступ с сердцем. Для всех это было так неожиданно: никогда не болел и сразу умер».

Думаем, что после этого сообщения антишолоховеды прекратят рассказывать хотя бы байки про то, как тесть М.А. Шолохова помогал ему писать или вместо него писал «Тихий Дон» и «Поднятую целину» и перестанут бессовестно оговаривать ни в чем не повинного станичного атамана, как это делает все тот же В. Сердюченко: «Этот Громославский — темная личность. Он успел посидеть в тюрьме уже при советской власти, и отнюдь не за политическое, а за уголовное преступление. То ли бывший станичный атаман, то ли станичный писарь, то ли корреспондент «Донских ведомостей», проводивший в последний путь самого Ф. Крюкова, а в целом криминальный тип с уклоном в весьма своеобразно понимаемую литературную — и не только литературную — деятельность».

Ненависть

Однако вернемся к конспекту-брошюре Томашевской «Стремя «Тихого Дона». Опубликованная в 1974 году в Париже, она не вызвала положительных откликов у специалистов, но послужила поводом для активизации слу-

---

хов и толков о плагиате. Особенно в этом плане отличилась газета «Новое русское слово» и ее главный редактор А. Седых, поместивший в ней статью «Заметки редактора. Литературный плагиат Шолохова» (15 сентября 1974 г.). Разумеется, в ней не было никакой аргументации в опровержение авторства М.А. Шолохова. Им же была организована публикация целой серии писем эмигрантов из России, в которых тоже рассказывались сплетни, ничем и никем не подтвержденные фактически. Об этом убедительно написал Ф.Ф. Кузнецов: «Авторы писем так и не смогли привести ни одного факта в подтверждение слухов, которые когда-то доходили до них <...>. Письма в редакцию, опубликованные в «Новом русском слове» А. Седых, были лишены вообще какой бы то ни было конкретики. В одном из них утверждалось, будто Шолохов пользовался дневниками какого-то белого офицера, которые тот оставил у Петра Громославского, будущего тестя М.А. Шолохова, — как будто использование чьих-то дневников в процессе работы над художественным произведением запрещено. В другом письме говорилось, что «Тихий Дон» написал белый офицер, убитый в 1919 году в бою под Вешенской, — без объяснения, как он мог написать роман о казачьем восстании, в ходе которого был убит. В третьем — рассказывалась история о том, что Шолохов нашел рукопись в чемодане офицера, находившемся в захваченном красными обозе. Судя по четвертому письму, рукопись оказалась в распоряжении Шолохова после смерти в госпитале белого офицера... Само многообразие этих версий, — совершенно справедливо полагает Ф. Ф. Кузнецов, — свидетельствовало о том, что все они — порождение фольклора».

Но самое интересное заключается в другом. На книжку-брошюру Томашевской сразу же откликнулись крупнейшие зарубежные филологи-слависты, отрицательно отозвавшиеся о совместном труде Солженицына и Томашевской, о чем антишолоховеды скромно помалкивают. Г.П. Струве прямо заявил: «Книжка Д*, скажу откровенно, меня разочаровала. Никакой «разорвавшейся бомбы» я в ней не вижу, что подтверждается, по-моему, сравнительно малым вниманием, которое уделила ей мировая печать. Мне кажется, что А. И. Солженицын слишком поторопился издать ее в таком виде. Книжка — заведомо незаконченная, фрагментарная». Г.П. Струве сразу же выразил сомнение, что Ф.Д. Крюков, «сравнительно ма-

---

лоизвестный дореволюционный писатель, тоже донской казак по происхождению», мог быть автором «Тихого Дона», ибо умер он в самом начале 1920 г. и вряд ли «еще в 1919 году он мог так подробно изобразить Гражданскую войну на Дону».

«Исследование Д*», — считал Г. Струве, — если можно так назвать эту работу, исходит из двух основных положений: 1) роман Шолохова не мог быть написан целиком Шолоховым, в нем налицо разные и часто противоречивые «наслоения» и 2) настоящим автором романа был Федор Дмитриевич Крюков (хотя Д* прямо об этом и не говорит), Шолохов же был его позднейшим «соавтором».

В первом положении нет ничего нового. Об этом говорилось и писалось уже давно, разговоры об этом начались еще до опубликования «Тихого Дона» [полностью] и проникли в советскую печать. <...> Обоснованию этого положения в книжке Д* посвящена «Глава аналитическая». В ней много отдельных интересных наблюдений и замечаний, разбирать которые детально я здесь не собираюсь — это дело специалистов по Шолохову. К сожалению, глава эта очень фрагментарна и написана крайне сумбурно.

Обоснованию второго положения должна была быть посвящена «Глава детективная».

Разумеется, такие характеристики именитого филолога, как «скажу откровенно, [книжка] меня разочаровала», она «заведомо незаконченная, фрагментарная», «в первом положении нет ничего нового», первая глава — «очень фрагментарна и написана крайне сумбурно» — не нравятся антишолоховодам, и мы в их работах не найдем даже намека на эту критику. При этом надо учесть, что опубликованный текст «Стремени «Тихого Дона» состоит только из одной «очень фрагментарной и крайне сумбурной» первой главы, вторая глава — «детективная» — состоит из 8 не менее «сумбурных» страниц, третья — «Глава политическая» — совсем отсутствует. Как можно всерьез принимать славословия в адрес такой книжки?..

И опять возникает вопрос нравственный: зачем надо было издавать незавершенный труд Томашевской, выставлять ее имя на суд критики, унизив ее, очернив имя в общем-то довольно взыскательного филолога, взявшегося за решение недоступной для его профессионального уровня задачи?

Но существует еще одно обстоятельство. Филологи сразу же заметили определенное стилистическое сходство тек-

---

ста книжки Томашевской со стилевой манерой Солженицына. В.В. Васильев писал, например, в «Молодой гвардии»: «В тексте письма Д* (то есть Медведевой-Томашевской), как, впрочем, и в самой книге, можно поймать себя на ощущении, что имеешь дело с интонацией, энергией слога, стилем и синтаксисом самого Солженицына, прибегающего довольно часто в известных случаях к излюбленным метафорам и редким ядреным словам, употребляемым ради расширения усыхающего русского словаря. К примеру, в письме Д*: «За весну и лето, несмотря на всевозможные помехи, сделал три новые главы, которыми, наконец, завершилась (*удовлетворяя*) часть историческая. Эти главки нужно сейчас только *подтесать и угладить*, к чему, надеюсь, уже помех не будет». Характерные для Солженицына вставки в скобках, инверсии с определениями и глаголами в конце предложения, сравнения писательского дела с искусством столяра, редкое слово «угладить». Ему вторит С.И. Сухих: «Каждый, кто прочтет «Стремя...», не может не обратить внимания на многочисленные приметы сугубо солженицынского лексикона и стилистики в основном тексте книги (вот наудачу: «болотное фронтовое сидение», «запятнание», «предвестные толчки», «держимордство», «последне-трагический момент», «могшими», «порядлив», «сочинен поверх» и т.д. и т.п. Эти и многие-многие другие словечки, пестрящие в тексте книги «Стремя «Тихого Дона», отнюдь не в литературоведческом стиле И.Н. Медведевой-Томашевской, но зато вполне в стиле солженицынской публицистики. Впору хоть выдвигать гипотезу «автора-соавтора» применительно к нашумевшей парижской книжке, вышедшей под псевдонимом Д*.

Ну а почему бы нет? **Вообще вся эта история с Д*, с Медведевой очень напоминает литературную мистификацию.**

Но вернемся к зарубежным критикам книжки-конспекта Медведевой. На появление ее в печати откликнулся другой именитый славист-филолог М. Л. Слоним. Он подверг разрушительной критике главную составляющую концепции Солженицына — Томашевской. Он писал: «Д* *априори* исходит из предпосылки, что «Тихий Дон» — результат невольного соединения текста «автора» и вмешательства, по большей части неудачного, «соавтора», то есть Шолохова. Если бы мы могли хоть сличить текст последних опубликованных рассказов и очерков Крюкова с «Тихим Доном», у нас имелись бы кое-какие возможности сравни-

---

тельного литературного анализа, и это следовало бы сделать, если речь идет о серьезном исследовании. То, что предлагает нам работа Д*, очень интересно, но далеко не убедительно. На основании его разбора мы приходим лишь к выводу, что в романе имеется несколько различных художественных слоев и форм, что он изобилует противоречиями и мало удачными политическими вставками.

Но необходима ли для объяснения этих несомненных фактов гипотеза об «авторе», «соавторе» и плагиате? Ведь всем критикам, рассматривавшим «Тихий Дон» как произведение Шолохова, имеющие характерные творческие элементы, всегда было ясно, что автор употребляет и манеру образного показа, основанного главным образом на диалогах, и прерываемую лирическими отступлениями, по преимуществу картинами природы, и манеру объяснительного изложения, включающего документальные данные, и, наконец, сцены, персонажи и рассуждения, играющие подсобную роль для доказательства «благонадежности», то есть партийности произведения.

Иными словами, как я написал в тридцатых годах, Шолохов «поет на разные голоса». В частности, надо признать, что ему всего лучше удаются описания простых нравов, органических, инстинктивных эмоций и действий, стихийного начала в человеке и истории — и он беспомощен в области интеллектуальной, которую не понимает и не любит. Отсюда двойственность его подхода и письма, его противоречия, его «несообразности». Возьмем, например, вопрос о донской независимости, о тяге казаков, по меньшей мере, к областной автономии. О ней подробно говорит Д* и о ней пишет Шолохов и высказываются его герои, и особенно в связи с их враждой к иногородним и к Москве. Для них и большевики — иногородние, они чувствуют в них ненавистную централизацию, и создаются политические обстоятельства, ведущие к внутреннему конфликту, когда в душе донского казака сталкиваются два противоречивых соблазна. Но почему не в самом Шолохове боролись две разные тенденции — одна непосредственная, вполне естественная для сына казачки, выросшего на Дону, другая — коммунистическая, привитая ему извне в ходе революции и шедшая от отца — «иногороднего» москаля. Да и ведь основное в «Тихом Доне» — это именно столкновение между тем, что можно назвать донской самобытностью, неким областным национализмом, и чужими силами, представляющими централизованную, интернациональную идеологию большевизма, или знамя Ста-

---

рой России — белые армии, или иноземцев — немцы с генералом Красновым. И я думаю, что Шолохов отлично понимал все «блукания», блуждания Мелехова и его переходы из одного лагеря в другой, и поэтому так хорошо их изобразил».

Однако ни в одном из антишолоховедческих «трудов» мы не встретим возражений по поводу этих блестящих объяснений сути поэтики романа-эпопеи «Тихий Дон». Не было такого шолоховеда М. Л. Слонима, и всё!

Стесняются спорить, опровергать антишолоховеды и крупнейшего шолоховеда, профессора Принстонского университета Г. С. Ермолаева, опубликовавшего в том же году статью-рецензию «Riddles of The Quiet Don» (ж. *Slavic and East European Journal*, 1974. Vol. 18,3). Прежде всего ученый отметил огромное количество фактических ошибок у Томашевской — Солженицына. Например: «*Казаки не двинулись в 1917 году с фронта по домам, «как только были поданы первые агитационные сигналы». Первой двинулась пехота, казакам же пришлось и задерживать дезертиров, и продолжать войну, как показано в «Тихом Доне» (III). Повстанческое движение на Дону в 1918 году началось не в мае, а 18 марта ст. ст., когда поднялась станица Суворовская. Донское восстание не развернулось в конце 1918 года. Это было время разложения в частях верхнедонских казаков, которые вскоре открыли фронт противнику. Донское восстание не означало влития казачьих отрядов в единую повстанческую дивизию, а привело к созданию в 1918 году Донской армии, состоявшей из нескольких дивизий и корпусов. Неверно, что все верхнедонцы остались дома перед приходом красных, которым они открыли фронт. Об ушедших в отступление не раз говорится в «Тихом Доне», в частности в проникновенном лирическом отступлении с «желтым лазоревым цветком расставанья» (IV). Верхнедонское восстание не было подавлено в конце 1919 года. 25 мая (7 июня) 1919 года повстанцы соединились с прорвавшей фронт красных Донской армией и влились в ее ряды, но не к «осени 1919 года», а в июне.*

Штокман вообще не выносил смертного приговора Бодовскову, тем более «как заядлому кулаку». Бодовсков был внесен в список врагов Кошевым за участие в расстреле подтелковцев (IV). Заявление Д. о том, что Кошевой с детства презирал хозяйственную жизнь, не находит подтверждения в романе. Наоборот, Кошевой быстро и умело наладил хозяйственную жизнь в мелеховском курене (V). Дед Гришака, когда его застрелил Кошевой в 1919 году, не был

«столетним стариком». В 1912 году ему было шестьдесят девять лет (II). В тридцатой главе пятой части Валет, вопреки утверждению Д., не появляется. Бунчук служил не во Второй Донской дивизии, а в Первой (III). В разговоре с офицером Атарщиковым летом 1917 года Листницкий давно уже не сотник, а есаул (III). В романе нигде не говорится, что Атарщиков — «атаман казачий». Атарщиков с Долговым пели не донской гимн, а старинную казачью песню. Изварин никак не мог бежать из полка «в штаб Донской армии», так как он покинул полк «перед съездом фронтового казачества в Каменской» (III), т.е. до 10 (23) января 1918 года, когда никакой Донской армии не существовало. Изварин к тому же довольно четко назвал причины своего побега, которые почему-то кажутся Д. не совсем ясными. Бунчук появляется в романе впервые не в офицерской землянке в Полесье, т. е. во второй книге — осенью 1916 года, а в первой книге — поздним летом 1914 года (I). В том же году, а не в 1915, показан в романе Гаранжа. Дроздов был не вахмистром, а подхорунжим (III). Неверно, что благодаря Григорию был «остановлен рывок особого офицерского полка, который вел Чернецов». В победе над Чернецовым главная заслуга принадлежит Голубову, и у Чернецова был не офицерский полк, а отряд. Григорий не был командиром отряда татарцев весной 1918 года, ибо не был избран на эту должность из-за службы в Красной гвардии (III); во время боев в Хоперском округе он был не сотником, а хорунжим (IV)».

«Непомерное количество ошибок и неточностей, — считает Г.С. Ермолаев, — показывает, что в течение своей работы над «Тихим Доном» Д. не был как следует знаком ни с его текстом, ни с историческими событиями, основные сведения о которых он имел возможность почерпнуть из того же романа. Д., как сообщает в предисловии Солженицын, работал над своей книгой урывками, в неблагоприятных условиях, в последние месяцы тяжело-больным. Все это не могло не отразиться отрицательно на тщательности проверки рукописи, где остались неисправленными такие явные оплошности, как повторение одних и тех же «авторских» глав в одном и том же перечне. Тем не менее главная причина ошибок и неточностей Д. коренится в его исследовательском подходе, который отличается не столько доскональным изучением текста и фактов, сколько игрой фантазии, недоказуемыми догадками и произвольными толкованиями, основанными нередко на ошибочных предпосылках. Тезис Д. о сосуще-

---

ствовании в «Тихом Доне» «авторского» и «соавторского» текстов нельзя считать доказанным».

Однако не только Глеб Струве, Марк Слоним и Герман Ермолаев выступили против Солженицына — Томашевской. Авторство М.А. Шолохова подтвердили и другие видные зарубежные слависты. «Характерно, — пишет В. В. Васильев, — ни один из шолоховедов и серьезных исследователей новейшей русской литературы — ни в нашей стране, ни на свободном Западе — инициативы Солженицына и Медведевой-Томашевской по «разоблачению» Шолохова не поддержал — в числе последних авторитетные за рубежом ученые, профессора русской литературы <...> Д. Стюарт (Пенсильванский университет), Р. Магвайр (Колумбийский университет), М. Хейворд (Русский институт при Колумбийском университете), И. Уайл (Северо-западный университет, США), Э. Браун (Стэнфордский университет), Б. Мэрфи — один из крупнейших знатоков русского языка и литературы в Великобритании, В. Свобода (Лондонский университет) и др.».

В связи с этим невозможно не согласиться с Ф.Ф. Кузнецовым, который справедливо утверждает: «Невзирая на столь доказательную и аргументированную критику со стороны крупнейших западных славистов, «Стремя «Тихого Дона»» начало свой «триумфальный» путь во времени и пространстве в значительной степени с помощью могущественнейших средств массовой информации, в первую очередь — закордонных «радиоголосов». Серьезная наука была оттеснена. На первый план вышла политика. И хотя А.И. Солженицын в предисловии к книге говорил о работе Д* как о **гипотезе** — авторитет его имени тут же превратил гипотезу чуть ли не в истину в последней инстанции».

Выход книжки-конспекта Томашевской вызвал самый широкий отклик в средствах массовой информации на Западе. О некоторых уже шла речь. Активная пропаганда взглядов Солженицына — Томашевской прозвучала на радио, в том числе на волнах «Голоса Америки» и «Би-би-си», работавших на российское население против Советского Союза. В радиопередаче от 3 сентября 1974 года (в 20.00 часов), ссылаясь на мнение норвежской газеты «Афтенпостен», немецкой «Штутгартер цайтунг», английской «Дейли телеграф», парижской «Интернэшнл геральд трибюн», Голос Америки умело формировал мнение у слушателей о том, что М.А. Шолохов — не автор «Тихого

Дона», что немцы даже вспомнили о Нобелевской премии писателя, назвав статью «Нобелевская премия за плагиат». Би-би-си в передаче от 3 сентября 1974 года в 19.45 (какая синхронность с Голосом Америки!) сообщила о том, что благодаря «литературоведческому и историческому анализу авторства романа», основанному не на слухах, а на подробном анализе структуры произведения «наконец-то установлен настоящий автор «Тихого Дона» — Ф.Д. Крюков, занимавший «выдающееся место среди авторов Дона»

То, как обрабатывалось за рубежом в 70-е годы общественное мнение, наглядно свидетельствует статья Н. Рутыча «Тайна «Тихого Дона», опубликованная в журнале «Посев» в том же 1974 году (№10). Автор окончил исторический факультет Ленинградского университета, в начале Великой Отечественной войны попал в плен и оказался невозвращенцем. Мы приводили ранее мнение Г.П. Струве и М.Л. Слонима о книжке Томашевской, а вот для Н. Рутыча в ней — «интереснейший и чрезвычайно глубокий анализ «Тихого Дона», принадлежащий перу литературоведа высокого класса», благодаря которому «вопрос об авторстве Шолохова, вопрос, к которому так легкомысленно подошла шведская Академия наук, снова встал. И на этот раз его уже нельзя ни обойти молчанием, ни снять партийным окриком». Он присоединяется к Солженицыну и «пока неизвестному Д*, считает, что они высказали «весьма обоснованное предположение, что автором «Тихого Дона» был погибший от сыпного тифа в 1920 году Федор Дмитриевич Крюков». Он как об установленном факте заявляет, что «Тихий Дон», или, точнее, первые его главы были известны уже в 1917 году Леониду Андрееву, когда он издавал газету «Русская воля». Речь о них шла в его письме Голоушеву, хорошо знавшему Серафимовича и других донских писателей и, как предполагает с немалыми основаниями А. Солженицын, в письме Андреева говорилось о главах «уже писавшегося тогда романа Федора Крюкова». И т.д., и т.п.

Пожалуй, единственный, кто выступил против антишолоховской вакханалии на Западе, не считая, конечно, названных уже ученых, был Г. Климов. В хлестком памфлете-фельетоне под названием «Кто нобелевский лжец и клеветник: Шолохов или Солженицын?» («Родимый край», 1976. №125) он с большой долей иронии и сарказма показал, как действуют средства массовой информации в

условиях политической борьбы Запада против Советского Союза на примере дискредитации самого яркого и значительного представителя советской культуры М.А. Шолохова. И он придумал (или правда?) объяснение антишолоховской войны в 60—70-е годы прошлого века. «Году этак в 1969-м среди кандидатов на докторскую степень в области русской литературы ходило заманчивое предложение: стипендия в 5000 долларов. Но при этом маленький «соцзаказ» — требуется доказать, что Шолохов не автор «Тихого Дона». Кто-то соблазнился, сидел и копался в этой области. Потом эту «диссертацию» пустили под маркой анонимного «советского литературоведа Д.», который сразу же сыграл в ящик. А для пушей важности расписаться под этим дали Солженицыну. Типичная фальшивка психологической войны. Ведь я сам работал в области этой психвойны и мог бы накатать целую диссертацию о таких фальшивках».

Было это или не было, но ясно одно: в «холодной войне» дальнейшая дискредитация М.А. Шолохова являлась сильнейшим оружием в политической борьбе против Советского Союза.

Эта политическая борьба изнутри поддерживалась диссидентским движением (или наоборот). Именно поэтому «дело о плагиате», организованное Солженицыным, было кстати и для «третьей волны» эмиграции. М.А. Шолохов в глазах этой эмиграции был олицетворением всего советского, коммунистического. В. В. Васильев писал в 1991 году: «Всех перекричала <...> третья волна, вот уже более двадцати лет пережевывающая величайшие потрясения в отечественной истории и обогащающая нас рассказами о том, как в хрущевские времена бульдозерами сносили выставку нового авангарда; сколь жестоко преследовались отважные авторы примитивного «Метрополя» (некоторых даже исключили из Союза писателей), каким гонениям — за тунеядство — подвергался великий Бродский, и требовалось недюжинное мужество, чтобы протокольно зафиксировать судебный процесс над ним». Автору «Тихого Дона», как и в злосчастное порубежье 20—30-х годов (когда Шолохов слыл антисоветчиком по меркам неистовых ревнителей, дедов и отцов современных радикальных перестройщиков) до сих пор не могут простить последовавших за присуждением ему Нобелевской премии выступлений на XXIII съезде КПСС (с осуждением Синявского и Даниэля), речи на IV Всесоюзном съезде писателей (о

«ревнителях свободы печати»), отзыва о произведениях Солженицына... Все это копилось годами, искало выхода, прорвалось в середине 70-х на Западе, а в пору перестройки по-обезьяньи повторяется у нас. Неприязнь к Шолохову была перенесена на «Тихий Дон». Подмена совершается по законам жестокой политической борьбы: столь яркий, по «принципиальной» характеристике диссидентов, защитник советского ГУЛАГа, как Шолохов, не может быть создателем шедевра, равно как и любой другой русский писатель советского времени. (В.В. Васильев. Ненависть, «МГ», №11, с. 245; №12, с. 235).

Е. Евтушенко в те времена не был ни диссидентом, ни эмигрантом, но в статье о М.А. Шолохове («Фехтование с навозной кучей»), опубликованной, кстати, в «Литературной газете» (1991, 23 янв.), писал о нем как о плагиаторе и алкоголике, а Вознесенский в Париже обнаружил такую эпиграмму:

*Сверхклассик и собрат,
Стыдитесь, дорогой,
Один роман — содрал,
Не мог содрать второй.*

Разумеется, эпиграмму иные и в России повторяли с удовольствием, особенно такие, как В. Астафьев, заявивший еще при жизни писателя, что «самым счастливым днем моей жизни будет день смерти Шолохова».

М.А. Шолохов был коммунистом и выступал всегда и везде как коммунист. Именно за это он не любим и бывшими диссидентами, и деятелями культуры и искусства, старательно расшатывавшими государственный строй Советского Союза. Но будем справедливыми или хотя бы стремящимися к этому и постараемся, по крайней мере, не оглуплять писателя, воспринимать его как незаурядную личность, не делать из него злодея, уважать его гражданские позиции. Только один пример.

Уже говорилось о том, что М.А. Шолохов выступил на XXIII съезде КПСС с речью, в которой осудил диссидентов, имея в виду и Даниэля с Синявским, до этого осужденных за антисоветскую деятельность. Известно также, что на речь писателя откликнулась открытым письмом «Михаилу Шолохову, автору «Тихого Дона» Л. Чуковская. Те, кто не знаком с речью М.А. Шолохова, после прочтения этого письма могут составить себе представление о

писателе как о чудовище, монстре. Но что в его речи?

М.А. Шолохов говорил: «Совсем другая картина получается, когда объявляется некий сочинитель, который у нас пишет об одном, а за рубежом издает совершенно иное. Пользуется он одним и тем же русским языком, но для того чтобы в одном случае замаскироваться, а в другом — осквернить этот язык бешеной злобой, ненавистью ко всему советскому, ко всему, что нам дорого, что для нас свято. <...> Попадись эти молодчики с черной совестью в памятные 20-е годы, когда судили, не опираясь на строго разграниченные статьи Уголовного кодекса, а руководствуясь «революционным правосознанием», ох, не ту меру наказания получили бы эти «оборотни»! А тут, видите ли, еще рассуждают о «суровости» приговора».

То есть приговор Даниэлю и Синявскому уже вынесли, он вынесен в соответствии с действующим Уголовным кодексом, и не стоит вокруг этого приговора, считал писатель, заводить дискуссии, тем более что осужденные, как говорится, легко отделались. Но вот тот же Н. Рутыч стонал: *«Скажем прямо: вся жизнь ныне 69-летнего Шолохова, его выступления на писательских и партийных съездах (вспомним угрозы, высказанные им на XXIII съезде КПСС по адресу Синявского и Даниэля!) никак не свидетельствуют о том, что он следовал высоким понятиям о чести»*. А Бар-Селла ёрнически, спустя много лет, продолжает вспоминать: *«На заседании Культурологического семинара «Солнечное сплетение» (Иерусалим, 28 июня 2001 г.) Михаил Вайсконф напомнил анекдот-каламбур, имевший хождение в 60-е годы: «Что такое поддонок» — Писатель, работающий на Дону»... Александр Шуплов <...> полагает причиной возникновения анекдота неудовольствие Шолохова от того, что А. Синявского и Ю. Даниэля не приговорили к расстрелу. 1 апреля 1966 года писатель поделился своей скорбью с делегатами XXIII съезда КПСС»* (Выделено нами. — Авт.).

Но никаких угроз, никаких требований по пересмотру приговоров в сторону их ужесточения и никакой тем более скорби не было! О высоких ли понятиях о чести у оппонентов М.А. Шолохова можно говорить?

Но: «Мне стыдно не за тех, — говорил М.А. Шолохов, — кто оболгал Родину и облил грязью все самое светлое для нас. Они аморальны. Мне стыдно за тех, кто пытался и пытается взять их под защиту, чем бы эта защита ни мотивировалась.

Вдвойне стыдно за тех, кто предлагает свои услуги и

обращается с просьбой отдать им на поруки осужденных отщепенцев.

Слишком дорогой ценой досталось всем нам то, что мы завоевали, слишком дорога нам Советская власть, чтобы мы позволили безнаказанно клеветать на нее и порочить ее»

Вот, собственно, и все, что было сказано М.А. Шолоховым о Даниэле и Синявском (даже без указания фамилий!). Речь писателя была посвящена и другим проблемам советской жизни. Так что видим, М.А. Шолохов попытался привлечь внимание не к осужденным (с ними вопрос был ясен), а к их окружению, т. е. к диссидентам. Как коммунист он понимал всю опасность развития диссидентства для советской России. И разве был не прав?

Однако вот как речь М.А. Шолохова видится Чуковской. *«Но огорчил Вас, — заявляет она, — не один лишь приговор: Вам пришлось не по душе самая судебная процедура, которой были подвергнуты писатели Даниэль и Синявский. <...> Вам хотелось бы, чтобы судьи судили советских граждан, не стесняя себя кодексом, чтобы руководствовались они не законами, а «революционным правосознанием».*

Этот призыв ошеломил меня, и я имею основание думать, не одну меня. Миллионами невинных жизней заплатил наш народ за сталинское поправление закона...»

Но разве об этом говорил Шолохов? Надо отдать должное Чуковской: используя опыт древних, утверждавших, что надо приписать человеку, которого нужно уничтожить, то, чего он не говорил и не делал («черный пиар»), а затем бить его за это. И вот уже вопросно-восклицательные интонации за М.А. Шолохова: *«Зачем тут психологический и социальный анализ? К стенке! Расстрелять в 24 часа!»*

Но разве Шолохов призывал к этому? Чуковская допрашивает писателя: *«И кого в первую очередь мечтаете Вы осудить этим особо суровым, не опирающимся на статьи кодекса, судом, который осуществлялся в «памятные 20-е годы»?»*

Да никого! Однако Чуковская настойчива: *«Но на этот раз Вы превзошли самого себя. Приговор двум интеллигентным людям, двум литераторам, не отличающимся крепким здоровьем, к пяти и семи годам заключения в лагерях со строгим режимом, для принудительного, непосильного физического труда, т.е., в сущности, приговор к болезни, а может быть, и к смерти, представляется Вам недостаточно суровым».*

Вот таким извергом рода человеческого делает Чуковская коммуниста М.А. Шолохова, который в 60-е годы, по сути, предсказал то, что произойдет в 90-е годы. Но так ли уж «мерзок» он, если не приписывать ему то, о чем, захлебываясь, старательно выговаривала Чуковская, о которой в своих статьях так тепло вспоминает Солженицын?

* * *

Незаконченная брошюра Томашевской с предисловием Солженицына, как уже говорилось, увидела свет под названием «Стремя Тихого Дона» (Загадки романа) в Париже в 1974 году. Солженицын в предисловии к ней призвал «на помощь всех, кто желал бы помочь в исследовании: <...> изучить и объяснить все загадки «Тихого Дона», помешавшие ему стать книгой высшей (!), чем она сегодня есть, — загадки его неоднородности и взаимоисключающих тенденций в нем».

Понадобилось целых 15 лет, смена государственного строя (очевидно, не только Солженицын побаивался 58-й статьи), чтобы появились последователи. Их не так много, но они упрямы, настырны в своем желании запечатлеться рядом с М.А. Шолоховым. Одному из них — Зееву Бар-Селле — понадобилось сменить гражданство (уехал в Израиль), где на русском языке стал печатать свои антишолоховские статьи, писать книгу; другому — Рою Медведеву — пришлось (а почему все-таки?) опубликовать свою книгу «Загадки творческой биографии М.А. Шолохова» сначала на французском, а затем (в расширенном варианте) на английском языке вне пределов России. На русском языке, кстати, этой книги до сих пор нет. Появляются работы А. Г. Макарова и С. Э. Макаровой, М. Т. Мезенцева, А. В. Венкова и др. Собранные вместе, труды этих «специалистов по Шолохову» для массового читателя выглядят вполне внушительно, однако в них — ни одной свежей идеи, мысли, всё та же ненависть к М.А. Шолохову и всё тот же непрофессионализм.

В названном предисловии Солженицын писал: «И по сегодня живы современники тех лет, уверенные, что не Шолохов написал эту книгу. Но, скованные всеобщим страхом перед могучим человеком и его мезьтью, они не выскажутся до смерти. История советской культуры вообще знает немало случаев плагиата важных идей, произведений, научных трудов — большей частью у арестованных и умерших (доносчиками на них, учениками их) — и

почти никогда правда не бывала восстановлена, похитители воспользовались беспрепятственно всеми правами».

Да, М.А. Шолохов был могучим, цельным человеком, гениальным писателем, но нет ни одного свидетельства о том, что он был мстительным. И до сих пор не найдено ни одной строчки, заимствованной им из творчества какого-либо предшественника или писателя-современника.

А что же Солженицын? Видимо, надо согласиться все с тем же В. Бушиным: это — «самый великий и преуспевший лжец в русской истории», «это никакое не заблуждение, не ошибка, а обдуманная, рассчитанная злобная диверсия против русской культуры человека, прожившего жизнь под девизом «Отмываться всегда трудней, чем плюнуть». Поэтому главное — в нужный момент плюнуть первым». Или же согласиться с самим Солженицыным, иронически заявившем о направлении Синявского, что «это — перспективное направление, от него можно ждать еще разительных открытий о русской классике. Еще придут новые боратели (!), доказывать: как ни в чем и никакого прошлого у России не было, так и литературного тоже. Уже целая литературная ветвь <...> практически «работает на снижение», развалить именно то, что в русской литературе было высоко и чисто. Распущенная и больная своей распущенностью, до ломки граней достоинства, с удушающими порциями кривляний, она силится представить всеиронию, игру и вольность самодостаточным Новым Словом, — часто скрывая за ними бесплодие, вспышки несущественности, переигрывание пустоты».

А именно такими представляются современные антишолоховеды.

От редакции. Теперь, когда найдена и издана шолоховская рукопись «Тихого Дона», вся мифология врагов великого писателя о т.н. «плагиате» выглядит не просто кощунственно и мерзко, она лишний раз показывает, что для врагов русской нации, русской культуры и самой России пределов подлости не существует.

ПРОЗА

- АЛЕКСЕЕВ Эдуард. **Рассказы о животных** — 3.
АРДЫШЕВА Лидия. **Морские сюжеты**. Рассказы — 9.
БЕСЕДИН Николай. **Русопят**. Рассказ — 10.
БОЙКО Нина. **Миниатюры** — 10.
ВОЛОГ Александр. **Рапорт всем**. Рассказ — 5—6.
ГЕОРГИЕВ Веселин. **Два рассказа** — 10.
ДОМАЕВ Равиль. **Волк**. Рассказ — 4.
КАЛАНДАРОВ Марат. **Ночь с волчицей**. Повесть — 1—2.
КИЛЯКОВ Василий. **Дочь Севера**. Рассказ — 7—8.
КОЗИН Александр. **Только раз в году**. Рассказ — 10.
КОЗЫРЕВА Анна. **Аз емь...** Главы из романа — 4.
МАЛИНОВСКИЙ Александр. **Встречный ветер**. Повесть — 1—2.
МАНУЙЛОВ Виктор. **Иду на Вы**. Сказание — 11—12.
МЕЛЬНИКОВ Виктор. **Где-то в Сибири**. Рассказ — 7—8.
МЕЩАНИНОВ Дмитрий. **Электричка в прошлое**. Рассказ — 7—8.
ПАХОМОВ Юрий. **Рассказы** — 3.
ПАХОМОВ Юрий. **Столкновение**. Повесть — 9.
ПОВЕТКИН Олег. **Самые маленькие доходяги. Сила привычки**.
Рассказы — 7—8.
ПОЛЯКОВ Александр. **Зяма**. Рассказ — 4.
ПРОНСКИЙ Владимир. **Рассказы** — 3.
ПРОНСКИЙ Владимир. **Племя сирот**. Главы из романа — 10.
ПРОСКУРИН Петр. **В час искушения**. Рассказ — 1—2.
САХАРОВ Глеб. **Горлоносик. Двое**. Рассказы — 3.
СЕРЖ. **Своя колея**. Рассказ — 5—6.
СОСНОВСКИЙ Владислав. **Две судьбы**. Рассказы — 7—8.
ХАТЮШИН Валерий. **Перед уходом**. Рассказ — 5—6.
ШТУРМИНА Юлия. **Красивая жизнь**. Рассказ — 5—6.
ШУМСКИЙ Сергей. **Рассказы** — 4.
ШЕПОТКИН Вячеслав. **Подарок**. Рассказ — 7—8.
ЩЕРБАКОВ Сергей. **Кедри Ливансии**. Рассказ — 1—2.
ЩЕРБАКОВ Сергей. **Скворцы прилетели**. Рассказ — 4.
ЩЕРБАКОВ Сергей. **Совы в доме**. Рассказ — 7—8.

ПОЭЗИЯ

- АВРУТИН Анатолий. **Белое на белом**. Стихи — 11—12.
АРТЮХОВ Евгений. **Российский окоп**. Стихи — 10.
БОГДАНОВ Вячеслав. **По волнам ветра**. Стихи — 9.
ДМИТРИЕВ Николай. **В пятидесятых рождены**. Стихи — 5—6.
ДБЯКОВА Ольга. **В шали на ветру**. Стихи — 11—12.
ЖУРАВЛЕВА Ольга. **Уединение**. Стихи — 9.
ЗОЛОТЦЕВ Станислав. **Осенний путь**. Стихи — 9.
ИВУШКИН Александр. **Остывшие печи**. Стихи — 4.

КАН Диана. **Славянская жила**. Стихи — 9.
КИКТЕНКО Вячеслав. **Лодочка плывет**. Стихи — 11—12.
КОЛЕДИН Константин. **Кольцо перемен**. Стихи — 1—2.
КОРНИЛОВ Леонид. **Скифская мадонна**. Стихи — 7—8.
КОЧЕТКОВ Олег. **Кровные думы**. Стихи — 7—8.
МОЛЧАНОВ Владимир. **Белая дорога**. Стихи — 1—2.
НИКОЛАЕВА Татьяна. **И любить, и верить...** Стихи — 5—6.
НЫРКОВ Николай. **В колыбельном краю**. Стихи — 5—6.
ОСИПОВ Владимир. **Подмерзшая рябина**. Стихи — 10.
ПАВЛОВСКАЯ Анна. **Сова**. Стихи — 4.
ПОТАПОВ Александр. **Родные рябины**. Стихи — 3.
РЕПИН Василий. **Осенний звон**. Стихи — 10.
РОМАНОВА Раиса. **Российская бездна**. Стихи — 1—2.
Стихи поэтов России — 4, 7—8, 11—12.
СУРНИНА Ирина. **Зазимье**. Стихи — 10.
ТЕРТЫЧНЫЙ Иван. **Затуманился сад**. Стихи — 4.
ТУРОВСКАЯ Людмила. **Родина в сердце**. Стихи — 3.
УСТИНОВ Валентин. **Новые стихи**. Стихи — 3.
ФРОЛОВ Геннадий. **Ноша**. Стихи — 11—12.
ХАТЮШИН Валерий. **Иною дорогой...** Стихи — 3.
ХОРОЛЬСКИЙ Виктор. **Гневные стихи**. Стихи — 4.
ШАЛЬНЕВ Борис. **Светел круг**. Стихи — 1—2.
ШАЦКОВ Андрей. **Годовые тропы**. Стихи — 7—8.
ШУВАЕВ Владимир. **Эта вечная даль**. Стихи — 1—2.
ЩЕЛОКОВ Иван. **Жажда росы**. Стихи — 7—8.
ШИПАХИНА Людмила. **Стойкость**. Стихи — 3.
ЯКОВЕНКО Марина. **Улица детства**. Стихи — 10.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

АНТОНОВ Михаил. **Россия XXI века: путь к мировому лидерству** — 1—2, 3, 4, 5—6, 7—8, 9, 10, 11—12.
БУТАКОВ Ярослав. **Есть ли будущее у русских?** — 4.
ВАСИЛИК Владимир. **О сопротивлении злу силой** — 10.
ДАЛЛЕС Ален. **Задачи в отношении России** — 9.
ДЕЛЯГИН Михаил. **Силовая олигархия как родимое пятно ельцинизма** — 7—8.
ИЛЮХИН Виктор. **Чем ответить на вызов?** — 3.
КАЗАРЕЗОВ Владимир. **Сохраним землю — сохраним народ** — 7—8.
ЛЕМЕШЕВ Михаил. **Русский язык — сама Россия** — 1—2.
ЛЕОНОВ Николай. **Что ждет нас завтра?** — 5—6.
НАЗАРОВ Михаил. **Борис Коверда** — 4.
НАРОЧНИЦКАЯ Наталия. **Стратегия западного мышления** — 11—12.
ПЛАТОНОВ Олег. **Русское сопротивление грядущему антихристу** — 1—2, 3, 4, 5—6, 7—8, 9, 10, 11—12.
ПОЗДНЯКОВ Валерий. **Русские «иностранцы» в Приамурье** — 4.
ПОЛЕТАЕВ Александр. **Что задумали американские гроссмейстеры конфликтов?** — 10.
Проект Россия — 3, 4, 5—6, 7—8.
РОДИОНОВ Игорь. **Есть ли у России ядерный щит?** — 4.
САМАРИН Анатолий. **Деморализация и криминализация** — 11—12.

СЕМЕНОВА Елена. **Мифология российских законов** — 10.
СОЛОВЕЙ Валерий. **Мы и они** — 9.
Уничтожение интеллектуального потенциала России («Круглый стол» российских ученых о состоянии современной науки) — 7–8.
ЧАРУШНИКОВ Валерий. **Мифы и реальность «пражской весны»** — 9.
ШЕСТУН Евгений. **Нет для Бога невозможного** — 9.
ШИМАНОВ Геннадий. **Два условия возрождения христианства в России** — 4.
ШИМАНОВ Геннадий. **Здоровая семья как условие сохранения нации** — 5–6.
ШУРТАКОВ Семен. **Извечное противостояние?** — 11–12.
ЮДИН Владимир. **Куда ведут коммерческие рельсы?** — 5–6.

ДОРОГИ И СУДЬБЫ

ОСИПОВ Владимир. **Уроки жизни** — 3.
ШЕВЧЕНКО Александр. **Жизнь во имя Родины** — 1–2.

ДОСЬЕ «МГ»

КАРА-МУРЗА Сергей. **Черный миф** — 10.
КРУГЛОВ Юрий, ВЛАДИМИРОВА Татьяна. **Деяние, близкое к святотатству** — 11–12.
МЕДВЕДЕВА Ирина, ШИШОВА Татьяна. **Демографическая война против России** — 10.
МИРОНОВА Татьяна. **Квачков допросил Чубайса** — 4.
ШАМБАРОВ Валерий. **Импортные корни русской революции** — 3.

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

ДЕСЯТНИКОВ Владимир. **Дневник русского** — 3, 7–8, 9.
КИЛЯКОВ Василий. **Заметки равнодушного** — 9.
КОНЯЕВ Николай. **На стыке тысячелетий** — 1–2.
МЕЩАНИНОВ Дмитрий. **Уик-энд** — 4.
СВЕРДЛОВА Ольга. **Есть ли на свете счастье?** — 3.
СЕРГЕЕВ Леонид. **Самое большое преступление — безнаказанность** — 1–2.
ХАТЮШИН Валерий. **Протуберанцы** (Размышления и воспоминания) — 10.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

БОЖЕНКОВ Ярослав. **Эволюция снаряда. Рождение «катоши»** — 5–6.
ВОЛЧЕНКО Анатолий. **Основы подлинной истории русского народа** — 7–8.
ВОРОБЬЕВСКИЙ Юрий. **Над Царьградом погасла луна. На пороге Константинополя** — 9.
НИКОЛАЕВ Валентин. **Правда о Финской войне** — 5–6.
РОДИН Сергей. **Творцы «новой нации»** — 3, 4.
ШАМБАРОВ Валерий. **На перекрестке отечественной истории** — 10.

НАЦИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

ДРОНОВ Иван. **Царский наставник** — 9.
ЛЕМЕШЕВ Михаил. **Русская модель управления экономикой** — 4.
ШИМАНОВ Геннадий. **Здоровая семья как условие сохранения нации** — 5–6.

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

БАБУРИН Сергей, ЮДИН Владимир. **На основе вековых традиций** — 3.
ВЕРТЬЯНОВ Сергей. **Кем создан мир?** — 9.
ИЛЮХИН Виктор. **Грозит ли распад России?** — 4.
НАРОЧНИЦКАЯ Наталия. **Революция — детище интеллигенции** — 5–6.
ХАТЮШИН Валерий. **Несостоявшееся интервью с В.А. Крючковым** — 1–2.

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

ИВЛЕВ Михаил. **От Алтая до чилийских Анд** — 5–6.
КОЛОСОВА Марианна. **Стихи** — 5–6.
КУЗНЕЦОВ Дмитрий. **Белый витязь** — 3.
САВИН Иван. **Стихи** — 3.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА И ИСКУССТВО

АКСЮЧИЦ Виктор. **Экзистенциальная боль русской литературы** — 5–6.
ЛЮБОМУДРОВ Марк. **Русское кино** — 1–2.
САПРЫКИНА Елена. **По закону совести** — 10.
ЮДИН Владимир. **Вадим Кожин и национальный вопрос** — 9.

КРУГ ЧТЕНИЯ

Александр II и его время — 1–2.

ИРОНИЧЕСКИМ ПЕРОМ

МИРОНОВ Александр. **Подарки на дом** — 7–8.

ТАЙНОЕ И ПОТУСТОРОННЕЕ

ВОРОБЬЕВСКИЙ Юрий. **Ницше: мундштук дьявола** — 5–6.
ВОРОБЬЕВСКИЙ Юрий. **Монахи и бесы** — 7–8.

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

АБРАМОВ Борис. **Потерянные годы** — 7–8.
ГОЛОВКИНА Тамара. **Спор с чиновником о толерантности** — 1–2.
ГУСАРЕВИЧ Олег. **По закону войны. Лилаэста. Москва и рыночная революция** — 5–6.
МАСЛОВСКАЯ Людмила. **Мы были сильнее** — 5–6.
СУХОВА Елена. **На пыльных тропинках Луны** — 9.